

ISSN 2414 9217

**ДАВЛАТШИНОСИ
ВА ҲУҚУҚИ ИНСОН**

Маҷаллаи илмӣ-амалӣ

**ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ
И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**

Научно-практический журнал

**№ 4 (08)
2017**

ДАВЛАТШИНОСӢ ВА ҲУҚУҚИ ИНСОН
Маҷаллаи илмӣ-амалӣ

№ 4 (08)
2017

Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти № 0249 / МҶ аз 20
январии соли 2016 ба қайд гирифта шудааст.

Маҷалла соли 2016 таъсис дода шуда, дар як сол чор маротиба чоп мегардад.

Муассис: Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ

Сармуҳаррир: Азиззода У.А., д. и. х., профессор
Муовини сармуҳаррир: Диноршоев А.М., д. и. х., профессор
Котиби масъул: Салоҳидинова С.М., н. и. х.

Ҳайати таҳририя:

Имомзода М.С.	академики Академияи илмҳои ҚТ, д. и. ф., профессор
Маҳмудзода М.А.	академики Академияи илмҳои ҚТ, д. и. х., профессор
Тоҳиров Ф.Т.	академики Академияи илмҳои ҚТ, д. и. х., профессор
Насриддинзода Э.С.	д. и. х., профессор, узви вобастаи Академияи илмҳои ҚТ
Авакян С.А.	д. и. х., профессор
Ализода З.М.	д. и. х., профессор
Зоиров Ҷ.М.	д. и. х., профессор
Нуриддинов Р.	д. и. с., профессор
Сотиволдиев Р.Ш.	д. и. х., профессор
Золотухин А.	д. и. х., дотсент
Сафарзода Б.А.	д. и. х., профессор
Раҳмон Д.С.	н. и. х., дотсент
Ҷамшедов Ҷ.Н.	н. и. х., дотсент
Камолзода И.И.	н. и. х., дотсент
Павленко Е.М.	н. и. х., дотсент

Мухаррирони илмӣ ва мусахҳахон:
Сафарзода Н.Р., Саъдизода Ҷ., Шоев Ф.М., Сафарзода Н.Ф.

ISSN 2414 9217

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
Научно-практический журнал

4 (08) выпуск
2017

Издание зарегистрировано в Министерстве культуры Республики Таджикистан за № 0249 / МЧ от 20 января 2016 года

Журнал выходит с 2016 года. Издается 4 раза в год

Учредитель: Таджикский национальный университет, юридический факультет

Главный редактор:	Азиззода У.А., д. ю. н., профессор
Заместитель главного редактора:	Диноршоев А.М., д. ю. н., профессор
Ответственный секретарь:	Салохидинова С.М., к. ю. н.

Члены редколлегии:

Имомзода М.С.	академик Академии наук РТ, д. ф. н., профессор
Махмудзода М.А.	академик Академии наук РТ, д. ю. н., профессор
Тахиров Ф.Т.	академик Академии наук РТ, д. ю. н., профессор
Авакьян С.А.	д. ю. н., профессор
Ализода З.М.	д. ю. н., профессор
Зоиров Дж.М.	д. ю. н., профессор
Насриддинзода Э.С.	д. ю. н., профессор
Нуриддинов Р.	д. п. н., профессор
Сативалдыев Р.Ш.	д. ю. н., профессор
Золотухин А.	д. ю. н., доцент
Сафарзода Б.А.	д. ю. н., профессор
Рахмон Д.С.	к. ю. н., доцент
Джамshedов Дж.Н.	к. ю. н., доцент
Камолзода И.И.	к. ю. н., доцент
Павленко Е.М.	к. ю. н., доцент

Научное редактирование и корректура:
Сафарзода Н.Р., Саъдизода Дж., Шоев Ф.М., Сафарзода Н.Ф.

ISSN 2414 9217

Мундариҷа – Содержание

**МАСЪАЛАҲОИ МУБРАМИ НАЗАРИЯИ ДАВЛАТ ВА ҲУҚУҚ –
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Азиззода У.А., Пашенцев Д.А. РАСМИЁТҲОИ СУДИИ ҲАЛЛИ ИХТИЛОФОТИ ҲУҚУҚӢ: ҶАНБАИ НАЗАРИЯВӢ 6

Шарифзода Ш.М. КОНСТИТУТСИЯ – МУҲИМТАРИН ОМИЛИ ТАЪМИНИ ИСТИҚЛОЛИ МИЛЛӢ ВА САРЧАШМАИ ҚОНУНГУЗОРИИ КИШВАР 14

**МАСЪАЛАҲОИ МУБРАМИ СОХТОРИ КОНСТИТУТСИОНӢ. СОХТОРИ ДАВЛАТӢ –
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО**

Диноршоев А.М., Сулаймонов М.С. ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН 22

Ойев Х. ИҶРОИ ҚОНУНИ ТАНЗИМИ ҶАШНУ МАРОСИМ – УСУЛИ УСТУВОРГАРДОНИИ ИНТИЗОМИ ДАВЛАТӢ ВА СУБОТИ ҶОМЕА 31

Ғаниев Ҷ. Ш. ПАРЧАМИ МИЛЛӢ – РАМЗИ ИСТИҚЛОЛИЯТИ ДАВЛАТ 38

Кравченко О.В. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА 43

Раджабова Ш.М. ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К УПОЛНОМОЧЕННОМУ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН 47

ҲУҚУҚИ ИНСОН – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Саидов И.И. ЭЪЛОМИЯИ УМУМИИ ҲУҚУҚИ ИНСОН ВА АҲАМИЯТИ ОН ДАР ЗАМОНИ МУОСИР 53

Искандаров Ш.Ф. ЗАЩИТА ПРАВ РЕБЁНКА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ 57

Имомов Ҳ.Ш. ҲУҚУҚИ ШАҲРВАНДОН БА МУТТАҲИДШАВӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН 64

**ҲУҚУҚИ КОНСТИТУТСИОНӢ ВА СОҲАҲОИ ҲАМҶАВОР – КОНСТИТУЦИОННОЕ
ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА**

Раҷабов М.Н. МУШКИЛОТИ МУАЙЯННАМОӢ ВА ТАСНИФБАНДИИ МЕЪЁРҲОИ КОЛЛИЗИОНӢ ДАР ҲУҚУҚИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ ХУСУСӢ 69

Абдуллоев А.Р. ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 77

Шарипов Т.Ш., ПРИНСИПҲОИ СИЁСАТИ ҲУҚУҚИ ҶИНОЯТӢ 92

Сафарзода А.И.,
Халиқов Ш. Л.

Abdulloev P.S.,
Zayniddinov S.F.

CONCEPT OF SURRENDER (TRANSFER) OF PERSONS IN CRIMINAL CASES WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL COOPERATION OF POST-SOVIET COUNTRIES

101

Саидов С.Ш.

МАСКУННАМОИИ СОБИҚ АЪЗОИ ОИЛАИ МОЛИК ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ МАНЗИЛИ ҚУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

106

Афзали М.К.

СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ФУНКЦИОНАЛЬНО – ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СТИЛЯ РЕЧИ

113

МИНБАРИ ОЛИМОНИ ҚАВОН – ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Мизробов Ш.Ш.,
Бобохонов Ф.А.

ҲУҚУҚИ КЎДАК БА ТАҲСИЛ

117

Тохинова Н.А.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА – ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

123

Исозода Б.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

129

Исмоилзода С. А.

МЕСТО ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

134

Азизматзода Х.

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

144

Требования, предъявляемые к статьям соискателей, аспирантов и докторантов для публикации в журнале «Государствоведение и права человека»

153

**МАСЪАЛАҲОИ МУБРАМИ НАЗАРИЯИ ДАВЛАТ ВА ҲУҚУҚ –
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

**РАСМИЁТҲОИ СУДИИ ҲАЛЛИ ИХТИЛОФОТИ ҲУҚУҚӢ: ЧАНБАИ
НАЗАРИЯВИ**

Азизода У.А.,

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессори
кафедраи ҳуқуқи инсон ва ҳуқуқшиносии
муқоисавии факултети ҳуқуқшиносии До-
нишгоҳи миллии Тоҷикистон

E-mail: ubaydullo_azizov@mail.ru

Пашенцев Д.А.,

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор,
ходими пешбари шуъбаи назарияи қонунгу-
зории Институти қонунгузорӣ ва ҳуқуқши-
носии муқоисавии назди Ҳукумати Феде-
ратсияи Россия, профессори Донишгоҳи
педагогии шаҳрии Москва

E-mail: dp-70@mail.ru

**Ихтисоси илмӣ: 12.00.01 – назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлат, таърихи таълимот
оид ба ҳуқуқ ва давлат**

Физиурда: Дар доираи мақолаи мазкур нуқтаҳои назариявии фаҳмиши аҳамияти
расмиёти судӣ барои ҳалли ихтилофоти ҳуқуқӣ ошкор карда мешаванд. Муаллифон
чор тарзи ҳалли судии ихтилофоти ҳуқуқиро ҷудо менамоянд, ки бо мавҷудияти чор
навъи муқоиса муайян карда мешаванд: конституционӣ, ҷиноятӣ, граждонӣ ва
маъмурий.

Калидвожаҳо: ихтилофоти ҳуқуқӣ, расмиёти судӣ, ҳуқуқвайронкунӣ, истехсолоти
судӣ, муқоисаи судӣ.

**СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИК-
ТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Азизода У.А.,

доктор юридических наук, профессор ка-
федры прав человека и сравнительного
правоведения юридического факультета
Таджикского национального университета

E-mail: ubaydullo_azizov@mail.ru

Пашенцев Д.А.,

доктор юридических наук, ведущий науч-
ный сотрудник отдела теории законода-
тельства Института законодательства и
сравнительного правоведения при Прави-
тельстве РФ, профессор Московского го-
родского педагогического университета

E-mail: dp-70@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Аннотация: В статье раскрываются теоретические подходы к пониманию значения судебных процедур для разрешения юридических конфликтов. Авторы выделяют четыре способа судебного разрешения юридических конфликтов, что определяется наличием четырех процессов: конституционного, уголовного, гражданского, административного.

Ключевые слова: юридический конфликт, судебная процедура, правонарушение, судопроизводство, судебный процесс.

JUDICIAL PROCEDURES FOR RESOLVING LEGAL CONFLICTS: THEORETICAL ASPECT

Azizzoda U.A.,

professor of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences,

E-mail: ubaydullo_azizov@mail.ru

Pashentsev D.A.,

leading researcher of the Department of theory of law, Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor of Moscow state pedagogical university

E-mail: dp-70@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the doctrines of the law and state

Annotation. The article describes theoretical approaches to the understanding of judicial procedures for the resolution of legal conflicts. The authors identify four methods of judicial resolution of legal conflicts, as determined by the presence of four processes: constitutional, criminal, civil, administrative.

Keywords: legal conflict, judicial procedure, offence, judicial proceedings, judicial process.

Барои бартароф намудани ихтилофот ва баҳсҳои бавучудомада маҷмӯи воситаҳо, аз ҷумла воситаҳои ҳуқуқӣ истифода бурда мешаванд, ки шакли судии баррасӣ дар ин миён мавқеи асосиро ишғол менамояд. Чунин шакли баррасӣ ва ҳалли баҳс нисбатан муҳим, мураккаб ва моҳиятан ҷиддитар доништа шуда, он талаб менамояд, ки расмиёти муайян риоя гардад. Ҳамзамон муҳимият ва мураккабии он тақозо менамояд, ки он пайваस्ता такмил дода шавад ва паҳлӯҳои

алоҳидаи он мавзӯи баҳсҳои назарияи илм ва таҷрибаи ҳуқуқатбиқсозӣ қарор гирифта бошанд.

Расмиёти судӣ ҳамчун навъи расмиёти ҳуқуқӣ тартиби муайяни ҳаракатҳоеро ташкил медиҳад, ки дар қонунгузорӣ пешбинӣ гардидаанд ва ба татбиқу амалишавии принципҳои муурофияи судӣ ва мақсадҳои он равона гардидааст.

Мақсади ниҳонии ҳама гуна расмиёти судӣ аз ҳалли ихтилофоти ҳуқуқии бамиёномада иборат мебошад.

Расмиёти судӣ – воситаи ҳалли осоиштаи ихтилофоти ҳуқуқӣ мебошад, ки он дар баррасии парвандаи бо баҳс ё ихтилофот алоқамандбуда, аз ҷониби суди дахлдор ва аз тарафи он баровардани қарор, ки ба танзими ин ихтилофот равона гардидааст, ифода меёбад.

Истехсолоти судӣ – ин чараёни ҳуқуқие мебошад, ки аз як қатор унсурҳо иборат аст. Бо тартиби муайян муттаҳид намудани ин унсурҳо вазифаи расмиёти судиро ташкил медиҳад.

Хусусиятҳои асосии расмиёти судӣ – аз инҳо иборат аст:

1) Салоҳияти бевоситаи суд, ки ҳаҷм ва самти ваколатҳои он дар қонунгузорӣ муайян шудааст;

2) Вазъи дақику аниқи мурофиявии тарафҳо;

3) Кафолатҳои қонунгузори мустақилияти судҳое, ки ихтилофотро ҳал менамоянд;

4) Пайдарҳамии қатъии марҳилаҳои, ки ба расмиёти судӣ дохил мешаванд;

5) Зери ҳимоя қарор доштани расмиёт ва натиҷаҳои чораҳои маҷбурозии давлатӣ;

6) Ба амалигардонии меъёрҳои ҳуқуқ равона будани расмиёт;

7) Дар ҳалли ихтилофот дар баробари суд, инчунин иштирок доштани тарафҳо [6, с. 179].

Вақте ки тамоми ихтилофоти ҳуқуқиро мо ба миллӣ-давлатӣ ва байналмилалӣ ҷудо менамоем, пас расмиёти судиро, ки барои ҳалли чунин ихтилофот татбиқ мешаванд, ҳамингуна метавон ба ду гурӯҳ ҷудо намуд.

Расмиётҳои миллӣ-давлатие, ки барои ҳал намудани баҳсҳо дар доираи давлат тибқи қонунгузори миллӣ татбиқ мешаванд, ҳамзамон метавонанд дар як вақт зерин таъсири муайяни санадҳо ва меъёрҳои алоҳидаи ҳуқуқи байналмилалӣ қарор дошта бошанд.

Дар натиҷаи чараёни ҷаҳонишавӣ ва омехташавии низомҳои ҳуқуқии дар робита ба он бавучудомада «тамоюли васеъшавии ҳолат ва аҳамияти ҳуқуқи судӣ, бахусус, чунин шаклҳои он, ба монанди амсолияи судӣ ва таҷрибаи

судӣ зоҳир гашта истодааст» [7, с. 5]. Дар натиҷа аҳамияти расмиёти судӣ боло рафта, хусусияти он тағйир меёбад.

Аслан таҳти таъсири меъёрҳои байналмилалӣ бештар принципҳои муурофияи судии миллӣ қарор мегиранд, ки онҳо ба сифати қолиби назариявӣ барои расмиёти судӣ баромад менамоянд.

Бояд қайд кард, ки таъсиррасонии меъёрҳо ва принципҳои байналмилалӣ муурофиявӣ ба расмиёти судии миллӣ беҳудуд нест. Ҳамон тавре Шейфер С.А. қайд менамояд «истифода аз шаклҳои муурофия ва таҷрибаи байналмилалӣ то андозае бояд бошад, ки он боиси тағйирёбии пурраи муурофия нагардад. Ҳадди пазирии чунин дигаргунӣ ба шакли муурофияи миллӣ набояд баробар бошад, ба истисноӣ ҳолатҳое, ки агар тағйироти мазкурро ҷомеа ва давлат пазиروي намояд» [5, с. 34].

Дуруст мебуд, агар чор тарзи ҳалли судии ихтилофоти ҳуқуқӣ ҷудо карда шуда, онҳо бо мавҷудияти муурофияи конституционӣ, ҷиноятӣ, граждани ва маъмури асоснок карда шаванд.

Барои ҳалли ихтилофоти ҳуқуқӣ интихоби дурусти расмиёти татбиқшаванда аҳамияти муҳим дорад. Ҳангоми интихоби шакли муайяни расмиёти ҳуқуқӣ як қатор ҳолатҳои объективиро ки ифодакунандаи мазмуни ихтилофоти ҳуқуқӣ буда метавонанд, бояд ба инобат гирифт. Ба монанди мазмуни ихтилофот, сатҳ, дараҷа ва намуди ихтилофот.

Мазмуни ихтилофот бо он муносибатҳое муайян карда мешавад, ки дар доираи онҳо ихтилофот ба вучуд омадааст. Вобаста ба мазмун ихтилофот метавонад ҳуқуқӣ-конституционӣ, ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ, ҳуқуқӣ-граждани ва гайра бошад.

Сатҳи ихтилофот дар доираи субъектони ба он ҷалбгардида муайян карда мешавад (шахсони ҷисмонӣ, шахсони ҳуқуқӣ, давлат ва ғ.).

Муқаррар намудани шакл ё навъи ихтилофот аз он вобастагӣ дорад, ки

мо ҳангоми таснифи он кадом асосро ба роҳбарӣ мегирем. Ҳангоми таснифот ё муайян намудани баҳс ё ихтилофоти ҳуқуқӣ бояд ба ҳаҷм ё дараҷаи ҳаракатҳои содиргардида аҳамият дод. Бо назардошти ин гуфтаҳо, ихтилофоти ҳуқуқиро ба дохилиташкилӣ, локалӣ, соҳавӣ, ҳудудӣ, байнисоҳавӣ ва функционалӣ ҷудо намудан мумкин аст [4].

Интихоби расмиёт ҳамчунин бо назардошти таркиби ҳуқуқвайронкунӣ муайян карда мешавад. Маҳз таркиби ҳуқуқвайронкунӣ дар ин ҳолат муайян созад, ки дар доираи кадом расмиёт бояд ҳалли ихтилофот амалӣ карда шавад.

Ҳолатҳои объективии зикргардида имкон медиҳанд, ки ихтилофот бо ин ё он соҳаи ҳуқуқ «пайваст» карда шуда, мутаносибан расмиёти ҳалли ихтилофоти барои соҳаи мазкур хос буда татбиқ карда шаванд.

Ҳамзамон, бояд дар назар дошт, ки ихтилофот метавонад аз як сатҳ ба сатҳи дигар гузарад, бинобар ин, расмиёти дар як соҳаи ҳуқуқ пешбинишуда мумкин аст нокифоя бошад ва ихтилофоти ҳалнагардида ба расмиёти дигар гузаштанро талаб намоянд.

Масалан, ихтилофот дар соҳаи ҳуқуқи конститутсионӣ, ки ба вайронгардидани ҳуқуқҳои интихоботии гурӯҳи шаҳрвандон алоқаманд аст, дар сурати мутобиқи расмиёти ҳуқуқӣ-конститутсионӣ ҳал нагардидан, метавонад ба намоишҳои эътирозӣ ва роҳпаймоиҳои ғайриқонунии оварда расонад ва мутаносибан ин амал боиси татбиқи расмиёти маъмурӣ-ҳуқуқӣ, яъне ҷавобгарии маъмурӣ гардад. Зараре, ки дар натиҷаи чунин бетартибҳо ба молу мулк расонида мешавад, метавонад барои пешниҳоди даъвои ҳуқуқӣ-граждани ва минбаъд ҷуброни зарар асос гардад ва ё зарари ҷисмонии аз ин амалҳо бамиёномада ҳамчун асос барои татбиқи расмиёти мурофиавӣ-ҷиноятӣ баромад намояд.

Мисоли овардашуда эҳтимолияти гузариши ихтилофот аз як соҳа ба соҳаи дигарро шаҳодат медиҳад. Ихтилофоти ҳуқуқии дар доираи як

соҳа сари вақт ҳалнагардида ба сатҳи дигар мегузарад ва боиси татбиқи расмиёти дигари ҳуқуқӣ мегардад.

Ба ҳар ҳол, татбиқи расмиёти ҳалли ихтилофоти ҳуқуқиро, ки дар қонунгузорӣ пешбинӣ гардидаанд, метавон ҳамчун ҳалли осоишта ва маданияти нисбатан баланди ҳалли ихтилофот номид, зеро он аз дигар шаклҳои ғайриҳуқуқӣ ва ғайриқонунии ҳалли ихтилофоти дар ҷомеаи инсонӣ бамиёномада бофарҳангона ва манфиатовар аст.

Зарур аст, ки хусусиятҳои хоси ҳар як шакли расмиёти ҳуқуқиро мавриди таҳлил қарор дода, вобаста ба ҳалли ихтилофоти ҳуқуқӣ онҳоро дар алоҳидагӣ баррасӣ намоем.

Шакли олии расмиёти ҳуқуқӣ дар мавриди ҳалли ихтилофоти ҳуқуқӣ мурофиаи судии конститутсионӣ мебошад, ки он дорои расмиёти хоси худ мебошад.

Расмиёти конститутсионӣ, асосан, ба танзими ихтилофоте, ки дар самти муносибатҳои сиёсӣ ба вучуд меоянд, равона гардидаанд. Гурӯҳи ихтилофотро, ки ба ҳалли онҳо Суди конститутсионӣ машғул аст, метавон ихтилофоти конститутсионӣ номид. Ин қабил ихтилофот метавонад ба тақсими салоҳият байни мақомоти ҳокимият, фаъолияти ҳизбҳои сиёсӣ, вайронгардидани ҳуқуқҳои конститутсионии шаҳрвандон ва ғ. алоқаманд бошад.

Расмиёти конститутсионии ҳалли ихтилофотро дар Россияву Тоҷикистон ва мамлакатҳои хориҷӣ қиёс намуда, метавон мавҷудияти баҳаммонандии муайянро дар масъалаҳои муҳим мушоҳида кард.

Аввалан, расмиёти ҳалли ихтилофоти конститутсионӣ ба зарурати тафсири меъёрҳои конститутсионӣ алоқаманд мебошад. Ба ҳамон як меъёри конститутсионӣ метавонад якчанд тавзеҳоти (маъноҳои) мухталиф дода шавад ва маҳз интихоби дурусти яке аз онҳо дар бомуваффақият ҳал гардидани ихтилофоти ҳуқуқӣ мусоидат менамояд. Баъзан чунин интихоб метавонад аҳамияти аксиологӣ дошта бошад, чунки меъёрҳои конститутси-

онӣ аз мазмуну моҳияти арзишӣ бой мебошанд.

Баррасии масъалаҳои умумӣ ва тафсири меъёрҳои конституционӣ аз тарафи Суди конституционӣ дар асоси ариза ё шикояти муайян, яъне ихтилофоти ҳуқуқии мушаххас амалӣ карда мешаванд. Бинобар ин, тафсири аз ҷониби суд додашуда, аз як тараф ихтилофоти мушаххаси ҳуқуқиро бар тараф менамояд, аз тарафи дигар барои ҳал ва пешгирӣ кардани чунин ихтилофот дар оянда ба сифати асос баромад карда метавонад. Суди конституционӣ чунин намунаи ихтилофотро ҳал намуда, ба меъёрҳои абстрактӣ ё мураккаб мазмуни мушаххас менамояд.

Дуюм, расмиёти барои ҳалли ихтилофоти ҳуқуқӣ зарурро амалӣ намуда, Суди конституционӣ амалан миёни тарафҳои ихтилофот ба сифати арбитр ё миёнарав баромад мекунад. Дар чунин ҳолат дақиқнамоӣ, мушаххасгардонии ҳуқуқ ва ўҳдадорихои тарафҳои чунин ихтилофот ба амал меоянд. Ҳолати ҳуқуқии арбитр ё миёнарав, ки Суди конституционӣ ин нақшро иҷро менамояд, аз салоҳият ва эътибори волои он бармеояд, ки онро қонунгузорӣ пешбинӣ намудааст.

Сеюм, қарори Суди конституционӣ ба ҳаракатҳои яке аз тарафҳои ихтилофоти ҳуқуқӣ қувваи қонунӣ баҳшида боиси ҳалли ихтилофоти мавҷуда мегардад.

Ҳалли ихтилофот дар ин ҳолат хусусияти ҳосаи ҳуқуқӣ мегирад, ки он дар таҳлил ва тафсири меъёрҳои конституционӣ, меъёрҳои дигари қонунгузории амалкунанда асос мегардад.

Расмиёти судии ҳалли ихтилофот дар доираи муҳофизати судии граждани хусусиятҳои худро дорад, ки, аввалан, бо махсусияти ихтилофоти ҳуқуқӣ дар соҳаи муносибатҳои молумулкӣ ва шахсии ғайримолумулкӣ, дуюм, бо мазмуни механизмҳои ҳуқуқӣ-граждани, аз ҷумла ҷавобгарии ҳуқуқӣ-граждани муайян карда мешавад.

Расмиёти судии ҳуқуқӣ-граждани хусусиятҳои зерини худро дорад:

1. Муҳофизат кардан ба суд воқеаҳои ягонаи ҳалли ихтилофоти ҳуқуқӣ-граждани ба ҳисоб намеравад, чун тарафҳои ҳуқуқ ва имконият доранд, ки аз механизмҳои муҳофизати ҳақамӣ истифода бурда, тарзҳои худмуҳофизатии ҳуқуқҳои гражданиро ба қор баранд, инчунин ўҳдадорихои ба зиммашон гузошташударо ихтиёран иҷро намоянд;

2. Дар ҳуқуқии граждани, дар фарқият аз ҳуқуқии ҷинояти ва маъмурӣ, принсипи эҳтимолияти (презумпсия) гуноҳ амал менамояд, ки дар робита ба ин исботи ҷой надоштани гуноҳ ба зиммаи шахсе воғузур мегардад, ки ўҳдадориро иҷро накардааст ё ин ки зарар расонидааст;

3. Дар ҳуқуқии граждани татбиқи чораҳои ҷавобгарии ҳуқуқӣ ҳатто дар ҳолати ҷой надоштани гуноҳи шахс, ки нисбати он чунин чораҳо татбиқ карда мешаванд, имконпазир мебошад.

Истифодаи амалии расмиёти судии граждани-ҳуқуқӣ барои ҳалли ихтилофоти ҳуқуқӣ дорои баъзе мушкилоте аст, ки дар танзими ин самти муносибати ҳуқуқӣ пеш меояд. Ба назари мо, ин мушкилот чунинанд:

1) Меъёрҳои ҳуқуқии прокурор дар муҳофизати граждани алоқаманд мебошанд, ба мукамалгардонӣ эҳтиёҷ доранд. Расмиёти ҳалли ихтилофоти ҳуқуқӣ бо иштироки прокурор, ки дорои салоҳияти васеъ мебошад, бештар самаранок дониста мешавад. Дар ихтилофоти ҳуқуқӣ дар соҳаи муносибатҳои ҳуқуқӣ-граждани баробари манфиатҳои хусусӣ, инчунин манфиати оммавӣ ҷой дошта метавонад. Прокурор ба сифати иштирокчии расмиёти ҳуқуқии ҳалли чунин ихтилофот баромад намуда, маҳз манфиати оммавиро намоёндагӣ мекунад ва бо ҳаракатҳои худ ба ҳимояи он мусоидат менамояд;

2. Меъёрҳои ҳуқуқии даъвогар ва ҷавобгарро муайян месозанд, ба такмилдиҳӣ ниёз доранд. Айни замон ҷавобгар имконият дорад, ки бо набудани худ (ҳозир нашудан ба маҷлиси судӣ) расмиёти ҳалли ихтилофоти ҳуқуқиро қашол диҳад. Ин ҳолат

метавонад ихтилофотро ба сатҳи нав барорад [6, с. 184].

Дар ҳолатҳои гуногун расмиёти ҳалли баҳсҳои ҳуқуқӣ-граждани метавонад тафовут дошта бошанд, ки бо мавҷудияти шаклҳои мухталифи мурофиавӣ муайян карда мешаванд.

Шакли якуми мурофиаи судии граждани мурофиаи даъвоӣ мебошад.

Мурофиаи даъвоӣ ҳангоми ба суд бо даъво оид ба ҳимояи ҳуқуқ ва ё манфиатҳои вайронгардида аз рӯи баҳсҳое, ки аз муносибатҳои ҳуқуқӣ-граждани (молумулкӣ ва шахсии ғайримолумулкӣ), меҳнатӣ, оилавӣ ва ғайра ба вучуд меоянд, ба амал бароварда мешавад.

Расмиёти мурофиаи даъвоӣ аз лаҳзаи пешниҳоди даъво ба суд оғоз мегардад. Дар ин ҳолат даъво воситаи асосии ҳимояи ҳуқуқҳои субъективии вайроншуда дониста мешавад. Вайронкунии чунин ҳуқуқҳои ихтилофоти ҳуқуқиро ба вучуд оварда, мурофиаи даъвоӣ бошад ба сифати воситаи муассири ҳалли он баромад мекунад.

Барои оғоз намудани мурофиаи даъвоӣ мавҷудияти ду тарафи баробар зарур мебошад. Дар ҳолати мазкур маҳз баробарии тарафҳои ихтилофоти ҳуқуқӣ нақши муайянкунандаро мебошанд.

Шакли дууми мурофиаи граждани мурофиаи махсус мебошад, ки дар фарқият аз мурофиаи даъвоӣ, бо баҳс оид ба ҳуқуқ алоқаманд нест. Дар ҳолати мазкур хусусиятҳои хоси расмиёт дар он ифода меёбанд, ки дар он тарафҳои баробар бо манфиатҳои муқобил ҷой надоранд.

Шахсе, ки бо ташаббуси ӯ парванда оғоз карда мешавад, на даъвогар, балки аризадиханда мебошад.

Дар асоси мурофиаи мазкур ихтилофоти ҳуқуқии дорои табиати дигар қарор доранд, нисбат ба он ки ҳангоми баҳс оид ба ҳуқуқ ба вучуд меоянд. Масалан, ариза дар хусуси бедарак ғойбшуда эътироф намудани шахс, оид ба фарзандхонӣ, дар хусуси ворид намудани ислоҳот ба асноди ҳолати шаҳрвандӣ ва ғ.

Дар ҳар сурат, суд бо назардошти меъёрҳои ҳуқуқии амалкунанда ва ҳолатҳои воқеии парванда қарор қабул менамояд, ки ифодакунандаи ҳалли ихтилофоти ҷойдоштаи ҳуқуқӣ дар соҳаи муносибатҳои ҳуқуқӣ-граждани мебошад.

Мурофиаи маъмурӣ низ мавҷудияти расмиёти муайяни судиро талаб мекунад, ки вобаста ба ихтилофоти ҳуқуқӣ дар соҳаи идоракунии давлатӣ ба вучуд омадаанд.

Хусусиятҳои расмиёти судӣ-маъмурӣ дар асоси омилҳои зерин муайян карда мешавад:

– иштирокчиҳои ихтилофоти ҳуқуқӣ дар соҳаи ҳуқуқи маъмурӣ давлат ба ҳисоб меравад, ки онро мақомоти давлатӣ ё шахсони мансабдор, ки дорои салоҳияти дахлдор мебошанд, намоёндагӣ мекунанд;

– иштирокчиёни ихтилофоти ҳуқуқӣ дар соҳаи ҳуқуқи маъмурӣ баробар нестанд, миёни онҳо муносибати муртабот (субординатсия) ҷой дорад;

– ихтилофоти ҳуқуқии соҳаи ҳуқуқи маъмурӣ дар асоси меъёрҳои ҳуқуқи оммавӣ ҳал карда мешаванд.

Расмиёти судии ҳалли ихтилофот дар соҳаи ҳуқуқи маъмурӣ ҳамчун ҷараёни пайдарҳами қонунан муқарраргардида мебошад, ки дар соҳаи идоракунии давлатӣ ба вучуд омада, бо амалигардонии ваколатҳои ҳокимиятӣ-маъмурӣ алоқаманд мебошад.

Расмиёти маъмурӣ бо татбиқи меъёрҳои ҳуқуқи маъмурӣ ва мурофиаи маъмурӣ алоқаманд аст. Чунин шакли расмиёти ҳуқуқӣ аз доираи мурофиаи судии маъмурӣ берун мебарояд, чун он дар худ доираи васеи ҳаракатҳои вобаста ба ҳалли ихтилофоти ҳуқуқӣ бавучудомадаро фаро мегирад. Як қатор расмиёти маъмурӣ-ҳуқуқӣ, ки бо суд ва фаъолияти бевоситаи судӣ алоқаманд нестанд, дар регламентҳои маъмурӣ пешбинӣ шудаанд. Ҳамзамон, регламентҳои маъмурӣ, ҳамчун қоида, чунин расмиётеро танзим менамоянд, ки бевосита ба ҳалли ихтилофоти ҳуқуқӣ алоқаманд набуда дар ҳалли баҳси ҳуқуқӣ ё ихтилофоти бамиёно-

мада нуктаи охирино маҳз суд мегузорад.

Расмиёти судӣ дар муносибатҳои ҳуқуқӣ-маъмури аз пешниҳоди шикоят оғоз меёбад. Ҳамчун қоида, он дар ҳолате пешниҳод мегардад, ки агар аз болои қарори ғайриқонунӣ қабулгардида ё амалҳои зиддиҳуқуқие, ки вобаста ба онҳо қарори мазкур қабул гардидааст, шикоят кардан зарур бошад. Ҳамин тариқ, барои пешниҳоди чунин шикоят амалҳои қаблан содирнамудаи мақомоти давлатӣ ё шахси мансабдор, ки дорои салоҳияти махсус буда аз номи давлат амал мекунад асос шуда метавонад. Барои пешниҳоди чунин шикоят доштани қобилияти амалкунӣ ё манфиати бевосита ба предмети баҳс, ки дар маркази он ҳуқуқи субъективӣ вайронгардида қарор дорад, зарур аст.

Асоси расмиёти судиро принципҳои муурофияи судии маъмури ташкил медиҳанд, ки аз инҳо иборатанд:

1. Мустақилияти судяҳо;
2. Баробарии ҳама дар назди қонун ва суд;
3. Қонуният ва адолат ҳангоми баррасӣ ва ҳалли парвандаҳои маъмури;
4. Ба амал баровардани муурофияи судӣ ва иҷрои санадҳои судӣ аз рӯи парвандаҳои маъмури дар муҳлати муқарраргардида;
5. Ошкоро ва қушод будани муҳокимаи судӣ;
6. Мустақим будани муҳокимаи судӣ;
7. Мубоҳиса ва баробарии тарафҳои муурофияи судии маъмури бо нисбатан фаъол будани мавқеи суд дар муурофия.

Расмиёти судӣ, ки бо баррасии парвандаҳои ҷиноятӣ алоқаманд мебошад, хусусиятҳои хоси худро дорад, ки дар асоси моҳияти ҳуқуқи ҷиноятӣ ва муурофияи судии ҷиноятӣ муайян карда мешавад.

Ихтилофоти ҳуқуқиро дар соҳаи ҳуқуқи ҷиноятӣ бояд ба шакли ниҳии ихтилофоти ҳуқуқӣ мансуб донист. Ин марҳилаи расмиёти судӣ, ҳамчун қоида, замоне ба вучуд меояд, ки ихтилофоти ҳуқуқӣ, дар марҳилаҳои расмиёти ибтидоӣ ҳалли худро наёфта, ба шакли ниҳии кирдори зиддиҳуқуқӣ – ҷиноят оварда расонад.

Хусусиятҳои хоси расмиёти судӣ дар соҳаи муурофияи судии ҷиноятӣ, пеш аз ҳама, дар принциби конституционии эҳтимолияти бегуноҳӣ ифода меёбад. Шахсе, ки дар содир намудани ҷиноят гунаҳгор доништа мешавад, уҳдадор нест, ки бегуноҳии худро исбот намояд. Дар шароити муурофияи мубоҳисавӣ вазифаи исбот намудани гуноҳ ба зиммаи тарафи айбдоркунанда гузошта мешавад.

Хусусиятҳои мушаххаси расмиёти судӣ, ки бо ҳалли ихтилофот дар соҳаи ҳуқуқи ҷиноятӣ алоқаманд мебошанд, дар асоси чунин принципҳои муурофияи ҷиноятӣ, ба монанди мубоҳисаи тарафҳо, таъмини ҳуқуқи айбдоршаванда ба ҳимоя, озодӣ дар баҳодиҳии далелҳо ва ғ. муайян карда мешавад.

Дар маҷмӯъ, расмиёти судии ҳалли ихтилофоти ҳуқуқӣ дар чунин марҳилае талаб карда мешаванд, ки расмиёти то судӣ «очиз» баромада, ихтилофот ба марҳилаи муҳокимаи судӣ гузарад.

Фарқият миёни расмиёти то судӣ аз расмиёти судӣ бо расмикунонии бештар, инчунин оқибатҳои нисбатан ҷиддии онҳо барои иштирокчиёни чунин расмиёт сурат мегирад. Татбиқи ин ё он расмиёти судӣ аз хусусиятҳои хоси ихтилофоти бамиёномадаи ҳуқуқӣ, инчунин аз он марҳилае, ки ихтилофот дар он қарор дорад, вобаста мебошад. Сари вақт дар марҳилаи ба моҳияти баҳс дахлдор ҳал нагардидани ихтилофот, ба гузариши он ба марҳилаи нав оварда мерасонад, ки он мутаносибан татбиқи расмиёти нави ҳуқуқиро талаб мекунад.

Адабиёт:

1. Гафуров Х.М. Судебная власть и ее общие функций // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал) 3/1(128). – Душанбе: Сино. – 2014. – С. 166-170.
2. Гафуров Х.М. Вопросы совершенствования конституционного контроля в Республике Таджикистан // Материалы Международной научно-практической конференции на тему: «Развития конституционализма в Таджикистане в период независимости». – Душанбе: Голд-принт, 2014. – С. 147-150.
3. Тихомиров Ю.А. Юридические конфликты: механизм анализа и преодоления // Административное право и процесс. № 2., – 2017.
4. Шейфер С.А. Куда движется российское судопроизводство? (Размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства) // Государство и право. № 1., – 2007.
5. Юридический конфликт / учебник под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Норма, 2017.
6. Яковлева Л.В. Интеграционные процессы нормативного обеспечения уголовного судопроизводства под воздействием глобализации // Международное уголовное право и международная юстиция. № 3., – 2016.

**КОНСТИТУТСИЯ – МУҲИМТАРИН ОМИЛИ ТАЪМИНИ ИСТИҚЛОЛИ
МИЛЛӢ ВА САРЧАШМАИ ҚОНУНГУЗОРИИ КИШВАР**

Шарифзода Ш.М.,

сармутахассиси шуъбаи таъмини асосҳои конституционӣ, ҳуқуқу озодиҳои инсон, шахрванд ва қонуниятҳои Дастгоҳи Маҷлиси миллии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон

Ихтисоси илмӣ: 12.00.02 – ҳуқуқи конституционӣ; муҳофизати суди конституционӣ; ҳуқуқи мунитсипалӣ

Физиурда: Дар мақола оид ба Иҷлосияи таърихии XVI-уми Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 16 ноябри соли 1992 ва қабули Конститутсияи нави Ҷумҳурии Тоҷикистон, зарурияти қабули тағйиру иловаҳо ба Конститутсия, андешаҳои Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон, дастовардҳои даврони соҳибистиклолӣ, таъмин ва таҳкими суботи сиёсату иҷтимоӣ, инкишофи ҳаёти ҷамъиятӣ, пешрафти давлату давлатдорӣ, созандагӣ бунёдкорӣ ва заминаҳои боъэтимоди рушди давлатдорӣ миллӣ дарҷ гардидааст.

Калидвожаҳо: Конститутсия, иҷлосия, таҳкими сулҳу ваҳдати миллӣ, сиёсат ва дастовардҳо.

**КОНСТИТУЦИЯ – ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
НЕЗАВИСИМОСТИ И ИСТОЧНИК ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАНЫ**

Шарифзода Ш.М.,

главный специалист отдела по обеспечению конституционных основ, прав и свобод человека, гражданина и законности Аппарата Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Аннотация: В статье говорится о 16-й исторической Сессии Верховного Совета Республики Таджикистан от 16 ноября 1992 года и принятии новой Конституции Республики Таджикистан, необходимости принятия изменений и дополнений в Конституцию, приводятся мысли Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона о достижениях в период независимости, поощрении и укреплении политической и социальной стабильности, развитии общественной жизни, развитии государства и правительства, конструктивном и устойчивом развитии национальной государственности.

Ключевые слова: Конституция, сессия, укрепление мира и национального единства, политика и достижения.

**CONSTITUTION – THE MOST IMPORTANT FACTOR OF ENSURING OF NATIONAL
INDEPENDENCE AND SOURCE OF THE LEGISLATION OF THE
COUNTRY**

Sharifzoda Sh.M.,

Senior specialist of the Department of ensuring constitutional foundations, human rights and freedom, citizen and legitimacy of the Administration of the Majlisi Milli of Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan

Scientific specialty: 12.00.02 – constitutional law; constitutional proceeding; municipal law

Annotation: The Report is devoted to the 16th Session of the Supreme Council of the Republic of Tajikistan as of November 16, 1992 and the adoption of the new Constitution of the Republic of Tajikistan, the need for making the change and amendments to the Constitution, ideas of the Founder of Peace and National Unity - Leader of Nation, the President of the Republic of Tajikistan, His Excellency Emomali Rahmon regarding achievements of independence period, promotion and strengthening of political and social stability, development of public life, the state and government, constructive and sustainable development of national statehood.

Key words: Constitution, session, strengthening of peace and national unity, policy and achievements.

Шаҳрвандони Тоҷикистон имсол дар сарнавишти таърихӣ худ муҳимтарин рӯйдодҳои сиёсиро ҷашн мегиранд, ки ин барои ҳар як шахси соҳибватан соли дастовардҳо дар соҳаҳои гуногуни ҳаёти ҷомеа ва соли фаромушнопазири истиқрори сулҳу ваҳдати миллӣ арзёбӣ мегардад.

Имсол мардуми шарафманди Тоҷикистон дар руҳияи баланди ифтихор аз давлату давлатдорӣ, ватандорӣ, худшиносию худогоҳӣ дар муҳити созандаву бунёдкорӣ ва фазои озоди демократӣ бо ибтикори бевоситаи сарвари давлати Тоҷикистон, фарзанди фарзонаи миллат, Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ - Пешвои миллат, Ҷаноби олии муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон 23-умин солгарди қабули Конститусияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва 25-солагии Иҷлосияи 16-уми Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистонро ҷашн мегиранд.

Бо фарорасии таҷлили ин санаҳои таърихӣ ҷашнҳои тақдирсози миллию давлатӣ шумоёнро самимона табрик намуда, бароятон саломатии бардавом, хушбахтию саодатмандӣ ва дар қору зиндагиатон бурдборию пирузӣ орзумандам.

Бешубҳа бояд зикр намоям, ки таҷлили чунин ҷашни пуршукӯҳ пеш аз

ҳама, аз таҳким ёфтани низоми сиёсӣ, инкишофи ҳаёти ҷамъиятӣ дар асоси равияҳои гуногуни сиёсӣ, демократикунонии минбаъдаи ҳаёти сиёсиву иҷтимоии ҷомеаи Тоҷикистон, боло рафтани сатҳи шуури ҷамъиятӣ ва маърифати ҳуқуқии шаҳрвандони мамлакат шаҳодат медиҳад.

Баргузори чунин чорабиниҳо бори дигар собит менамояд, ки ҳар як шаҳрванди кишвар ба пешрафти давлату давлатдорӣ, ояндаи худ ва фарзандонашон бетараф набуда, сиёсати созандаву бунёдкорона, таъмин ва таҳкими суботи сиёсиву иҷтимоиро дар заминаи боъэтимоди рушди давлатдории миллӣ ва баланд гардидани ҳуқуқу уҳдадорихои худ мепазиранд. Ҳамин аст, ки халқи тоҷик бо нирую тавоноӣ – неъматӣ бебаҳо, истиқлолияти давлатиро ба даст оварда, соҳиби сарнавишти комилҳуқуқи хеш гардидааст.

Мебояд зикр намуд, ки ба даст омадани ин дастовардҳо аз Иҷлосияи XVI Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон сарчашма гирифта, он дар инкишофи ислоҳоти конститусионии мамлакат саҳифаи нав кушод. Яке аз музаффариятҳои муҳими он дар баҳши қонунгузорӣ ин буд, ки барои таҳия ва

қабули Конституцияи нави Ҷумҳурии Тоҷикистон замина гузошт.

Тағйироту иловаҳое, ки ба Конституция ворид гаштанд, бори дигар собит намуданд, ки роҳбарияти нави сиёсии давлат таҳти Сарвари Эмомалӣ Раҳмон тарафдори сулҳу осоиш, зиндагии осудаҳолона ва арзандаи ҳар як шаҳрванди ҷумҳурӣ, ҷонибдори эъмори давлати ҳуқуқбунёди демократӣ, ҳимояи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд мебошад.

Дар ин Иҷлосия яқдилӣ ва муттаҳидии вакилон дар баҳши дарку эҳсоси яқдилонаи масъалаҳои муҳими тақдирсози мамлакат, ҳисси баланди масъулиятшиносӣ дар ҳалли масъалаҳо, қабули қарорҳо ва санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ мусоидат намуд, ки минбаъд заминаи таъмини ваҳдати миллӣ ва рушди ҷомеа гардиданд.

Бояд зикр намоем, ки ин дастоварди бузург – Истиқлолияти давлатии Тоҷикистон тавассути Конституция соли 1994 ба расмият дарварда шудааст. Баъди қабули Конституция роҳу равиш ва сатҳи зиндагии мардум дигар гардида, рушди падидаҳои конституционӣ бори дигар собит намуд, ки ҳаёти сиёсӣ ва иҷтимоиву иқтисодии кишвар берун аз меъёрҳои Конституция наметавонад, орому пурмахсул ҷараён гирад. Ғайр аз ин ҳамаи пешравӣҳое, ки дар ҳаёти ҷомеаи навини тоҷикон сурат гирифтааст, бидуни Конституция ва ислоҳоти баъдинаи конституционӣ ба амал омаданашон ғайриимкон буд. Ҳамин тариқ, Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз рӯзи қабул гардиданаш то ин замон, вазифаҳои дар пеш истодаашро беҳтару саривақти ба иҷро расонида, ҳалқи тоҷикро бо талошҳои пайдарпаи Президенти мамлакат ба соҳибхитӣроӣ, истиқлолият ва тамомияти арзии мамлакат таъмин ва дар арсаи байналмилалӣ ҳамчун давлати комилҳуқуқ ва соҳибхитӣро муаррифӣ намуд.

Бо қабули ин санади тақдирсози миллӣ тоҷикон бори дигар ба аҳли

башар собит намуданд, ки миллати тамаддунсоз ва фарҳанговар мебошанд, анъанаҳои миллӣ, аз ҷумла ғояҳои сулҳҷӯёнаи гузаштагонӣ худро пос медоранд [6]. Тавре дар Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон 20 апрели соли 2012 зикр гардид: «Маҳз хиради азали ва фарҳанги сулҳофари миллати шарафманди тоҷик буд, ки баъди ҳазор сол мо имкон пайдо намудем, то ба ҷомеаи башарӣ бо асолату хувияти миллии худ ворид гардем ва дар он мақоми шоиставу сазовори худро соҳиб шуда, манфиатҳои миллиамонро ҳимоя намоем» [4].

Ҳамаи муваффақиятҳои пешрафти иқтисодӣ, сиёсӣ, иҷтимоӣ, фарҳангии ҷомеаи Тоҷикистон, ки то ба имрӯз ба даст омаданд, бо шарофати Иҷлосияи таърихии XVI-уми Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз ноябри соли 1992 ва қабули Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муяссар гаштанд. Дар Паёми худ ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон 20 апрели соли 2012 Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон чунин ибрози ақида намуданд: «Бояд ёдовар шуд, ки Иҷлосияи таърихии 16-уми Шӯрои Олии барои барқарорсози соҳти конституционии кишвар ва эъмори давлати демократӣ ва ҳуқуқбунёду дунявии Тоҷикистон оғози устувор бахшид ва заминаи нахустини ҳамдигарфаҳмиву ризоияти миллӣ ва сулҳи тоҷиконро фароҳам овард» [4].

Ҳамчунин Сарвари давлат зимни суҳанронии худ ба муносибати Рӯзи Конституция 5 ноябри соли 2015 таъкид доштааст, ки “Конституция ҳамчун муҳимтарин омилҳои таъмини истиқлоли миллӣ ва якпорчагии кишвар, тағйирнопазир будани шакли идораи ҷумҳурӣ, тамомияти арзӣ, моҳияти демократӣ, ҳуқуқбунёди, дунявӣ ва иҷтимоии давлатро кафолат дода, ҳалқи Тоҷикистонро сарчашмаи ягонаи ҳокимияти давлатӣ эътироф намуд” [6].

Бо қабули Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳадафҳо ва вазифаҳои давлати соҳибистиклоли Тоҷикистон бо дарназардошти дигаргуниҳои кулӣ дар дохили кишвар ва дар арсаи ҷаҳонӣ аниқтар шуданд. Таъмини истиқлолияти энергетикӣ, раҳой аз бунбасти коммуникатсионӣ, амнияти озукавории ҷумҳурӣ чун ҳадафҳои стратегии Ҷумҳурии Тоҷикистон эълон гардиданд.

Дар заминаи меъёрҳои Конститутсия аз ҷониби Пешвои миллат ва олимону муаррихон даҳҳо китобҳо таълиф гардидаанд, ки имрӯз ба ҳайси консепсияи фарогири миллий хизмат намуда, барои дар рӯҳияи ифтихори миллий ва ватандорӣ тарбия намудани насли ҷавон, беҳтарин раҳнамо мебошанд. Гузашта аз ин, ҳадафи асосии давлати Тоҷикистон таъмини амалишавии меъёри конститутсионӣ оид ба тағйирнопазирии шакли идораи кишвар, тамомияти арзӣ, моҳияти демократӣ, ҳуқуқбунёдӣ, дунявӣ ва иҷтимоии давлат, таъмини сулҳу субот, ваҳдати миллий, таҳкими пояҳои истиқлолият, ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд, рушди соҳаҳои иқтисодиву иҷтимоии кишвар ва баланд бардоштани сатҳи некуаҳволии мардум мебошад [5].

Ҳукумати мамлакат дар ин самт бо роҳи пешбурди ислоҳоти соҳаҳои мухталиф ва амалисозии як қатор барномаву стратегияҳои давлатӣ ба натиҷаҳои назаррас ноил шуда, ба он муваффақ гардид, ки иқтисодиёти кишварро аз таъсири манфии омилҳои беруна ва бӯҳрони молиявии ҷаҳонӣ эмин нигоҳ дорад ва гузашта аз ин, давлату ҷомеаро ба маҷрои рушди бонизому устувор равона созад.

Адиб, риёзидон ва файласуфи шинохтаи фаронса Паскал Блез ҳанӯз дар қарни XVII гуфта буд: «пешбинӣ қардан – маънии идора қарданро дорад». Ин маънои онро дорад, ки роҳбари давлати тоҷикон Президенти мамлакат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон

аз рузҳои нахустини бунёди давлатамон дар ҳамбастагӣ бо мардуми кишвар ба тариқи раёйпурсии умумихалқӣ 6 ноябри соли 1994 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистонро қабул намуда, бо роҳи дурандешӣ, ояндабинӣ меъёрҳоеро ба он ворид намуданд, ки имрӯз хушбахтона ба беҳдошти шароити иҷтимоиву иқтисодӣ, фазои тинчиву оромӣ ва сулҳу ваҳдати миллии мардуми тоҷик оварда расонида, дар ҳаёти рӯзмарраи кишварамон дигаргуниҳои куллиро ба вуқӯъ пайваस्ताаст. Албата агар мо хоҳем, ки дар ҷомеаи амну ором ва идорашаванда зиндагӣ кунем, бояд ҳама гуна ҷолишҳои зиндагонӣ ва таҳдидҳои ҷаҳони муосирро қаблан пешбинӣ намоем ва алайҳи онҳо сипари устувори маънавиро дар ҷомеаи худ мустақар созем. Маҳз бо ҳамин мақсад, дар таърихи давлатдориамон дар Конститутсия соҳибихтиёрӣ, истиқлолият ва тамомияти арзии Тоҷикистон, дахлнопазирии ҳудуди кишвар, моҳият ва вазифаҳои давлат, ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд, асосҳои иқтисодиву сиёсӣ, таҷзияи ҳокимият ба ҳокимияти қонунгузор, иҷроия ва судӣ, тартиби ташкил, салоҳият ва мувозинати байни мақомоти қонунгузор, иҷроия ва судӣ дар кишвари мутамаддин ифодаи конститутсионӣ ёфтаанд.

Вобаста ба дастовардҳои сиёсиву иқтисодӣ, иҷтимоиву фарҳангӣ ва татбиқи сиёсати мутавозини байналмилалӣ Президенти кишвар ҳамасола дар Паёмҳои худ ба Маҷлиси Олии мамлакат изҳори андеша қарда, барои рушди минбаъдаи кишвар дар назди вазорату идораҳои дахлдор вазифаҳои мушаххас мегузорад.

Сарвари давлат барои ноил гардидан ба дастовардҳои боз ҳам назаррас, бо дарназардошти талаботи ҷомеаи дар ҳоли рушд ва пешгирӣ қардани таъсири манфии омилҳои беруна ба иқтисоди миллий, тақмил додани заминаҳои қонунгузориро вобаста ба муқарророти Конститутсия,

ки онро муҳимтарин омили таъмини истиқлоли миллӣ ва сарчашмаи қонунгузори кишвар мешуморад, яке аз самтҳои фаъолияти асосии аъзои Маҷлиси миллӣ ва вакилони Маҷлиси намояндагони Маҷлиси олии кишвар доништа, зарур меҳисобад, ки ҳангоми қабули қонибдорӣ кардани қонунҳо ва қабули қарорҳо мақоми олии қонунгузори кишвар бояд, зарурат, аҳамият ва дурнамои амалишавии қонунҳои қабулшавандаро ба инобат гиранд [5]. Ҳамин буд, ки бо тақозои зиндагӣ ва пешрафти ҳаёти ҷомеа муқаррароту меъёрҳои конститусионӣ такмил ёфта, ба талаботи давру замон мувофиқ гардида истодааст. Файр аз ин дар таҷрибаи ҷаҳонӣ ва гузашти таърихи башарият падидаҳои ворид намудани тағйиру иловаҳо ба санадҳои ҳуқуқӣ фаровонанд, ки вобаста ба эҳтиёҷоти ҷомеа амалӣ гашта, барои тамини ҳадафҳои тараққиёт дар марҳилаи мушаххаси вақт поя ва асоси мустаҳкамҳои ҳуқуқӣ фароҳам овардаанд.

Бо ҳамин хотир, ба Конститусияи Ҷумҳурии Тоҷикистон то ба имрӯз се маротиба яъне 26 сентябри соли 1999, 22 июни соли 2003 ва 22 майи соли 2016 ба тариқи райпурсии умумихалқӣ тағйироту иловаҳо ворид карда шуданд, ки онҳо ба рушду такомули давлату давлатдорӣ миллӣ мусоидат намуданд [3].

Тағйироту иловаҳои ҷиддӣ вобаста ба ташкилу фаъолияти парламони ҷадид ба боби сеюми Конститусияи кишвар дохил карда шуда, моҳиятан он дар таҳрири нав қабул карда шуд. Тағйироту иловаҳои ин боб вазъи ҳуқуқӣ-конститусионии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистонро дар сатҳи нави мувофиқа ба моддаи 9 Конститутсия дигаргун сохт. Аввалин бор дар моддаи 48 Маҷлиси Олӣ – парламенти Ҷумҳурии Тоҷикистон эълон гардид. Дар ин асос Маҷлиси Олӣ мақоми олии намояндагӣ ва қонунгузори ҷумҳурӣ доништа шуда, таркиби дупалатагии (думачлисаи) он муқаррар карда шуд. Маҷлиси Олӣ аз Маҷлиси

миллӣ – палатаи намояндагии минтақаҳо ва ҳокимияти иҷроия, Маҷлиси намояндагон – палатаи касбӣ иборат гардид.

Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон таъкид намудааст, ки "Таъсис ёфтани парламенти думачлиса дар сохтори давлатдорӣ мо дигаргунӣ бунёдӣ мебошад ва Маҷлиси миллии Маҷлиси Олӣ имрӯз ба яке аз рукҳои боэътимоди мақоми қонунгузори кишварамон табдил ёфтааст. Зеро мутобиқи Конститусия аз қониби Маҷлиси миллӣ қонибдорӣ карда шудани қонунҳои қабулнамуаи Маҷлиси намояндагон қафолати муҳими қабули қонунҳои муқаммал, босифат ва ҷавобгӯ ба манфиати мардум мебошад" [5].

Дар моддаи 49 усулҳои асосӣ, тартиби ташкил ва гузаронидани интихоботи аъзои Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагон, талаботҳо (шартҳо) нисбати номзадҳо ба аъзои Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагон муайян карда шуданд. Маҷлиси намояндагон доимоамалкунанда ва касбӣ ва фаъолияти Маҷлиси миллӣ даъватӣ доништа шуд.

Дар моддаи 50 ва 51 тартиби интихобнашудан ва мувофиқ набудани ваколати узви Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагон, дахлнопазирии онҳо, пеш аз мӯҳлат қатъ гаштани ваколати онҳо муайян карда шудааст [1].

Вобаста ба ин навоариҳо шакл ва тартиби амалӣ намудани ваколати палатаҳо муқаррар карда шуданд. Мувофиқи моддаи 52 шакли иҷлосиявии қори палатаҳо, дар як сол на камтар аз чор бор аз тарафи раиси Маҷлиси миллӣ даъват гаштани иҷлосияи он, гузаронидани иҷлосияи навбатии Маҷлиси намояндагон дар як сол як маротиба аз рӯзи аввали қорӣ моҳи октябр то рӯзи охири қорӣ моҳи июн муайян карда шуд.

Моддаи 53 Конститутсия тартиби интихоби қорисони палатаҳо ва

муовинони онҳо, мақомоти ҳамоҳанг-созанда ва кории онҳо, кумита ва комиссияҳои дахлдор ва самти фаъолияти онҳоро нишон додааст. Муқаррар карда шуд, ки ҷаласаҳои ҳар як палата алоҳида мегузаранд.

Масъалаи муайян кардани салоҳияти палатаҳо дар ҳадди конститутсионӣ масъалаи мураккаб буд. Зеро ки дар тақсими ваколатҳо бояд манфиати шоҳаҳои ҳокимияти давлатӣ ба назар гирифта мешуд. Тадбиқи амалии усули таҷзияи ҳокимияти давлатӣ ба дасти як шоҳаи ҳокимият чамъ омадани тамоми ҳокимиятро пешгирӣ карда, бояд ба тавлиди низоми худкомаи сиёсӣ роҳ наредод. Аз ин рӯ, баробари тақсими ваколатҳо дар байни палатаҳо инчунин масъалаи алоқамандии онҳо бо салоҳияти Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар боби чоруми Конституция ҳаллу фасл карда мешуд. Бо назардошти ин омилҳо дар моддаи 55 мавридҳои гузаронидани ҷаласаҳои якҷояи палатаҳо нишон дода шуданд. Ваколатҳои Маҷлиси миллий (моддаи 56) алоҳида ва ваколатҳои Маҷлиси намояндагон алоҳида (моддаи 57) пешбини гардиданд.

Дар ҷаласаҳои якҷояи палатаҳо асосан баррасии масъалаҳо ба ду гурӯҳ матраҳ карда мешаванд. Гурӯҳи якум аз тасдиқи фармонҳои Президент дар бораи ташкили Ҳукумат, таъин ва озод кардани ҳайати он, дар бораи чорӣ намудани ҳолати ҷангӣ ва вазъияти фавқулодда, ризоият ба истифодаи Қувваҳои Мусаллаҳи Ҷумҳурии Тоҷикистон берун аз ҳудуди он барои иҷрои ӯҳдадориҳои байналмилалӣ чумхурӣ иборат доништа шуд. Ба гурӯҳи дуюм ваколатҳои шомил доништа шудааст, ки ба интиҳобот ва қабули истеъфои Президент, ба муайян кардани имтиёзҳо ва дахлнопазирии ӯ алоқаманд мебошанд. Инчунин маросими савгандёдкунии ва баромади Президент бо паёми худ дар бораи самтҳои асосии сиёсати дохилӣ ва хориҷии чумхурӣ дар ҷаласаи якҷояи палатаҳо сурат мегирад.

Ҳамчунин ба салоҳияти Маҷлиси миллий мувофиқи моддаи 56 Конституция масъалаҳои таъсису барҳам додани воҳидҳои марзиву маъмурӣ ва тағйири онҳо, интиҳоб ва бозхонди раис, муовинон ва судяҳои Суди конститутсионӣ, Суди Олӣ ва Суди Олии иқтисодӣ, ҳалли масъалаҳои бекор кардани дахлнопазирии онҳо, ризоият ба таъин ва озод намудани Прокурори генералӣ ва муовинони ӯ илова карда шуд.

Дар масъалаи муайян кардани субъектони ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ ба матни нави моддаи 58 тағйирот дохил карда шуда, субъекти муқаррарии ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ будани мақомоти судии чумхурӣ бо ҳолати нав «...оид ба масъалаҳои вобаста ба салоҳияташон ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ доранд» маҳдуд карда шуд.

Оид ба лоиҳаи қонун дар бораи авф муқаррар карда шуд, ки онро Президент ба Маҷлиси намояндагон ва лоиҳаи қонун дар бораи буҷет, муқаррар ва бекор кардани андозҳо аз тарафи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон пешниҳод карда мешавад (моддаи 59).

Таҳрири моддаҳои 60-62 Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон тартиби баррасӣ ва қабули қонунҳоро аз тарафи Маҷлиси намояндагон, тартиби ҷонибдорӣ қонунҳоро аз тарафи Маҷлиси миллий, тартиби барои имзо намудан ба Президент пешниҳод кардани қонун ва баррасии он ҳангоми ҷонибдорӣ наёфтани ё ба имзо нарасидани танзим намудаанд.

Моддаи 63 муқаррар кард, ки Маҷлиси миллий ва Маҷлиси намояндагон метавонад пеш аз мӯҳлат дар ҷаласаи якҷояи худ бо тарафдорӣ на камтар аз се ду ҳиссаи аъзои Маҷлиси миллий ва вакилони Маҷлиси намояндагон, ғайр аз вазъияти фавқулодда ва ҳолати ҷангӣ ихтиёран пароканда шавад [1].

Дар баробари дигар тағйири иловаҳои ба Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар солҳои 1999 ва 2003

воридкардашуда, ҳамчунин муҳлати ваколати Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳафт сол ва муҳлати судяҳо ба даҳ сол расонида шуд.

Мутобиқ ба тағйиротҳои охирина, ки 22 майи соли 2016 ба Конститусияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ворид карда шуд, дар Тоҷикистон фаъолияти хизбҳои сиёсии дигар давлатҳо, таъсиси хизбҳои хусусияти миллӣ ва динидошта, инчунин маблағгузори хизбҳои сиёсӣ аз ҷониби давлатҳо ва созмонҳои хориҷӣ, шахсони ҳуқуқӣ ва шахрвандони хориҷӣ манъ аст.

Тартиби соҳиб шудан ва қатъ гардидани шахрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистонро қонуни конституционӣ танзим менамояд. Шахсе ба номзадии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон пешниҳод шуда метавонад, ки танҳо шахрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистонро дошта бошад, синни ӯ аз 30 кам набуда, дорои таҳсилоти олӣ бошад, забони давлатиро донад ва дар ҳудуди ҷумҳурӣ на камтар аз 10 соли охир истиқомат дошта бошад.

Бо дарназардошти ин тағйиротҳо, узви Маҷлиси миллӣ шахсе интиҳоб ё таъин шуда метавонад, ки танҳо шахрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистонро дошта бошад ва синни ӯ аз 30 кам набуда, дорои таҳсилоти олӣ бошад.

Узви Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагон баъди интиҳоб ё таъин шудан дар иҷлосияи Маҷлиси миллӣ ва Маҷлиси намояндагон ба халқи Тоҷикистон савганд ёд мекунанд.

Шумораи аъзои Маҷлиси миллӣ ва вакилони Маҷлиси намояндагон, тартиби интиҳоб ё таъин гардидани онҳоро қонуни конституционӣ муайян менамояд [1].

Ҳамаи ин тағйиротҳо ба рушди минбаъдаи қонунгузори конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва таъмини шароити арзанда дар ҳаёти ҷомеаи навину демократии шахрвандони кишварамон нақши созгор гузошт.

Ғайр аз ин тағйиротҳо иловаҳои воридкарда ба муқамал гардидани

меъёрҳои Конституцияи мамлакат равона гардида, ба таҷрибаи ҷаҳонӣ ва стандартҳои байналмилалӣ ҳамрадиқ буда, қадами таърихӣ санҷидашудаи ҳуқуқист, ки ҳадафи он дифоъ аз манфиатҳои халқ ва давлати Тоҷикистон мебошад. Зарурияти қабули тағйиротҳо иловаҷорро як қатор олимину коршиносони кишвар иқдоми неки пайгири на хонда, тағйироти пешниҳодшударо ба рушди бемайлоии соҳаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ, равандҳои демократисозии ҳаёти ҷомеа, ҳуқуқи озодиҳои инсон, кафолати риояву ҳифзи онҳо марбут донистанд.

Воқеъан ҳам, муқамалсозии меъёрҳои конституционӣ ба рушди устувору босуботи ҷомеа, инкишофи минбаъдаи ҷараёни демократикунонии ҳаёти ҷамъиятӣ, таъмини риоя ва ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои инсон ба воситаи муҳаё намудани шароити кафолати давлатии он мебошад. Ҳамчунин ин ташаббуси қонунгузорӣ ба маърифати баланди ҳуқуқӣ ва фаъолнокии сиёсӣ вобастагӣ дошта, такмил додани муқаррароти конституционӣ ҷанбаи илмиву мантиқӣ, аз нигоҳи зарурат ва моҳият саривақтиву ҳадафмандиро дар бар мегирад.

Маълум аст, ки аксари давлатҳои пешрафтаи ҷаҳон таърихи худро бо номи фарзандони бузурги худ, ки дар начоти ин кишварҳо нақши халқунанда доштанд, пайваст менамоянд.

Имрӯз дар бобати муваффақ шудан ба ризоияти миллӣ, сулҳу ваҳдат, қабули Конституция ва дигар дастовардҳо бояд махсусан саҳми Ҷаноби Олӣ, Президенти мамлакат Эмомалӣ Раҳмонро таъкид намоем, зеро дар нахустин суҳанронии хеш дар Иҷлосияи 16-ум ҷунин иброз намуда буданд: «Ман кори худро аз сулҳ сар хоҳам кард. Ман тарафдори давлати демократии ҳуқуқбунёд мебошам. Мо бояд ҳама ёро бародар бошем, то ки вазъро ором намоем. Ҳарчӣ аз дастам меояд, дар ин роҳ талош хоҳам кард» [7]. Инчунин қайд карда буданд, ки барои ба даст овардани ин мақсадҳо ҳат-

то омодаанд чони худро нисор намо-янд.

Бо ифтихор бояд қайд намоем, ки маҳз суханрониҳо ва фаъолияти амалии сарвари давлат дар он давра дар қалби мардуми кишвар ва таърихи он ҷои нотақрор ва сазовори худро ишғол карда яке аз асосҳои дастгирӣ ва боварии халқ ба сиёсати пешгирифтаи роҳбари мамлакат гардиданд. Ин сардоқату самимиятро Эмомалӣ Раҳмон дар ҷараёни хидматҳояш дар назди халқу Ватан барҳо собит намудааст.

Аз ин рӯ, вазифаи ҳар як шаҳрванди Тоҷикистон дар баробари ифтихор аз ин сулҳе, ки дастоварди бу-

зурги таърихист, ҳамчун сарвати муқаддаси миллӣ ҳифз кардани он буда, бо баланд гардидани маърифати ҳуқуқии ҷомеа ва таъмини волоияти қонун музафариатҳои он устувор ме-гарданд.

Мақомоти олии қонунгузори кишвар сиёсати хирадмандонаи Сарвари давлатамон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмонро пуштибонӣ намуда, баҳри таҳкими қонуният, тартиботи ҳуқуқӣ, ҳифзи ваҳдати миллӣ, пешрафти рушди соҳаҳои мухталифи кишвар тамоми вақолатҳои бо қонун пешбинишударо дар қабули қонунҳо ва ҷонибдорӣ онҳо татбиқ менамоем.

Адабиёт:

1. Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри соли 1994 (бо тағйиротҳо аз 26 сентябри соли 1999, 22 июни соли 2003 ва 22 майи соли 2016).
2. Раҳимӣ Ф., Шамолов А.А., Имомов А. Конституцияҳои Тоҷикистон: пайдоиш ва инкишоф. – Душанбе, 2014.
3. Муҳаммад А.Н., Буриев И.Б., Одиназода Р. Истиқлолияти давлатӣ-таҳкимбахши низоми давлатдорӣ миллӣ // Маҷмӯаи мақолаҳои конфронси ҷумҳуриявӣ илмӣ-назариявӣ, 10-12 августи соли 2016. Авҷ. ВМКБ. – Душанбе, 2016.
4. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 20 апрели соли 2012.
5. Суханронии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар Иҷлосияи якуми Маҷлиси миллии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон даъвати панҷум аз 20 апрели соли 2015 // Садои мардум аз 20.04.2017. №56-57(337-3358).
6. Суханронии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба муносибати Рӯзи Конституция. – 05.11.2015с.
7. Аз суханрониҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар Иҷлосияи XVI-уми Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – 16 ноябри соли 1992.

**МАСЪАЛАҲОИ МУБРАМИ СОҲТОРИ КОНСТИТУТСИОНӢ.
СОҲТОРИ ДАВЛАТӢ – АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСНОВ
КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ. ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИ-
ТЕЛЬСТВО**

**ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА
ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Диноршоев А.М.,
заведующий кафедрой конституционного
права юридического факультета Таджик-
ского национального университета, доктор
юридических наук, профессор
E-mail: dinorshoev@gmail.com

Сулаймонов М.С.,
ассистент кафедры конституционного пра-
ва юридического факультета Таджикского
национального университета
E-mail: musulman_8888@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционный
судебный процесс; муниципальное право

Аннотация: Авторы в данной статье рассматривают понятие и составные эле-
менты правового статуса Президента. На основании изучения теоретических взгля-
дов и концепций они приходят к выводу, что конституционно-правовой статус Пре-
зидента включает в себя следующие элементы: юридические нормы, закрепляющие
конституционно-правовой статус Президента РТ; компетенция и полномочия Прези-
дента РТ; гарантии деятельности и неприкосновенность Президента РТ.

Ключевые слова: Президент, конституционно-правовой статус, компетенция,
функции, гарантии, неприкосновенность.

**МАФҲУМ ВА ТАРКИБИ ВАЗӢИ КОНСТИТУТСИОНӢ-ҲУҚУҚИИ ПРЕЗИ-
ДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

Диноршоев А.М.,
мудири кафедраи ҳуқуқи конститутсионии
факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи мил-
лии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқши-
носӣ, профессор
E-mail: dinorshoev@gmail.com

Сулаймонов М.С.,
ассистенти кафедраи ҳуқуқи конститутси-
онии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи
миллии Тоҷикистон
E-mail: musulman_8888@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.02 – ҳуқуқи конститутсионӣ; муҳофизати суди конститутси-
онӣ; ҳуқуқи мунитсипалӣ

Ғишурда. Дар мақола муаллифон мафҳум ва унсурҳои таркибии вазъи конституционӣ-ҳуқуқии Президентро мавриди таҳқиқ қарор додаанд. Дар асоси омӯзиши ақидаҳои назариявӣ ва амалии олимони муаллифон ба хулоса омадаанд, ки вазъи конституционӣ-ҳуқуқии Президент дорои чунин унсурҳо мебошад: меъёри ҳуқуқии танзимкунандаи вазъи ҳуқуқӣ-конституционии Президент; салоҳият ва ваколати Президенти ҶТ; кафолати ғайрияти ва даҳлатнопазирии Президенти ҶТ.

Калидвожаҳо: Президент, вазъи конституционӣ-ҳуқуқӣ, салоҳият, ваколат, функсия, кафолат, даҳлатнопазирӣ

CONCEPT AND CONTENT OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Dinorsoev A.M.,

Head of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences, Professor
E-mail: dinorshoev@gmail.com

Sulaymonov M.S.,

Junior lecturer of the Department of Constitutional law of the Law Faculty, Tajik National University
E-mail: musulman_8888@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.02 – constitutional law; constitutional proceeding; municipal law

Annotation. The authors in this article consider the concept and constituent elements of the legal status of the President. Based on the study of theoretical views and concepts, they come to the conclusion that the constitutional and legal status of the President includes the following elements: legal norms that fix the constitutional and legal status of the President of the Republic of Tajikistan; competence and authority of the President of the Republic of Tajikistan; guarantees of activity and immunity of the President of the Republic of Tajikistan.

Keywords: President, constitutional-legal status, competence, functions, guarantees, inviolability.

Вопросы определения понятия конституционно-правового статуса Президента РТ и его структурных элементов являются одними из самых актуальных вопросов конституционного права Республики Таджикистан. Это связано с тем, что посредством определения конституционно-правового статуса Президента определяются форма правления, модель разделения властей, политический режим и другие важнейшие институты государства. Также посредством конституционно-правового статуса определяются роль и место Президента в системе органов государственной власти.

Таким образом, можно заключить, что конституционно-правовой статус главы государства, как и любого другого субъекта конституционно-правовых отношений, представляет собой определяемую исключительно нормами конституционного законодательства нормативно-правовую категорию [21, с. 150].

Общепризнанным фактом является то, что конституционному праву как системообразующей отрасли права характерна особая направленность регулирования, которая проявляется во взаимодействии государства, общества и личности. Исходя из этого определяется и круг регулируемых отношений,

которые можно обозначить как государственно-властные отношения. Данные отношения направлены на регламентацию принципиальных сущностных начал построения государства, таких как правовой статус личности, предназначение и порядок осуществления государственной власти, а также их основных составляющих – принцип разделения властей и единство государственной власти, порядка легитимации государственных органов, их компетенции, прекращения полномочий, включая возможность применения мер ответственности.

Исходя из этого, субъектный состав конституционных правоотношений намного шире. Как отмечается в отечественной литературе по конституционному праву в качестве субъектов конституционных отношений выступают предусмотренные конституцией и иными законодательными актами участники конституционно-правовых отношений, которые по своим особенностям наделены соответствующими правами, обязанностями и несут установленную законом ответственность. Специфика субъектов конституционно-правовых отношений проявляется в том, что, в отличие от других отраслей права, конституционно-правовые отношения не могут возникнуть между двумя гражданами. В этих отношениях одной из сторон всегда выступает государство в лице его органов и должностных лиц [9, с. 202].

И.Д. Хутинаев также указывает, что все субъекты конституционно-правовых отношений подпадают под регулирование норм конституционного права лишь потому, что они связаны с государством, с ним взаимодействуют, без воздействия друг на друга не могут функционировать. От имени государства его органы и должностные лица вступают в конституционные правоотношения друг с другом либо с иными субъектами, являясь обязательной стороной таковых [20, с. 10-27].

Нормы конституционного права, регулируя соответствующие отношения, устанавливают определенные характеристики субъектов, которые сле-

дует признать формами конституционно-правового статуса.

При этом возникает вопрос – в отношении всех ли субъектов конституционных правоотношений устанавливаются характеристики конституционно-правового статуса (например, в отношении органов государственной власти и государственных органов власти)?

Деятельность не каждого органа государства имеет конституционное закрепление. Так, одни просто перечислены в Конституции (например, министерства), другим посвящены единичные статьи, закрепляющие самые общие начала (Конституционный суд). И только высшие органы государственной власти удостоиваются детального регулирования многообразных институциональных и функциональных сторон организации и деятельности. Это в первую очередь относится к определению конституционно-правового статуса главы государства.

При этом необходимо подчеркнуть, что лишь органы государственной власти как субъекты, чей порядок организации и деятельности регламентирован исключительно нормами конституционного права, приобретают конституционно-правовой статус. Нормами конституционного права определяются правила формирования и деятельности «вторичных» органов, в то же время в обязательном порядке дополнительно отрегулированы иными отраслями права. Наряду с этим вероятны лишь конституционно-правовое регулирование главных статусных элементов либо провозглашение конституционных принципов, лежащих в основе отраслевого регулирования статуса [20, с. 10-27].

Говоря о конституционно-правовом статусе Президента, нельзя не затронуть вопросы о самом понятии «правовой статус» и его содержании. В юридической науке данным термином описываются многие научные категории, также он широко используется и в законодательстве [6; 16].

Как указывает С.В. Редких, «изучение права начинается с определения места и роли занимаемой в нем человеком. Категория субъект является центральной в правовой науке. При этом, как отмечает автор, нельзя исследовать место и роль человека и других субъектов в правовой системе, не определившись с их статусом по отношению друг к другу» [17, с. 42].

По мнению С.А. Комарова, «статус субъекта права в теории права является более общей правовой категорией, обычно рассматриваемой как принадлежащих субъекту права и установленных нормами объективного права независимо от участия субъекта в конкретных правоотношениях совокупность, система, комплекс основных прав и обязанностей» [12, с. 209].

Исходя из этого, можно утверждать, что обычно термин «правовой статус» применяют в случаях, когда речь идет о характеристиках тех или иных субъектов правоотношений.

Так, С.А. Авакьян под правовым статусом понимает «положение органа, оформленное нормативным правовым актом объединения, организации, должностного лица, личности». С его точки зрения, под статусом можно понимать также место в системе общественных отношений и характеристику субъектов права, основные права и обязанности, форму (порядок) их реализации и принимаемых при этом актов или совершаемых действий [1, с. 593].

В свою очередь, ряд отечественных ученых к правовому статусу относят комплекс прав, свобод и обязанностей субъектов конституционного права, определяющих их правовое положение в обществе, которым они наделены будучи субъектами правоотношений, которые возникают в ходе реализации норм всех отраслей права [8, с. 142].

Применительно к органам государственной власти в юридической литературе наиболее распространено отождествление правового статуса с

компетенцией [20, с. 22]. Считается, что в данном случае речь следует вести только об узкой трактовке правового статуса. На наш взгляд, такой подход является ограниченным и не позволяет раскрыть сущность правового статуса того или иного органа государственной власти. В этой связи вопрос о правовом статусе в широком смысле необходимо рассматривать как совокупность элементов, характеризующих деятельность органов государственной власти.

В этом контексте следует согласиться с мнением ряда ученых относительно того, что конституционно-правовой статус органов государства образует не только круг их прав и обязанностей, но и их фактическая реализация. Так, по мнению Н.В. Витрука, «содержание конституционно-правового статуса реализуется не только в правовых отношениях, но и посредством юридических связей» [5].

По мнению Н.А. Богдановой, «правовой статус выражается в таких формах правового выражения, как нормативный и фактический. Нормативный правовой статус закрепляет правовое положение субъектов (участников) конституционно-правовых отношений на соответствующем уровне законодательства. Под фактическим статусом понимается реальное положение субъекта конституционно-правовых отношений в связи с применением норм конституционного права в конкретных социально-политических условиях» [3, с. 4-5].

Следует согласиться с И.Д. Хутинаевым, который указывает, что «с учетом предназначения собственно отрасли конституционного права конституционно-правовой статус выступает неким объединяющим фактором, в силу которого образующие статус и характеризующие тот или иной орган элементы и связи интегрируются в целостную систему» [20, с. 10-27]. Далее, он отмечает, что «конституционная и законодательная регламентация правового статуса главы государства

необходима для того, чтобы лицо, занимающее высшее положение в государстве, имело ясные права и обязанности и не могло, выходя за установленные пределы, своими действиями породить угрозу конституционным правам и свободам граждан. Устойчивость конституционного строя и реальность прав и свобод граждан в решающей степени зависят от баланса и гармонии между поведением главы государства и других органов власти» [20, с. 10-27].

Таким образом, в науке конституционного права понятие конституционно-правового статуса того или иного субъекта конституционных правоотношений дается через перечень составляющих конкретный статус элементов. Составляющие статус элементы должны раскрывать признаки того или иного субъекта, его черты, позволяющие отнести субъект к определенной системе, а также особенности.

Исходя из этого, различают отраслевой, специальный и индивидуальный правовой статус. В первом случае речь идет о том, что данный статус и составляющие его элементы присущи каждому субъекту одного вида. Посредством специального статуса раскрываются особенности тех или иных характеристик, присущих субъекту внутри какого-либо вида. Индивидуальный статус – это отражающее совокупность персонифицированных прав и обязанностей состояние конкретного лица [8, с. 143; 9, с. 122].

На основе данного деления можно сделать вывод о том, что конституционно-правовой статус Президента носит индивидуальный характер, который подробно определяется Конституцией и принятыми на ее основе законами.

Раскрывая содержание элементов конституционно-правового статуса Президента, следует отметить, что среди ученых и специалистов нет единого мнения по данному поводу. По мнению некоторых ученых, конституционный статус Президента реализуется в нормах Конституции, в которой определе-

ны функции и полномочия главы государства, т. е. в ней дается узкое толкование правового статуса [20, с. 26].

Другая категория ученых раскрывает содержание правового статуса Президента через понятие «институт президента», под которым понимается совокупность конституционных норм, регулирующих порядок формирования и функционирования президентской власти [20, с. 26].

Б.П. Елисеев определяет институт президента как интеграционный правовой институт, основной целью которого является согласование деятельности институтов государственной власти. При этом он выделяет такие характеризующие данный институт основные черты, как: президент является выборным главой государства, который может возглавлять исполнительную власть или быть арбитром в системе разделения властей; в организационном аспекте президент никому не подчинен и, вообще, обладает высокой степенью независимости от каких-либо других государственных органов, что не снимает с него обязанности действовать на основе и во исполнение законов; пост президента имеет ярко выраженный политический характер. Ему принадлежит важная роль в формировании политики государства, верховного политического руководства государственными делами [10, с. 9-10].

С.Г. Паречина, в свою очередь, указывает, что «в политической науке институт президентства должен рассматриваться в первую очередь как властный институт, то есть как совокупность властных полномочий президента в сфере государственного управления, которые в равной степени зависят как от конституционных норм, регулирующих функционирование президентской власти, так и от политической деятельности президента, являясь своеобразным «прочтением» Конституции президентом» [15, с. 10].

Особый интерес представляет собой проведенный И.Д. Хутинаевым анализ понятий «институт президента» и «правовой статус президента». По его

мнению, институт президента является первичным и объем его нормативного содержания больше, чем у правового статуса президента. По сравнению с последним институт президента не ограничивается лишь функционированием, но также определяет и избрание президента. Таким образом, правовой статус выступает частью правового института, который определяет президентскую деятельность [19, с. 40].

В.Н. Суворов раскрывает конституционный статус Президента также через призму понятия «институт президента» и посредством его конституционных характеристик:

- в качестве государственного органа;
  - президентской власти и ее ограничения;
  - функций Президента;
  - его взаимоотношения с другими высшими государственными органами.
- При этом он фактически ставит знак равенства между конституционным статусом Президента и институтом президента [18].

Отличительную точку зрения высказывает Н.А. Богданова, которая проводит четкую грань между конституционно-правовым статусом государственного органа и конституционно-правовым институтом. Так, она отмечает, что «в конституционном праве наиболее распространенным нормативным структурным образованием (подразделением) является конституционно-правовой статус государственных органов и должностных лиц [4, с. 67]. Конституционно-правовой статус как проявление нормативного статуса существует в качестве важнейшей структурной части данной отрасли, закрепляющей на соответствующем уровне правовое положение субъектов конституционно-правовых отношений.

Также Н.А. Богданова отмечает, что понятие «институт» имеет строго нормативную направленность. Именно поэтому институт всегда формален. В свою очередь понятие «правовой статус» охватывается не только формали-

зованным правом, но и самыми разнообразными конституционно-правовыми отношениями, складывающимися в связи и по поводу конкретного предмета регулирования» [4, с. 67]. Таким образом, она приходит к выводу, что понятие «правовой статус» является более широким и включает в себя ряд самостоятельных институтов, таких как институт выборов, ответственности, полномочий и др. Каждым из указанных институтов отражаются определенная сторона характеристики социально-политической роли и правовой природы президента. Данные институты также можно разделить на подинституты или субинституты. Исходя из этого, она делает умозаключение о логичности объединения таких институтов в более обширную и многогранную характеристику – конституционно-правовой статус президента [4, с. 67].

Нормативное содержание института президента, по мнению Ю.Л. Дмитриева, формируется из любых нормативных актов, регулирующих избрание (назначение) президента и вступление в должность, его функционирование и отставку, тогда как нормативное содержание правового статуса президента должно ограничиваться рамками его деятельности [16, с. 14].

По мнению С.В. Березки, конституционно-правовой статус президента – это положение главы государства, установленное нормами Конституции и законодательных актов: определяемые функциями, компетенцией и ответственностью его место и роль в системе государственных органов и прежде всего среди высших органов страны [2].

Рассмотрев различные точки зрения, мы пришли к выводу, что понятия «институт президента» и «правовой статус президента» не являются идентичными и несут различную смысловую нагрузку. Институт президента можно определить, как совокупность относительно самостоятельных конституционно-правовых норм, регулирующих

однородные общественные отношения, связанные с формированием и функционированием Президента как органа государственной власти. В свою очередь конституционно-правовой статус Президента представляет собой совокупность закрепленных в Конституции и в законодательстве положений, определяющих порядок осуществления деятельности Президента, выражающейся в реализации его функций и компетенции.

Исходя из этого, содержания «институт президента» и «конституционно-правовой статус Президента» имеют разное наполнение, что верно отмечено Л.Ю. Дмитриевым [16, с. 14].

Определившись с понятием правового статуса Президента, перейдем к изучению его содержания. По данному вопросу среди ученых существуют различные подходы. Так, по мнению Б.Н. Габричидзе, конституционный статус государственных органов, в том числе и Президента, состоит из политической и государственно-правовой характеристики основных органов государства; дифференциации систем, подсистем и видов органов, соотношения органов друг с другом; определения места различных видов органов в общегосударственной системе; основ взаимоотношений органов между собой; закрепления важнейших принципов их организации и деятельности; установления основ компетенции; видов правовых актов органов и их места в правовой системе [7, с. 11].

В структуре конституционно-правового статуса Н.А. Богданова выделяет такие элементы, как: место субъекта в обществе и государстве, его социально-политическая роль и назначение; общая правоспособность (правосубъектность); права и обязанности или компетенция и ответственность; гарантии устойчивости и реальность правового состояния субъектов конституционного права [4, с. 58].

В.Н. Суворов считает, что конституционный статус президента отражает «во-первых, традиционное понимание президента как главы государства; во-вторых, концепцию «арбитра», обеспечи-

вающего взаимодействие, согласованную работу государственных органов, гаранта Конституции; в-третьих, его определяющее положение по отношению к исполнительной ветви власти, право по ее осуществлению, его роль как фактического главы исполнительной власти» [18, с. 20-21].

Анализируя правовой статус Президента РТ, С.М. Салохидинова отмечает, что конституционно-правовой статус Президента РТ складывается из следующих характеристик: глава государства и исполнительной власти; гарант прав и свобод человека и гражданина; Верховный Главнокомандующий; Председатель Совета безопасности. Далее, она отмечают, что Президентом РТ, в соответствии с Конституцией и законодательством РТ, осуществляются такие основные виды деятельности, как: обеспечение стабильности конституционного строя; обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти; гарант Конституции РТ, прав и свобод человека и гражданина; принятие мер по охране суверенитета РТ, ее независимости и территориальной целостности; определение основных направлений внутренней и внешней политики; представление Таджикистана внутри страны и на международной арене [9, с. 202].

На основании изложенных позиций мы пришли к выводу, что элементы конституционно-правового статуса Президента РТ должны определять рамки его деятельности и, исходя из этого, определять его место в системе органов государственной власти, поэтому считаем, что элементами конституционно-правового статуса Президента являются:

- юридические нормы, закрепляющие конституционно-правовой статус Президента РТ;
- функции Президента РТ;
- компетенция и полномочия Президента РТ;
- гарантии деятельности и неприкосновенность Президента РТ.

Кратко рассмотрим их.

Правовое закрепление конституционно-правового статуса Президента РТ в Конституции и конституционных законах имеет первостепенное значение. Именно оно определяет политико-правовую и социальную роль и назначение деятельности Президента, определяет его роль в системе органов государственной власти. Также посредством правового закрепления определяется круг полномочий и функций Президента РТ, гарантированность его деятельности и другие вопросы, связанные с осуществлением его деятельности. Основы конституционно-правового статуса Президента РТ определяются в главе 4 Конституции РТ, Конституционными законами РТ «О выборах Президента РТ» и «О социальном обеспечении, обслуживании и охране Президента РТ».

Вторым элементом конституционно-правового статуса Президента РТ является определение круга его функций как главы государства. Под функциями понимаются наиболее важные общие обязанности главы государства, вытекающие из его положения в системе органов государственной власти.

С вопросом о реализации функций Президента тесно переплетается вопрос о компетенции и полномочиях Президента РТ. Они, как правило, происходят из функций и складываются из определенных прав и обязанностей Президента касаясь вопросов, отнесенных к его компетенции. В том объеме, в каком функции и полномочия характерны только лишь главе государства (иными словами, не относятся ни к парламенту, ни к правительству и ни к судебным органам), их именуют привилегиями главы государства (например, предлагать парламенту кандидатуру на пост главы правительства, присваивать высшие воинские звания).

Последней структурной единицей правового статуса Президента РТ является вопросы гарантированности и неприкосновенности его деятельности.

Общепризнанным является то, что реализация прав и обязанностей

невозможна без законодательного закрепления системы гарантий. В этой связи в состав правового статуса Президента РТ в качестве основного элемента входят правовые гарантии. Как отмечают Н.И. Матузов и А.В. Малько, под правовыми гарантиями понимается система юридических условий и средств, которые создают одинаковые возможности индивидов для претворения в жизнь своих прав, свобод и законных интересов, а также их охраны [14, с. 93]. Иными словами, гарантии создают возможности для беспрепятственного осуществления Президентом РТ своих полномочий.

Наряду с гарантиями осуществления деятельности Президент РТ обладает неприкосновенностью. Как отмечают С.М. Салохидинова, Конституция РТ, предоставляя Президенту РТ неприкосновенность, тем самым обеспечивает высокую степень защиты главы государства во время исполнения им своих полномочий. Неприкосновенностью обеспечивается беспрепятственное исполнение Президентом РТ, возложенных на него функций. Неприкосновенность обладает публично-правовым характером, ее целью является обеспечение повышенной охраной личности Президента ввиду исполняемых им государственных функций. Следует отметить, что неприкосновенность Президента не исчерпывается личной неприкосновенностью и распространяется на жилые и служебные помещения, которые он занимает, личные и служебные транспортные средства, что им используются, средства связи, а также принадлежащие ему вещи и документы [9, с. 209-210].

Наряду с этим обладание неприкосновенностью не означает, что у Президента отсутствует ответственность. В соответствии с частью 2 статьи 72 Конституции РТ Президент РТ может быть лишен неприкосновенности на основании выдвинутого обвинения в государственной измене.

Подводя итог, следует отметить, что все элементы конституционно-правового статуса Президента РТ об-

разуют систему, характеризующуюся целостностью и единством. Конституционно-правовой статус Президента РТ, будучи индивидуальным правовым статусом, представляет собой системную структуру, сущность которой проявляется в опосредованном политико-

правовой природой месте Президента РТ в системе органов государственной власти и реализации функций и полномочий как главы государства и исполнительной власти.

Литература:

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон. – М., 2015.
2. Березка С.В. Конституционно-правовой статус главы государства в России и в Украине: сравнительно-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
3. Богданова Н.А. Категория статуса в конституционном праве. // Вестн. Моск. ун-та. Сер 11. Право. 1998. № 3.
4. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М., 2001 г.
5. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – М., 2008.
6. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М.: Изд. группа "ИНФРА-М-НОРМА", 1997.
7. Габричидзе Б.Н. Конституционный статус органов Советского государства. – М.: Юрид. лит. 1982.
8. Диноршоев А.М. Права человека. учебник для вузов. – Душанбе, 2017.
9. Диноршоев А.М., Салохидинова С.М. Конституционное право Республики Таджикистан. – Душанбе, 2017.
10. Елисеев Б.П. Институт Президента Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Рос. акад. упр. – М., 1992.
11. Имомов А.И. Конституционное право Республики Таджикистан (на тадж яз). – Душанбе, 2017.
12. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 1997.
13. Лебедев А.Н. Статус субъекта Российской Федерации (основы концепции, конституционная модель, практика). – М.: Ин-т государства и права РАН, 1999. и др.
14. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. – М.: Юрист, 2004.
15. Паречина С.Г. Институт президентства: история и современность. Минск: ИСПИ, 2003.
16. Правовой статус Президента Российской Федерации: учеб. пособие. / Под общ. ред. проф. Ю. Л. Дмитриева. – М.: Манускрипт, 1997.
17. Редких С.В. Понятие правового статуса: формально-правовой контекст. // Пробелы в российском законодательстве. № 3, 2009.
18. Суворов В.Н. Конституционный статус Президента Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000.
19. Хутинаев И.Д. Институт Президента и проблемы формы государства. – М.: Луч. 1994. – С. 40.
20. Хутинаев И.Д. Институт Президента Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02: специальность 12.00.02. / И.Д. Хутинаев. – М., 1994. – С.10-27
21. Шувалов М.Н. конституционно-правовой статус Президента Украины. // Труды Института государства и права Российской академии наук. – М., 2013. – С. 150

**ИҶРОИ ҚОНУНИ ТАНЗИМИ ЧАШНУ МАРОСИМ – УСУЛИ УСТУВОР-
ГАРДОНИИ ИНТИЗОМИ ДАВЛАТӢ ВА СУБОТИ ҚОМЕА**

Ойев Х.,

дотсенти кафедраи ҳуқуқи конституционии
факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи
миллии Тоҷикистон, номзади илмҳои
ҳуқуқшиносӣ

E-mail: oyev@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.14 – ҳуқуқи маъмурӣ; муҳофизати маъмурӣ
Муқарриз: Диноршоев А.М., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Физиурда. Дар мақолаи мазкур баъзе аз масъалаҳо вобаста ба иҷрои Қонуни ҚТ “Дар бораи танзими анъана ва чашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон” мавриди баррасӣ қарор дода шудааст. Муаллиф зимни таҳлили мавзӯи мазкур қайд менамояд, ки қонуни мазкур анъана ва чашну маросимҳоро танзим намуда, ба ҳифзи арзишҳои асили фарҳанги миллӣ ва эҳтиром ба суннатҳои мардумӣ барои баланд бардоштани сатҳи иҷтимоӣ ва иқтисодии ҳаёти шаҳрвандони кишвар равона гардидааст.

Калидвожаҳо: чашну маросим, қонун, интизоми давлатӣ.

**ИСПОЛНЕНИЕ ЗАКОНА “ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ ОБРЯДОВ И
ТРАДИЦИЙ” – КАК МЕТОД УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДИСЦИПЛИНЫ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА**

Ойев Х.,

доцент кафедры конституционного права
юридического факультета Таджикского
национального университета, кандидат
юридических наук

E-mail: oyev@mail.ru

Научная специальность: 12.00.14 – административное право;
административный процесс
Рецензент: Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В данной статье автором проанализированы вопросы реализации закона РТ “Об упорядочении обрядов и традиций”. Автором отмечается, что данный закон регулирует вопросы осуществления обрядов и традиций, с учетом уважения национальных ценностей и обеспечения социально-экономического благосостояния граждан.

Ключевые слово: обряды, традиции, закон, государственная дисциплина.

**EXECUTION OF THE LAW “ON ORDERING RITES AND TRADITIONS” – AS A
METHOD OF STRENGTHENING THE STATE DISCIPLINE AND PUBLIC ORDER**

Oyev H.,

Associate Professor of the Chair of Constitu-
tional Law Faculty of Law of the Tajik Na-
tional University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: oyev@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.14 – administrative law; administrative process

Reviewer: Dinorshoev A.M., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation. In this article, the author analyzed the implementation of the law "On the streamlining of rituals and traditions." The author notes that this law regulates the implementation of ceremonies and traditions, taking into account respect for national values and ensuring the socio-economic welfare of citizens.

Keywords: ceremonies, traditions, law, state discipline.

28 августи соли 2017 аз чониби Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҷаноби Олӣ муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба як қатор қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба ворид намудани тағйиру иловаҳо ба қонунгузори амалкунандаи ҷумҳурӣ ба имзо расонида шуда буд, ки ғояи асосии онҳо ба таъмини зиндагии арзанда, сарфаю сариштакорӣ, паст кардани сатҳи камбизоатӣ, аҷргузорӣ ба арзишҳо ва суннатҳои миллӣ нигаронида шуда, онҳо аз тариқи васоити ахбори умум ба саҳми мардум расонида шуда буданд. Аз ҷумла, қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 8 июни соли 2007 «Оид ба ворид намудани тағйиру иловаҳо ба қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 22 июли соли 2013 «Дар бораи маориф», аз 22 апрели соли 2003 «Дар бораи таҳсилоти ибтидоии касбӣ», аз 8 августи соли 2015 «Дар бораи таҳсилоти миёнаи касбӣ», аз 19 майи соли 2009 «Дар бораи таҳсилоти олии касбӣ ва таҳсилоти касбии баъд аз муассисаи олии таълимӣ», инчунин ба Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 31 декабри соли 2008, ба Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21 майи соли 1988 ва ғайра.

Боиси зикр аст, ки ин қонунҳо асосан тибқи дархосту пешниҳодҳои мурдуми Тоҷикистон, аз ҷумла дархостҳое, ки дар воҳурии Президенти кишвар аз 11 июли соли 2017 ба муносибати 10 солагии рӯзи қабули Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон», аз 8 июни со-

ли 2007 садо дода буданд, қабул гардиданд.

Мазмуни асосӣ ва ҳадафҳои иҷтимоӣ ҳуқуқи тағйироти ба қонунгузори амалкунанда воридкардашуда аз кам кардани хароҷот дар ҷашну маросимҳо, бештар намудани вазъи иҷтимоӣ аҳоли ва баланд бардоштани масъулияти шаҳрвандӣ дар иҷрои қонунҳо, содда кардан ва такмил додани механизми ба амал татбиқсозии онҳо, инчунин баланд бардоштани масъулиятшиносӣ ва ҳештаншиносии мардум ҷиҳати мустаҳкам намудани амниятӣ суботи ҷамъиятӣ, таҳкими қонуният ва интизоми таълиму тарбия дар муассисаҳои таҳсилоти ибтидоии касбӣ, миёнаи касбӣ, олии касбӣ ва таҳсилоти баъд аз муассисаҳои таҳсилоти олии касбӣ, инчунин пурзӯр намудани чораҳои ҷавобгарии ҳуқуқӣ ба амсоли чораҳои ҷавобгарии интизомӣ, маъмурӣ ва ҷиноятӣ барои вайрон кардани онҳо иборат мебошанд.

Ҷӣ тавре, ки аз таиноти Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» бармеояд, қонуни мазкур бо тақозои рушди ҷомеа анъана ва ҷашну маросимро танзим намуда, ба ҳифзи арзишҳои асили фарҳанги миллӣ ва эҳтиром ба суннатҳои мардумӣ барои баланд бардоштани сатҳи иҷтимоӣ иқтисодии ҳаёти шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон равона гардидааст.

Ба ин муносибат Президенти кишвар дар суҳанронии худ ба муносибати моҳи шарифи Рамазон аз 12 майи соли 2018 зикр намуданд, «мардуми мо кӯшиш мекунамд, ки фазилатҳои парҳезу нақӯкориро бештар риоя кунанд, аз аъмоли зишт худдорӣ намо-янд, ба аёдати падарону модарони худ

ва беморону ранчурон раванд ва шахсоне, ки тавону имконашон бештар аст, ба ятимону маъҷубон ва камбизоатону дармондагон дасти мададу ёрмандӣ мерасонанд».

Ҷиҳати иҷрои қонун механизми ҳуқуқии амалисозии он низ такмил дода шудааст. Аз ҷумла, тибқи талаботи моддаи 5 Қонун, ки дар назди мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатии вилоятҳо, шаҳру ноҳияҳо ва ҷамоатҳои шаҳраку деҳоти кишвар таъсис додани комиссияҳои доимии маҳаллӣ пешбинӣ шуда, бо Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон Низомномаи намунавии комиссияҳои доимии маҳаллӣ оид ба танзими анъана ва ҷашну маросим аз 1 март соли 2018, №95 тасдиқ гардид, ки дар заминаи он Маҷлиси вакилони халқи Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоятҳо, шаҳри Душанбе, шаҳру ноҳияҳо ва ҷамоати шаҳраку деҳот Низомномаи комиссияҳои доимии маҳаллиро тасдиқ мекунад.

Комиссияи доимӣ бо қарори (фармоиши) роҳбари мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ва мақомоти худидоракунии шаҳраку деҳот дар ҳайати раис, муовин котиб ва аъзои комиссия иборат аз 5-9 нафар таъсис дода мешавад.

Вазифаҳои комиссияи доимӣ аз анҷом додани назорати иҷрои Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросим дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» ва андешидани чораҳо ҷиҳати пешгирии риоя накардани талаботи Қонуни мазкур иборат мебошад.

Боиси зикр аст, ки тибқи тағйири иловаҳо ба қонун моддаи 5(1) воридгардида дар вазорату идораҳо, корхонаҳо, муассисаҳо ва ташкилотҳо, сарфи назар аз шакли моликият ва шакли ташкилию ҳуқуқӣ, ки дар онҳо на камтар аз 30 нафар корманд фаъолият мекунад, таъсис додани комиссияҳои ҷамъиятиро пешбинӣ мекунад, ки фаъолияти онҳо аз ҷониби роҳбарони вазорату идораҳо, корхонаҳо, муассисаҳо ва ташкилотҳо ба роҳ монда мешавад.

Бо Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон 1 март соли 2018, №96 Низомномаи намунавии комиссияҳои ҷамъиятӣ оид ба танзими анъана ва ҷашну маросим тасдиқ карда шуд, ки тибқи он комиссияи ҷамъиятӣ бо фармоиши (қарори) роҳбари ташкилот дар ҳайати раис, котиб ва аъзои комиссия иборат аз 5-7 нафар таъсис дода шуда, вазифаҳои асосии он аз назорати риоя талаботи қонуни аз ҷониби кормандон ташкилот ва андешидани тадбирҳои зарурӣ ҷиҳати пешгирии қонунвайронкуниҳо дар ин самт иборат мебошад.

Бояд зикр намуд, ки мақсади ворид намудани чунин иловаҳо ба қонун аз устуворгардонии ниҳодҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ ва такмил додани механизми амалисозии он иборат мебошад.

Мазмуни илова ба моддаи 7, қисми 4 Қонун ҷиҳати ороштани дастархони идона дар рӯзҳои идҳои Рамазон ва Қурбон аз роҳ надодан ба исрофкорӣ ва зиёдаравӣ иборат мебошад, ки ҳуди дини мубини Исломи низ исрофкориро маҳкум мекунад.

Агар пештар маъракаи хатнасур ба таври ихтиёрӣ дар як рӯз бо иштироки то 60 нафар танҳо дар доираи як чорабинӣ (додани зиёфат ё ош) бо харҷи кам доир карда мешуд, акнун тибқи таҳрири нави моддаи 9-и Қонун хатнасур ба таври ихтиёрӣ танҳо дар доираи оила ва бе хизматрасонии санъаткорон гузаронида мешавад ва агар пештар хатна бо розигии падару модар дар муассисаҳои тиббӣ ва ё аз ҷониби устоҳои касбӣ, бо тартиби муқаррарнамудаи Вазорати тандурустӣ ва ҳифзи иҷтимоии шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон анҷом дода мешуд, акнун гузаронидани хатна бо розигии падару модар аз рӯзи таваллуди писар то рӯзи бистуми баъди таваллуд дар муассисаҳои тиббии дахлдор бо тартиби муқаррарнамудаи мақоми ваколатдори давлатӣ дар соҳаи тандурустӣ ба таври ройгон гузаронида мешавад. Ҳамзамон баргузор намудани маърақаҳои номгузорӣ, гаҳворабандон, чиллагурезон, мӯйсаргирони тифл ва дигар маърақаҳои ба таваллуди кӯдак вобаста дар доираи оила, бе

забҳи чорво ва хизматрасони санъаткорон муқаррар гардид.

Бо иловаи қисми 5 ба моддаи 9 Қонун ба доираи салоҳияти мақоми ваколатдор, яъне Кумитаи оид ба корҳои дин, танзими анъана ва ҷашну маросимҳои миллии назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон тартиби гузаронидани хатнасури хайриявӣ ба он вогузор шудааст. Акнун доир намудани хатнасури хайриявӣ тибқи тартиботе, ки Кумитаи мазкур бо санади худаш тасдиқ менамояд, бояд сурат гирад. Зеро ин Кумита бо Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3 майи соли 2010, №226 ҳамчун мақомоти марказии ҳокимияти иҷроияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳайси мақомоти ваколатдори давлатӣ оид ба дин ва инчунин мақомоти назоратӣ, иттилоотӣ, машваратӣ ва ташхисӣ оид ба масъалаҳои озодии вичдон ва иттиҳодияҳои динӣ, сиёсати давлатӣ оид ба таъмини ҳуқуқ ба озодии вичдон ва озодии пайравӣ ба дин, танзими анъана ва маросимҳои динӣ муайян карда шудааст.

Ба мазмуни моддаи 10 Қонун, ки ташкили маърақаҳои фотиҳаи тӯй, маслиҳатошӣ, идонабарӣ, сандукбарон, сарупобинон, чойгаштак, раисталбон, қудоталбон, тақдими сарупо барои меҳмонони тарафайн ва хешу табори домоду арӯс, ба истиснои тақдими тӯхфаҳо барои домоду арӯс ва падару модари онҳоро манъ намуда буд, инчунин доир намудани ноншиканон, хонакашон, модарталбон, падарталбон, рӯйбинон, чодарканон, муборакбодӣ, шахтозон (роҳбандон) низ манъ карда шуд. Ҳамзамон ба ин модда қисми 4 илова гардид, ки тибқи он падару модари домоду арӯс ва ё шахсони онҳоро ивазкунанда бо маслиҳати тарафайн метавонанд ба ҷойи додани оши тӯй маблағи онро ҷиҳати беҳтар гардондани шароити зиндагии навхонадорон сарф намоянд.

Таиноти иҷтимоии чунин меъёр пеш аз ҳама барои дастгирии моддии оилаҳои навбунёд ва мустаҳкам намудани шароити моддии онҳо баҳри зиндагии мувофиқ равона карда шуда, аз нодориву қарздорӣ (чуноне аз расо-

наҳои умум маълум аст, баъзеҳо оиладоршавиро бо пули қарз анҷом дода, сипас барои баргардондани он ба мардикорӣ ба Руссия ва дигар мамолик сафар карда, оиларо бесарбон мегузоранд, ки баъзан оқибатҳои хӯб надоранд) ва аз касодӣ онҳоро раҳой мебахшад.

Пештар дар қисми 2-и моддаи 11 Қонун, ки гузаронидани маросими «се» бе додани таом ва маросими «чил»-ро ба таври ихтиёрӣ бо иштироки то 80 нафар бо додани як таъом муқаррар шуда буд, акнун дар таҳрири ин модда бо Қонун гузаронидани маросими «се», «чил» ва «сол»-ро бе забҳи чорво ва додани таом муқаррар шудааст. Додани таъом ва забҳи чорворо дар ин маросимҳо қонун манъ намудааст.

Аз Қонун қисми 3 моддаи 11, ки барои шахсони азодор имконияти гузаронидани маросими солро ба таври ихтиёрӣ бо иштироки то 100 нафар бо додани як таом дар моҳи шарифи Рамазон, рӯзи иди Қурбон ва вақти дигаре, ки ба баргузори соли фавтида мувофиқат мекунад, муқаррар карда буд, акнун ин меъёр хориҷ карда шуда, гузаронидани чунин маросимро истисно намуд. Ҳамзамон бо қисми 4-и ҳамин модда, ки дар маросимҳои дафну азодорӣ ташкили «оши сари тахта», «душанбегӣ», «чумъагӣ», «ҳафт», «бист», «шашмоҳагӣ», ҳамчунин додани пули нақд ва дигар ашё, ба истиснои ҳаққи хизмати қабркан ва мурдашӯй, манъ намуда буд, инчунин забҳи чорво ва додани таомро дар ин маросим манъ кардааст. Ҳамзамон бо ҳамин иловаи қисми 4 ба моддаи 11 қонун муайян намудани тартиби гузаронидани маросими дафну азодорӣ низ ба зимаи мақоми ваколатдор вогузор карда шудааст.

Бо тағйирот вақти гузаронидани маросимҳо низ тағйир дода шудааст. Агар пештар тибқи қисми 3-и моддаи 12 Қонун гузаронидани тӯю маросимҳо дар рӯзҳои истироҳат аз соати 8 то 23 ва дар рӯзҳои корӣ аз соати 18 то 23 ва давомнокии онҳо то се соат муқаррар шуда бошад, ҳоло тибқи тағйирот тӯю маърақаҳо дар шаҳрҳо дар

рӯзҳои истироҳат аз соати 8 то соати 22 ва дар рӯзҳои корӣ аз соати 18 то соати 22, дар шаҳраку деҳот (аз ҷумла шаҳраку деҳоти тобеи шаҳр) дар рӯзҳои истироҳат аз 1 апрел то 31 октябр аз соати 6 то соати 22, аз 1 ноябр то 31 март аз соати 8 то соати 22 ва дар рӯзҳои корӣ аз соати 18 то соати 22 гузаронида мешаванд. Давомнокии онҳо то се соат муқаррар карда шудааст.

Дар Қонун боби нав - Боби 4(1) бо номи «Ҷаҳдҳои шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ ҳангоми гузаронидани тӯю маърақаҳо» ворид карда шуда, дар он моддаи 14(1) илова шудааст, ки тибқи он шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ уҳдадор карда шудаанд, ки чашну маросимро бо риояи талаботи Қонуни мазкур баргузор карда, мақоми ваколатдор ва комиссияҳои доимии маҳаллиро доир ба баргузори тӯи домодию арӯсӣ ва маросими азодорӣ хабардор намоянд. Ҳамзамон онҳо уҳдадор карда шудаанд, ки рӯзҳои фарҳанги миллӣ, аз ҷумла забони давлатӣ ва либосҳои миллиро ҳифз намоянд.

Боиси зикр аст, масъулияти ҳам шаҳрвандон ва ҳам шахсони мансабдори давлатии ҳокимияти давлатӣ чихати вайрон намудани талаботи Қонуни мазкур баланд бардошта шудааст. Инак, бо меъёри нав ба қисми 2-и моддаи 15 Қонун воридкардашуда муқаррар менамояд, ки аъзои Ҳукумат, Раиси Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳия, дигар шахсони мансабдори давлатӣ, хизматчиёни давлатӣ, судяҳо, кормандони мақомоти прокуратура, амният, корҳои дохилӣ, назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсия, андоз, гумрук, кормандони мақомоти дигари ҳифзи ҳуқуқ, хизматчиёни ҳарбӣ барои риоя накардани талаботи Қонуни мазкур аз ҷониби онҳо ва фарзандонашон мутобиқи қонунгузори Қумҳурии Тоҷикистон аз мансаб озод карда мешаванд. Қонун бо ин меъёр барои мансабдорони давлатии ҳокимияти давлатӣ ва мансабдорони хизмати давлатӣ асоси иловагии аз вазифа озоднамоии онҳоро муқаррар намудааст, ки боиси ҷавобгарии инти-

зомии онҳо – аз вазифа сабукдӯш шудани онҳо мегардад.

Дар радиои нуктаҳои дар боло зикршуда чихати мустаҳкам намудани тартиботи ҳуқуқӣ, беҳатарии ҳаракат дар роҳ ва амнияти ҷамъиятӣ тағйироту иловаҳо ба қонунгузори соҳаи маориф низ ворид карда шудаанд.

Инак, тибқи иловаҳо ба қисми 10 моддаи 16 Қонуни Қумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи маориф» аз 22 июли соли 2013 бо қарори мақоми идоракунии муассисаи таълимӣ барои ба муассисаи таълимии таҳсилоти умумӣ бо идора намудани воситаҳои нақлиёти механикӣ омадан хонанда хориҷ карда шудани мумкин аст. Ба ҳамин монанд меъёрҳо ба моддаи 16 Қонуни Қумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таҳсилоти ибтидоии касбӣ» аз 22 апрели соли 2003, ба қисми 5 моддаи 19 Қонуни Қумҳурии Тоҷикистон 5 «Дар бораи таҳсилоти миёнаи касбӣ» аз 8 августи соли 201, ба моддаи 21 Қонуни Қумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таҳсилоти олии касбӣ ва таҳсилоти касбии баъд аз муассисаи олии таълимӣ» аз 19 майи соли 2009 муқаррар карда шудааст.

Бояд зикр намуд, ки барои вайронкунии талаботи зикршуда таълимгирандагони муассисаҳои таҳсилоти миёнаи касбиро бе ҳуқуқи барқарор шудан ба муҳлати як сол, донишҷӯёни муассисаҳои таҳсилоти олии касбӣ ва таҳсилоти касбии баъд аз муассисаи олии таълимӣ бе ҳуқуқи барқарор шудан ба муҳлати се сол аз муассисаи таълимӣ хориҷ кардан мумкин аст.

Ҷавобгарии маъмурӣ низ барои содир намудани кирдорҳои маъмурӣ дар соҳаи истифодаи нақлиёт пурзӯр карда шудааст. Инак, агар ҷазои маъмурӣ бо моддаи 42 барои содир намудани кирдорҳои маъмурӣ аз ҳуқуқи махсус (ҳуқуқи идора кардани воситаҳои нақлиёт, шикор, нигоҳ доштан, бо худ гирифта гаштани силоҳи оташфишон, истифодаи воситаҳои радиоэлектронӣ ва ё дастгоҳҳои баландбасомад, истифодаи қитъаи замин ва ғайра) пештар то ду сол ҷазо дода мешуд, акнун ин ҷораи ҷазо ба муҳлати

то 10 сол татбиқ карда шуданаш мумкин аст.

Агар барои идора намудани воситаҳои нақлиёт дар ҳолати мастӣ ҷазои маъмури, ки пештар бо моддаи 332 бо маҳрум кардан аз ҳуқуқи идораи воситаҳои нақлиёт ба муҳлати ду сол ҷазо дода мешуд, тибқи тағйирот барои чунин кирдор ҷазо ба андозаи сесад нишондиханда барои ҳисобҳо ҷарима ё ҳабси маъмури ба муҳлати понздаҳ шабонаруз бо маҳрум кардан аз ҳуқуқи идораи воситаҳои нақлиёт ба муҳлати панҷ сол татбиқ карда мешавад. Ё мисоли дигар. Агар барои идора кардани воситаи нақлиёт аз тарафи шахсе, ки ҳуқуқи ронандагӣ надорад ва дар ҳолати мастӣ қарор дорад, бо моддаи 337 ҷораи ҷазо ба андозаи аз панҷоҳ то ҳафтод нишондиханда барои ҳисобҳо ҷарима таъин карда мешуд, акнун барои ҳамин кирдор ҷораи ҷазо ба андозаи чорсад нишондиханда барои ҳисобҳо ҷарима бо маҳрум кардан аз ҳуқуқи идораи воситаҳои нақлиёт ба муҳлати даҳ сол таъин карда мешавад.

Ҷиҳати таъмини амнияти чамъиятӣ ва риоя намудани Қоидаҳои ҳаракат дар роҳ бо Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ворид намудани тағйиру иловаҳо ба Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон» ба Кодекси мазкур низ иловаҳо ворид карда шуд, ки тибқи онҳо ҷазо пурзур карда шудааст. Масалан, агар пештар тибқи қисми 2-и моддаи 50 Кодекс маҳрум кардан аз ҳуқуқи ишғоли мансабҳои муайян ё машғул шудан бо фаъолияти муайян

барои қасдан содир намудани ҷиноят аз 1 то 10 сол ва барои ҷинояти аз беэҳтиётӣ содиршуда аз 1 то 5 сол ба сифати ҷазои асосӣ муқаррар шуда бошад, ҳоло тибқи тағйирот аз 1 то 20 сол муқаррар карда шудааст.

Ҳамин тариқ, ворид намудани тағйиру иловаҳо ба Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросим дар Ҷумҳурии Тоҷикистон», ба қонунгузори соҳаи маориф ва кодексҳои зикршуда баҳри баланд бардоштани масъулиятшиносии ҳар як узви ҷомеа, аз ҷумла шахсони мансабдори давлатӣ, роҳбарони муасисаҳои таҳсилоти умумӣ, ибтидоии касбӣ, миёнаи касбӣ, олии касбӣ ва таҳсилоти касбии баъд аз муассисаи олии таълимӣ ҷиҳати бемайлон ва яхела иҷро намудани қонунҳо, мустаҳкам намудани интизом ва таъмини кафолати иҷроӣ амалигардонии талаботи қонуни мазкур нигаронида шуда, тағйиру иловаҳои зикршуда ба хотири таъмини амнияти суботи ҷомеъ, ҳифзи манфиатҳои иҷтимоӣ иқтисодии киширҳои гуногуни ҷомеа, сарфаву сариштакорӣ, мустаҳкам намудани интизоми иҷроқунандагӣ, аз ҷумла интизоми таълиму тарбия, баланд бардоштани масъулияти субъектони раванди таълиму тарбия ва дигар шахрвандони ҷумҳури роҳандозӣ карда шудааст. Ба ифодаи дигар, иҷроӣ қонуни танзими ҷашну маросим – усули устуворгардонии интизоми давлатӣ ва суботи ҷомеъ аст.

Адабиёт:

1. Қонунии ҚТ «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросим дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 8 июни соли 2007, №272 // АМО ҚТ. 2007. №6, М.428; 2008, №6, М.448; 2010, №7, М.568;

2. Қонуни ҚТ «Оид ба ворид намудани тағйиру иловаҳо ба Қонуни ҚТ аз 8 июни соли 2007 «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 28 августи соли 2017 №1461 // <http://www.adlia.tj>.

3. Қонуни ҚТ «Оид ба ворид намудани тағйиру илова ба Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи маориф» 28 августи соли 2017, №1462 // <http://WWW.adlia.tj>.

4. Қонуни ҚТ «Оид ба ворид намудани тағйиру илова ба Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таҳсилоти ибтидоии касбӣ» аз 28 августи соли 2017, №1463 // <http://www.adlia.tj>.

5. Қонуни ҚТ «Оид ба ворид намудани тағйиру илова ба Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таҳсилоти миёнаи касбӣ» аз 28 августи соли 2017, №1464 // <http://www.adlia.tj>.

6. Қонуни ҚТ «Оид ба ворид намудани тағйиру илова ба Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таҳсилоти олии касбӣ ва таҳсилоти касбии баъд аз муассисаи олии таълимӣ» аз 28 августи соли 2017, №1465 // <http://www.adlia.tj>.

7. Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 31 декабри соли 2008 // <http://www.adlia.tj>.

ПАРЧАМИ МИЛӢ – РАМЗИ ИСТИҚЛОЛИЯТИ ДАВЛАТ

Ганиев Ҷ.Ш.,
ассистенти кафедраи ҳуқуқи конституцси-
онии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи
миллии Тоҷикистон
E-mail: jomi.03@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.02 – ҳуқуқи конституцсионӣ; муҳофизати суди конституцсионӣ;
ҳуқуқи мунитсипалӣ

Рохбари илмӣ: Диноршоҳ А.М., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Муқарризи: Ҷамшедов Ҷ.Н., номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент

Ҷамширд. Мақолаи мазкур ба яке аз унсурҳои асосии асосҳои сохтори конституцсии Ҷумҳурии Тоҷикистон парчам бахшида шуда, дар он давраҳои қабули парчам ва ҳолати ҳуқуқии истифодабарии он коркард ва мустаҳкам шудааст.

Калидвожаҳо: Конституцсия, парчами миллӣ, иҷлосия.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФЛАГ КАК СИМВОЛ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Ганиев Дж.Ш.,
ассистент кафедры конституционного пра-
ва юридического факультета Таджикского
национального университета
E-mail: jomi.03@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционный
судебный процесс; муниципальное право

Научный руководитель: Диноршоҳ А.М., доктор юридических наук, профессор
Рецензент: Джамшедов Дж.Н., кандидат юридических наук, дотцент

Аннотация. Данная статья посвящена одному из основных элементов основы конституционного строя Республики Таджикистан, этапы ее принятия и правового статуса его использования.

Ключевые слова: Конституция, национальный флаг, съезд.

NATIONAL FLAG IS A SYMBOL OF STATE INDEPENDENCE

Ganiev J.Sh.,
Junior lecturer of the Department of Constitu-
tional law of the Law Faculty, Tajik National
University
E-mail: jomi.03@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.02 – constitutional law; constitutional proceedings; municipal law

Research supervisor: Dinorshoh A.M., Doctor of Legal Sciences, Professor
Reviewer: Jamshedov J.N., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Annotation. Danoia article is devoted to one of the main elements of the basis of the constitutional system the Republic of Tajikistan, the stages of its adoption and the legal status of its use.

Keywords: The constitution, national flag, congress.

Ифодакунандаи мустақилияти ҳар як давлат рамзҳо ва нишонаҳои асосии он мебошанд, ки давлат дар онҳо соҳибхитӣҳои комили худро нишон медиҳад. Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун давлати мустақил ва соҳибхитӣӣ дорои рамзҳоест, ки мустақилияти ва соҳибхитӣӣҳои уро чи дар дохил ва чи дар хориҷи кишвар ифода мекунад.

Яке аз рамзҳои, ки мустақилияти ва соҳибхитӣӣҳои Ҷумҳурии Тоҷикистонро дар дохил ва хориҷи кишвар таҷассум мекунад ин парчами миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад. Аслан Ҷумҳурии Тоҷикистон аз замони пайдоиш ва ташаккулиаш ҳамчун Ҷумҳурии мухторӣ ва ҳамчун Ҷумҳурии иттифоқӣ дорои парчами худ буд.

Парчам ифодагари нишони мустақилият, озодӣ, эътироф аз соҳибхитӣӣ ва шиноҳти давлат ва миллати воқеан мустақил буда, баёнгари муқаддасоти миллӣ аст.

Парчами давлатӣ ҳафт давраи ивазнамоии таърихӣ худро паси сар намудааст аз ҷумла:

1. Солҳои 1924-1929: Ҷумҳурии Тоҷикистон 14 октябри 1924 чун Ҷумҳурии Мухтори Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон дар таркиби ҶШС Узбакистон бунёд шуд ва 16 октябри 1929 ба Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон табдил ёфт ва ба таркиби ИҶШС дохил шуд. Ин парчам 23 феввали 1929 пазируфта шудааст.

2. Солҳои 1931-1935: Бо ҷумҳурии иттиҳоди ҶШС Тоҷикистон эълон шудани Тоҷикистон ва пазириши Конститусияи ҶШС Тоҷикистон, парчами он низ дигар шуд ва ин дарафшо 25 феввали 1931 сохтаанд;

3. Солҳои 1935-1940: 4 июли 1935 парчам дигаргун шуд ва номи ҷумҳурӣ дар парчам ба забони русӣ навишта шуд;

4. Солҳои 1940-1946: Соли 1928 алифбои тоҷикиро аз форсӣ ба лотинӣ табдил доданд. Ин дигаргунӣ дар парчам низ тағйирот даровард. Дар он рӯзгор номи ҷумҳуриро дар парчам бо ҳарфҳои зарҳалии лотинӣ (RSS Tojikiston) ва русӣ (Таджикская ССР) менавиштанд ва дар болои он нишонаи заррини “досу болға”-ро менигоштанд;

5. Солҳои 1946-1953: Соли 1940 алифбо аз лотинӣ ба кирилии русӣ табдил дода шуд ва парчам низ дигаргун шуд. Ранги он сурх монд ва номи ҷумҳурӣ дар парчам бо ҳарфҳои зарҳалии кириллии тоҷикӣ (РСС Тоҷикистон) ва кирилии русӣ (Таджикская ССР) навишта шуд. Дар болои номи ҷумҳурӣ нишонаи заррини “досу болға” нигошта шуд.

6. Парчами ҶШС Тоҷикистон аз 20.03.1953 то 9.09.1991: Парчами ҶШС Тоҷикистон порчаи сурхе буд ба андозаи 1:2 ки ду раҳи сафед ва сабз дошт. Раҳи сафед ду баробар паҳнтар аз раҳи сабз буд. Ранги сафед рамзи пахтакорӣ, бунёди фарҳангу санъати кишвар ва ранги сабз намояндаи дигар маҳсулоти кишоварзӣ буд;

7. Солҳои 1991-1993: То пазириши парчами кунунӣ, Тоҷикистон парчами пешинаи шӯравиашро, бо андак дигаргунӣ, бе ситораи панҷгӯша ва нишонаи коммунистии “досу болға” ба кор мебард.

Рангҳои парчам ба андозаи зерин буданд: 1:2 сурх, 1:5 сафед, 1:10 сабз, 1:5 сурх. Ҳануз дар аввалин Конститусияи худ соли 1929 Тоҷикистон парчами худро муайян кард ва боби 17 - уми онро (М105) ба нишон парчам ва пойтахти худ бахшид. Аввалин парчами Тоҷикистон, ки дар Конститусияи андозаи он (1:2) муайян шуда буд, ранги сурхи он мубориза ва ҷон исориҳо баҳри озодиро ифода мекард. Аввалин парчами расмӣ давлатии Тоҷикистон ифодагари синфи коргар ва деҳқон бу-

да, пролетариятро дар ҳама арса тарғиб мекард [1, с. 633].

Парчами Тоҷикистон дар замони салтанати шӯравӣ хусусиятҳои давлат ва миллати тоҷикро ҳамчун як миллати дорои таъриху фарҳанги ғани дар ҳайати Иттифоқ муаррифӣ мекард.

Умуман, афрохтани парчам ин нишон аз ғолибият, натиҷаи ҷоннисорӣ ва муборизаҳо барои ноил шудан ба озодии воқеӣ, истиқлолият ва рамзи тавоноӣ, қудратмандӣ ва ҷасорат аст.

Ҷумҳурии Тоҷикистон баъд аз он, ки мустақилиятиро дар натиҷаи заволи Иттиҳоди Шӯравӣ ба даст овард, ниёз ба қабули рамзҳои давлатии худро дошт, ки он мустақилияти Тоҷикистонро ҳамчун давлати милли муайян мекард. Моддаи 18 Эълумияи истиқлолияти давлатӣ муқаррар кард, ки “Нишони милли, байрақ ва суруди милли рамзи истиқлолияти Ҷумҳурии Тоҷикистон буда, муқаддасанд ва дахлнопазирии онҳоро қонун ҳимоя менамояд”. Мақомоти Олии намоёндагии Ҷумҳурии Тоҷикистон Шӯрои Олӣ 28-июни соли 1991 қарор дар бораи «Рамзҳои давлатии ҶТ»-ро қабул намуд, ки дар ин замина комиссияи махсус оид ба таҳияи рамзҳои давлати ташкил карда шуд. Ва дар Иҷлосияи XVI-уми Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон парчами давлатии ҶТ аз ҷониби вакилони халқ яқдилона 24-уми ноябри соли 1992 пазируфта шуд. Дар ин раванд «Низомнома»-и парчами давлатии ҶТ тасдиқ карда шуд.

Дар як вақт ба Конститутсияи амалкардаистодаи он вақт, ки моддаи 170 он ба парчами давлатӣ бахшида шуда буд, тағйироту иловаҳо ворид карда шуд. Ин ҳолатҳоро метавон аввалин заминаҳои ҳуқуқӣ барои эътироф кардани парчами давлатӣ ҳамчун муқаддасоти милли дар замони истиқлолият эътироф намуд. Минбаъд ин заминаҳо барои ташаккулёбии рамзҳои давлатӣ, алалхусус парчами давлатӣ хизмат карданд [2, с. 106].

Воқеан, Ҷумҳурии Тоҷикистон чун давлати мустақил соҳибхитиёрии худро нав эҳсос карда, дар замоне соҳиби парчами милли гардид, ки ки-

шварро чангӣ дохилӣ фаро гирифта буд. Конститутсияи ҶТ ҳамчун қонуни асосии давлат рамзҳои давлатии ҶТ-ро дар боби аввал мустақкам намуд.

Парчами давлатӣ ҳамчун рамзи давлатӣ, нишон аз озодӣ ва мустақилият матонат ва иқтидори давлат буда, тавассути Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи рамзҳои давлатӣ» афрохта мешавад. Қонуни ҶТ «Дар бораи рамзҳои давлатӣ» 12 майи соли 2007 қабул шуда, тартиби афрохтани парчами давлатиро муайян карда, ба он тобиши дигар дод.

Афрохтани парчам дар болои бинои мақомоти давлатӣ ин рамзи таъмингардонии қафолати конситутсионии давлат ба фаъолияти мақомоти дахлдори давлатист. Афрохтани парчам ин гувоҳ аз қафолати давлат дар таъмини субот ва амният аст.

Мувофиқи қонун парчами давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ҷойҳои зайл ба таври доимӣ афрохта мешавад:

– дар болои пештоқи бино ва ё ба пояи махсус дар хавлии қароргоҳи расмии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Маҷлиси милли Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Маҷлиси намоёндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон, судҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, мақомоти прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон, Бонки милли Тоҷикистон, Комиссияи марказии интихобот ва раёйпурсии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, вазоратҳо, кумитаҳои давлатӣ ва мақомоти идоракунии давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон, мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ, мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот (ҷамоатҳо), намоёндагҳои дипломатӣ ва дигар ташкилотҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон дар мамлакатҳои хоричӣ ва ташкилотҳои байналмилал; (ҚҶТ аз 25.03.11 с. №695)

– дар болои биное, ки ҷаласаҳои яқояи Маҷлиси милли ва Маҷлиси намоёндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, иҷлосияи

Маҷлиси миллии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, иҷлосияи Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, иҷлосияҳои Маҷлисиҳои вакилони халқи Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, Маҷлисиҳои вакилони халқи вилоятҳо, шаҳри Душанбе, шаҳрҳо, ноҳияҳо, маҷлисиҳои ҷамоати шаҳрак ва деҳот гузаронида мешаванд; (ҚЧТ аз 25.03.11с. №695).

– дар утоқҳои қорӣ Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дигар биноҳое, ки барои гузаронидани чорабиниҳои расмӣ бо иштироки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон таъин шудаанд, утоқҳои қорӣ Раиси Маҷлиси миллии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва муовинони ӯ, Раиси Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва муовинони ӯ, узви Маҷлиси миллии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, вакили Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Сарвазир Ҷумҳурии Тоҷикистон ва муовинони ӯ, роҳбари Дастгоҳи иҷроияи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, роҳбари Дастгоҳи Маҷлиси миллии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, роҳбари Дастгоҳи Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, вазирон, раисони кумитаҳои давлатӣ, роҳбарони мақомоти дигари идоракунии давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Раиси Суди конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Раиси Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Раиси Суди Олии иқтисодии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Раиси Комиссияи марказии интиҳобот ва раёйпурсии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Раиси Бонки миллии Тоҷикистон, Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, раисони Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоятҳо, шаҳри Душанбе, шаҳрҳо, ноҳияҳо, ҷамоатҳои шаҳрак ва деҳот, вакилони маҷлисиҳои маҳаллии вакилони халқи Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вило-

ятҳо, шаҳри Душанбе, шаҳрҳо, ноҳияҳо, раисони судҳои ҳарбӣ, раисони судҳои Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоятҳо, шаҳри Душанбе, шаҳрҳо, ноҳияҳо, раисони судҳои иқтисодии Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоятҳо ва шаҳри Душанбе, Сарпрокурори ҳарбӣ, прокурорҳои Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон, вилоятҳо, шаҳри Душанбе, прокурорҳои нақлиёти Тоҷикистон, прокурорҳои шаҳрҳо, ноҳияҳо, прокурорҳои ҳарбии гарнизон, прокурорҳои назорат аз рӯи иҷроӣ конунҳо дар муассисаҳои ислӯҳӣ сарони намояндагиҳои дипломатӣ ва дигар ташкилотҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон дар мамлакатҳои хориҷӣ ва ташкилотҳои байналмилалӣ; (ҚЧТ аз 25.03.11с. №695)

– дар қисмҳои ҳарбии Ҷумҳурии Тоҷикистон (мутобиқи оинномаҳои ҳарбӣ), гузаргоҳҳо, дидбонгоҳҳо ва нуқтаҳои гумрукии Сарҳади давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон.

2. Парчами давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистонро ҳамчунин дар ҷойҳои истироҳатии шаҳрвандон, боғҳо, хиёбонҳо, гулгаштҳо ба сифати рамзи давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон афрохтан мумкин аст.

3. Дар вақти афрохтани Парчами давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва парчами ташкилотҳои ҷамъиятӣ ва ё дигар шахсон ҳуқуқӣ, новобаста аз шакли моликиятшон, паҳно ва баландии ин парчамҳо набояд аз паҳно ва баландии Парчами давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон калон бошад. Ҳангоми дар як вақт афрохтани шумораи токи парчамҳо Парчами давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар мобайн ва дар мавриди афрохтани шумораи ҷуфти парчамҳо аз марказ дар тарафи чап ҷой дода мешавад.

4. Парчами давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчунин афрохта мешавад:

– дар воситаҳои нақлиёти Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Раиси Маҷлиси миллии Маҷлиси Олии

Ҷумҳурии Тоҷикистон, Раиси Маҷлиси Намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Сарвазири Ҷумҳурии Тоҷикистон, роҳбарони ҳайатҳои давлатӣ ва ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон берун аз ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон, сарони намояндагиҳои дипломатӣ ва дигар ташкилотҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон дар мамлакатҳои хориҷӣ ва ташкилотҳои байналмилалӣ ва ё шахсони дигар мувофиқи тартиби муқарраркардаи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон;

– дар боло ё пештоқи бино ва ё ба пояи махсус дар ҳавлии раъйдихӣ;

– дар рӯзҳои ид, ҷашнҳо ва маросиму чорабиниҳои тантанавӣ дар ҷойҳои истироҳати шаҳрвандон, боғҳо, хиёбонҳо, гулгаштҳо, биноҳои истиқоматӣ, ки аз тарафи мақомоти давлатӣ, мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ, аз тарафи ташкилотҳои ҷамъиятӣ ва дигар шахсони ҳуқуқӣ, новобаста аз шакли моликиятшон гузаронида мешаванд [3, с. 4].

Президенти кишвар Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон бо нишони эҳтирому садоқат ба парчами

миллиамон бо фармони худ аз 2уми ноябри соли 2009 рузи 24-уми ноябрро рузи Парчами давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон эълон намуданд.

Воқеан, парчами миллии муқаддасоти давлат аст. Маҳз муқаддасоти миллии, ки Президенти кишвар чун анъана пас аз савганд ёд карданиш парчамро мебӯсад. Ин рамзи садоқат ба давлат миллат ва тамоми мардуми Тоҷикистон буда дар парчами миллии мазмунӣ он ифода ёфтааст. Бинобар ин мақсад таҳқири рамзҳои давлатӣ боиси ҷавобгариҳои ҷиноятӣ мегардад.

Ҳамин тариқ, Парчам бо баробари дигар рамзҳои давлати нишон ва суруди миллии шаҳодатдихандаи соҳибхитиёрии ҳар як давлат буда чун муқаддасоти миллии эътироф карда шудааст.

Аз ин хотир, эҳтиром ва арҷгузоштан ба парчами миллии ногузир буда, қарзи шаҳрвандии ҳар як фарди ҷомеа мебошад, зеро эҳтиром ва арҷгузоштан ба парчам ин эҳтиром ва арҷгузоштан ба худӣ миллат ва як халқи соҳибтамаддун аст.

Адабиёт:

1. Маҷмӯаи конститутсияҳои Тоҷикистон (Муҳаррири масъул Ғадоев Б. С.). – Душанбе, 2015.
2. Имомов А. Ҳуқуқи конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Китоби дарсӣ. Нашри сеюм. – Душанбе, 2012.
3. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи рамзҳои давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 12-уми майи соли 2012.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА

Кравченко О.В.,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Российско-Таджикского (Славянского) университета

E-mail: o_kravchenko_08@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Рецензент: Алимов С.Ю., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: Органы местного самоуправления являются частью механизма государственного управления, через который осуществляется основной принцип демократии – власть народа. Народ добровольно и самостоятельно объединившись, решает вопросы местного значения.

Ключевые слова: Конституция, закон, органы местного самоуправления, джамоат.

МАҚОМОТИ ХУДИДОРАКУНИИ МАҲАЛЛӢ ДАР ФАЗОИ КОНСТИТУТСИОНӢ-ҲУҚУҚИИ ТОҶИКИСТОНИ МУОСИР

Кравченко О.В.,

муаллими калони кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон

E-mail: o_kravchenko_08@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.02 – ҳуқуқи конститусионӣ; муҳофизати судии конститусионӣ; ҳуқуқи муниципалӣ

Муқарриз: Алимов С.Ю., доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор

Ҷамъабурда: Мақомоти худидоракунии маҳаллӣ қисми таркибии мақомоти давлатӣ ба ҳисоб меравад, ки тавассути он принсипи асосии демократия – ҳокимияти халқ амалӣ карда мешавад. Халқ ихтиёрони муттаҳид шуда, масъалаҳои ҷойдоштаро баррасӣ ва ҳал менамоянд.

Калидвожаҳо: Конститутсия, қонун, мақомоти худидоракунии маҳаллӣ, ҷамоат.

LOCAL GOVERNMENT IN THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL SPACE OF MODERN TAJIKISTAN

Kravchenko O.V.,

senior lecturer the Department of state and legal disciplines Russian-Tajik (Slavonic) University

E-mail: o_kravchenko_08@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.02 – constitutional law; constitutional trial; municipal law

Research supervisor: Alimov, S.Y., doctor of law, professor

Abstract: local self – government Bodies are part of the mechanism of public administration through which the basic principle of democracy-the power of the people-is implemented. People joining together voluntarily and independently solves questions of local value.

Keywords: Constitution, law, local self-government bodies, jamoats.

Республика Таджикистан реализует свои задачи и функции через государственный механизм. Государственный механизм – это совокупность государственных организаций, призванных осуществлять функции государства [9, с. 65], т.е. через государственные органы. Система органов государственной власти представляет собой организационное единство, ибо одни органы избираются или образуются другими; одни руководят деятельностью других; одни подотчетны и ответственны, подконтрольны или подчинены другим [2, с. 190]. Как отмечает Маджидзода Дж. З. в своей работе «только функционирование специальной системы органов и учреждений, входящих в государственный механизм, позволяет организовано и эффективно реализовывать задачи и функции государства, его предназначение в обществе» [8, с. 7].

Правовое положение органов местного самоуправления определяется прежде всего Конституцией Республики Таджикистан, в которой указано, что «местные органы государственной власти состоят из представительных и исполнительных органов, которые действуют в пределах своей компетенции» [7, с. 119]. Кроме того, деятельность органов государственной власти на местах регулирует Конституционный закон Республики Таджикистан «О местных органах государственной власти» от 17 мая 2004 года [6], законы РТ и иные нормативно-правовые акты. Местное самоуправление, обеспечивающее реализацию идей и принципов демократии на местном уровне, должно осуществляться на всей территории Республики Таджикистан [10, с. 239].

Государственная власть и местное самоуправление должны находиться в единстве, их противопоставление неправомерно [1, с. 180].

Как отмечает Усманов И.С. «местное самоуправление не альтернатива государственной власти на местах, и даже не низшее звено государственной власти. Местное самоуправление – это утвержденная законом форма деятельности населения, его участия в решении вопросов местного значения. Джамоат как орган самоуправления, в отличие от органов общественной самодеятельности, является носителем определенных властных полномочий и вправе действовать от имени населения, представляя его интересы. И он должен стать действенным механизмом социального развития на самом близком к жителям уровне» [11, с. 265-271].

Под местным самоуправлением понимается система организации деятельности населения для самостоятельного и под свою ответственность решения вопросов местного значения непосредственно или через избираемые им органы в соответствии с законодательством РТ. Органы местного самоуправления решают вопросы, отнесенные к их компетенции, непосредственно или через своих представителей.

Органами самоуправления в поселке и селе являются соответственно Джамоати шахрак и Джамоати дехот. Основной формой осуществления местного самоуправления граждан является собрание представителей.

В соответствии со ст. 9 Закона РТ «Об органах самоуправления поселков и сёл» Джамоат созывается председа-

телем Джамоата по согласованию с соответствующим Маджлисом народных депутатов или председателем города, или района по мере необходимости, но не менее 4-х раз в год. Джамоат может быть созван также Маджлисом народных депутатов, председателем города, района или по инициативе не менее одной трети граждан, имеющих право участвовать в Джамоате [3].

В Джамоати шахрак делегируют-ся представители от улиц, махаллей, других находящихся в его ведении территориальных образований; а в Джамоати дехот – представители соответствующих сел (кишлаков). Нормы представительства и порядок делегирования устанавливаются городским, районным Маджлисом народных депутатов или председателем города, района [3]. Необходимо отметить, что махаллинские советы существуют и действуют на протяжении долгого времени не зависимо от форм организации власти как традиционная форма самоуправления таджикского народа.

Джамоаты правомочны при условии явки на них не менее двух третей представителей граждан, делегированных в Джамоаты. Председатель, заместитель председателя и секретарь Джамота избираются сроком на 5 лет.

Джамоаты осуществляют следующие полномочия:

- организуют выполнение требований Конституции, законов, решений вышестоящих органов и собственных решений;

- распоряжаются финансовыми ресурсами, заключает договоры с юридическими и физическими лицами, подписывает финансовые, банковские и юридические документы;

- принимают меры по улучшению материальных и жилищно-бытовых условий граждан;

- организуют благоустройство и озеленение территории, улучшение торгового, коммунально-бытового обслуживания населения;

- контролируют санитарное состояние населенных пунктов, источников водоснабжения и др. учреждений;

- организуют регистрации семейно-имущественных разделов дехканских договоров, учет жителей, контроль за использованием земель, оповещение военнообязанных и призывников об их вызове в военные комиссариаты, выдача справок, удостоверений, регистрации и расторжении браков и т.д.

Основным полномочием органов местного самоуправления является исполнение Конституции РТ и законов. Немаловажную роль играет местное самоуправление при исполнении таких законов как «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» [5] и закона «Об ответственности родителей за воспитание и обучение детей» [4], разъяснении посланий Основателя мира и национального единства – Лидера нации Президента РТ, уважаемого Эмомали Рахмона. Органы местного самоуправления, разъясняя нормы законов, призывают население экономить семейный бюджет, чтить культуру и традиции народа, сохранять свою самобытность, прививать любовь к Родине, развивать традиционные виды ремесел своих таджикскому народу.

Таким образом, через местное самоуправление осуществляется главный принцип демократии – народовластие, путем добровольного и активного участия в решении вопросов местного значения, тем самым народ участвует в организации и функционировании государственной власти.

Литература:

1. Аминджанов Б. С. Становление и развитие органов местного самоуправления в Республике Таджикистан: дис... канд. юр. наук. – М., 2009.
2. Диноршоев А.М. Конституционное право Республики Таджикистан. – Душанбе, 2015.

3. Закон Республики Таджикистан «Об органах самоуправления посёлков и сёл» от 5 августа 2005 г. № 549 (в редакции Закона РТ от 16.04.2012г. № 827, от 01.08.2012г. № 899, от 23.11.2015г. № 1243, от 30.05.2017г. № 1431).

4. Закон Республики Таджикистан «Об ответственности родителей за воспитание и обучение детей» от 02 августа 2011 г. № 762.

5. Закон Республики Таджикистан «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» от 08 июня 2007 г. № 272.

6. Конституционный закон Республики Таджикистан «О местных органах государственной власти» от 17 мая 2004 г. № 28 (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004 г., №5, ст. 339; 2006 г., №11, ст. 472; 2009 г., №12, ст. 814; 2010 г., №12, ч. 1, ст. 800; 2010 г., №3, ст. 179, №7, ст. 500; Закон РТ от 30.05.2017 г., №1411).

7. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994. – Душанбе: Нашриети Ганҷ, 2016.

8. Маджидзода Дж.З. Конституция Республики Таджикистан: 20 лет. – Душанбе, 2014.

9. Малько А.В. Теория государства и права. – М., 2006.

10. Мухторов К.Т. Конституционно-правовые основы организации местного самоуправления в Республике Таджикистан: дис... канд. юр. наук. – М., 2012.

11. Усманов И.С. Роль местного самоуправления в системе общественно-государственных отношений современного Таджикистана. // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – Худжанд, 2013. – №1 (53).

**ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К УПОЛНОМОЧЕННОМУ ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

Раджабова Ш.М.,

ассистент кафедры прав человек и сравнительного правоведения юридического факультета ТНУ

Аннотация: В статье рассматриваются законодательные требования объективного и оценочного характера к Уполномоченному по правам человека в Республике Таджикистан как к персонифицированному государственному органу, в функционировании и позиционировании которого огромную роль играет его личность.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, омбудсман, требования к Уполномоченному по правам человека, гражданство, возрастной ценз, высшее юридическое образование, государственный язык, высокие профессиональные и моральные качества, авторитет

**ТАЛАБОТҶОЕ, КИ НИСБАТ БА ВАКОЛАТДОР ОИД БА ҲУҚУҚИ ИНСОН ДАР
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ПЕШБИНИҲ КАРДА МЕШАВАНД**

Раджабова Ш.М.,

ассистенти кафедраи ҳуқуқи инсон ва ҳуқуқшиносии муқоисавии факултети ҳуқуқшиносии ДМТ

Физишуда: Дар мақолаи мазкур талаботи қонунгузори нисбат ба Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун мақомоти давлатӣ мавриди баррасӣ қарор гирифта, мавқеъ ва нақши он дар низоми мақомотҳои давлатӣ таҳлил карда шудааст.

Калидвожаҳо: Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон, омбудсмен, талаботҳо нисбати Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон, шаҳрвандӣ, маълумоти олии ҳуқуқшиносӣ, забони давлатӣ, хусусиятҳои баланди касбӣ ва ахлоқӣ, мавқеъ.

**REQUIREMENTS FOR THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE
REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

Rajabova Sh.M.,

assistant of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Faculty of Law of TNU

Abstract: The article considers legislative requirements of an objective and evaluative nature to the Commissioner for Human Rights in the Republic of Tajikistan as to a personified state body in whose functioning and positioning his personality plays a huge role.

Keywords: Ombudsman, requirements to the Commissioner for Human Rights, citizenship, age qualification, higher legal education, state language, high professional and moral qualities, authority.

Провозглашение прав и основных свобод человека и гражданина

высшей ценностью занимает одно из центральных мест в ныне действующей

Конституции. Правовое государство, каковым согласно статье 1 Конституции является Республика Таджикистан не может ставить государственные интересы выше интересов личности. Все действия государства должны подчиняться императивной норме о высшей ценности человека, его прав и свобод. Перед российским обществом стоят задачи утверждения единых для всех демократических стран стандартов в области прав и свобод человека, установление надежной системы защиты прав граждан и формирование доверия к государству со стороны общества [11].

Одним из важнейших элементов механизма обеспечения и защиты прав человека выступает институт омбудсмана. Должность Уполномоченного по правам человека образована в 2008 году Законом Республики Таджикистан «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» (Далее – Закон), «в целях усиления конституционных гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, содействия их соблюдению и уважению органами государственной власти, органами самоуправления в поселке и селе (джамотатами), их должностными лицами и должностными лицами предприятий, учреждений и организаций, независимо от организационно – правовых форм» [2].

Большое внимание во всех имеющихся национальных моделях института Уполномоченного по правам человека уделяется требованиям к кандидатам на эту должность. Эти критерии весьма важны, поскольку в своей деятельности омбудсмен опирается не на аппарат принуждения и принудительные методы, а на собственный авторитет. В его функционировании и позиционировании в системе органов государственной власти огромную роль играет личность самого Уполномоченного. В связи с этим к Уполномоченному по правам человека предъявляются определенные требования. В первую очередь это требования к кандидатам

на должность Уполномоченного по правам человека, закрепленные в статье 5 Закона. Так, «на должность Уполномоченного по правам человека назначается гражданин Республики Таджикистан, не моложе 35 лет, владеющий государственным языком и имеющий высшее юридическое образование, обладающий высокими профессиональными и моральными качествами».

Проанализировав требования предъявляемые к Уполномоченным по правам человека в разных странах, можно классифицировали все эти требования следующим образом: общие (гражданство, возраст, знание государственного языка, оседлость), профессиональные (высшее юридическое образование, познания в области защиты прав и свобод человека и гражданина, опыт защиты прав, опыт работы в государственном аппарате, соответствие требованиям для замещения другой государственной должности), личностные или моральные (честность, порядочность, высокие моральные качества и др.).

Д.Е. Феоктистов и Г.В. Синцов, рассматривая данный вопрос в рамках российского законодательства, делят совокупность этих требований на две группы: требования объективного характера и требования оценочного характера [9]. Если обратиться к соответствующей норме российского законодательства [4], и проанализировать проведенную названными авторами классификацию, то можно увидеть, что она применима и к требованиям нашего законодательства. Таким образом, к требованиям объективного характера мы отнесём гражданство, возраст и наличие высшего юридического образования, а к требованиям оценочного характера – владение государственным языком и обладание высокими профессиональными и моральными качествами.

И.В. Лагун и А.Б. Юдина отмечают, что гражданство кандидата на должность Уполномоченного рассматривается объективно, независимо как

от оснований приобретения им гражданства [1], так и от числа лет пребывания в нем [7]. При этом Законом не установлены какие-либо ограничения относительно возможности наличия у лица второго гражданства, не смотря на то, что Маджлиси милли обратил внимание на этот вопрос относительно других государственных должностей при разработке проекта изменений и дополнений Конституции, принятых в 2016 году. Предлагается отразить соответствующие ограничения и в отношении омбудсмена в той части Закона, где предусмотрены «ограничения на занятие должности Уполномоченного по правам человека» (ст.9). В некоторых государствах (например, некоторых субъектах Российской Федерации) требования к гражданству кандидата достаточно ужесточены. В этих нормах установлен запрет не только на наличие второго гражданства, но и на наличие вида на жительство в иностранном государстве.

Следующим требованием объективного характера является возрастной ценз. Так, в соответствии с приведённой выше нормой в Республике Таджикистан минимальный возраст кандидата на должность Уполномоченного по правам человека составляет 35 лет. Сегодня, после внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Таджикистан, максимальный возрастной ценз для занятия государственных должностей составляет 30 лет. В связи с этим, было бы логичным снизить возрастной ценз и в отношении кандидатов на должность Уполномоченного по правам человека. Более приемлемым вариантом регулирования данного вопроса, считаем регулирование бланкетной нормой, которая ссылалась бы на возрастной ценз, установленный, к примеру, для судей высшего звена. Такая практика существует, например, в Норвегии, где омбудсмен должен обладать такой же квалификацией, какая установлена для судей Верховного суда.

Владение государственным языком – требование, которого не было в

первой редакции Закона, норма была дополнена данным требованием в 2011 году. Мы отнесли его к требованиям оценочного характера, так как этот критерий требует соответствующей оценки. Но при этом возникает вопрос о том, кем и как будет производиться эта оценка. Во-первых, закрепляя требование о наличии гражданства Республики Таджикистан, законодатель автоматически подразумевает знание государственного языка, т.к. в соответствии с ч.2 ст.3 Закона Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» «каждый гражданин Республики Таджикистан обязан знать государственный язык». Во-вторых, в соответствии с этим же законом языком делопроизводства всех органов государственной власти является государственный язык. В связи с вышеизложенным предлагаем исключить из статьи 5 Закона РТ «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» требование о знании государственного языка.

Следующим требованием к кандидатам на должность Уполномоченного по правам человека является наличие высшего юридического образования. Мы отнесли рассматриваемое требование к требованиям объективного характера, так как наличие высшего юридического образования не подлежит оценке, оно подтверждается соответствующим дипломом. Безусловно, омбудсмены «должны хорошо знать юридические способы защиты прав человека и быть, преимущественно, специалистами в области конституционного права. Весь опыт развития этого института во многих странах мира показывает, что для эффективной работы омбудсмена он должен обязательно иметь высшее юридическое образование. Его деятельность основывается не только на моральном авторитете и опыте, но и квалификации, а высшее юридическое образование является в этом случае необходимым условием. Если омбудсмен не сможет отличить гражданское право от гражданских прав, то, к сожалению, эффективность

деятельности омбудсмана не будет высокой» [5]. Большинство законодателей так же закрепили данное требование в соответствующих законах, но к примеру, в законодательстве Российской Федерации нормы предусматривающей обязательность наличия у омбудсмана высшего юридического образования нет. Этот подход российского законодателя критикует ряд учёных-юристов: Н.Ю. Хаманева, В.В. Бойцова и Л.В. Бойцова, О.А. Шеенков, А.Н. Соколов и К.Б. Трумпель. Они считают, что самое главное в деятельности и осуществлении своих полномочий омбудсменом – «это знание прав граждан и умение их защитить правовыми методами, а также способность дать правовую оценку тому или иному акту исполнительной власти. Все эти действия способен произвести только квалифицированный юрист, действующий в соответствии с законодательством своей страны и международным правом» [10].

Д.Е.Феоктистов и Г.В.Синцов считают, что «в качестве квалификационного требования необходимо законодательно установить не только высшее юридическое образование, но и наличие у кандидата ученой степени в области права» [9]. Е.С. Смирнова, проведя анализ одного из российских Уполномоченных О.О. Миронова, абсолютно верно заметила, что именно большой опыт практической деятельности в области юриспруденции, а также большая научная компетентность способствует разрешению самых нелегких задач при осуществлении обязанностей омбудсмана [10, 8]. Мы же согласимся с российскими авторами лишь в части большого опыта практической деятельности. А ученая степень, по нашему мнению, должна лишь приветствоваться, но не быть обязательным требованием.

Ещё одним требованием, закреплённым в статье 5 Закона является обладание высокими профессиональными и моральными качествами, которое, безусловно, является оценочным

требованием, так как требует оценки со стороны органа назначающего на должность. Законодатель не указывает, что подразумевает под высокими профессиональными и моральными качествами, не указывает на способы и показатели оценки данного критерия, в связи с этим в каждом конкретном случае они (эти требования) могут толковаться субъективно. Проанализировав нормативно-правовую базу, на которой основывается деятельность Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан, мы нашли только «расшифровку» профессионализма. Так, в соответствии со Стратегией деятельности института уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан на 2016-2020 гг. под профессионализмом подразумевается обладание высокими знаниями и опытом работы в области прав человека, понимание своей роли и способность донести суть своей деятельности до каждого человека, беспристрастность при осуществлении своей деятельности, способность реагировать на изменения в области прав человека, стремление к быстрому и эффективному рассмотрению дел, соблюдение принципов конфиденциальности и защиты личной информации клиентов.

Говоря о требованиях к Уполномоченному по правам человека, на наш взгляд, не нужно ограничиваться требованиями к кандидатам на должность Уполномоченного. Уполномоченный по правам человека это лицо с высокой культуры прав человека [12]. В рамках этого же вопроса считаем нужным рассмотреть и ограничения на занятие должности Уполномоченного по правам человека (статья 9 Закона). Так, в соответствии часть 1 статьи 9 Закона «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» устанавливает: «Уполномоченный по правам человека не вправе быть депутатом представительных органов государственной власти, занимать иную должность, заниматься предпринимательской деятельностью, за исключением научной, преподава-

тельской и творческой». Часть 2 этой же статьи ставит запрет на занятие политической деятельностью, членство в политической партии или ином общественном объединении, преследующего политические цели. Суть этих ограничений заключается в обеспечении беспристрастности деятельности Уполномоченного.

Возвращаясь к вопросу о том, деятельность Уполномоченного основывается во многом на авторитете данного органа, которая во многом зависит от авторитета самой личности занимающей эту должность. «По большей части права Уполномоченного по правам человека сводятся к обращениям в другие органы, наделенные властными функциями: суды, прокуратуру, административные органы. Даже его основное специфическое полномочие, а именно направление заключения о необходимости принятия мер по восстановлению прав и свобод, не носит властного характера, а является только рекомендательным» [11]. В связи с этим

считаем необходимым требованием к Уполномоченному по правам человека – безупречность репутации и авторитетность в обществе, завоеванная преимущественно в профессиональной (правозащитной) деятельности.

Подводя итоги проведенного анализа требований к Уполномоченному по правам человека в Республике Таджикистан, предъявляемых законодательством и обобщив сделанные нами предложения по данному вопросу, можем заключить следующее: на должность Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан может быть назначено лицо 1) обладающее только гражданством Республики Таджикистан, 2) в возрасте, не моложе 30 лет (или в возрасте установленном для судей Верховного Конституционного суда), 3) имеющее высшее юридическое образование, 4) обладающее высокими профессиональными и моральными качествами, 5) обладающее безупречной репутацией и пользующееся авторитетом в обществе.

Литература:

1. Конституционный закон Республики Таджикистан «О гражданстве Республики Таджикистан» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2015 г., №7-9, ст. 696.
2. Закон Республики Таджикистан «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» от 20.03.2008 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2008 г., №3 ст. 191; 2011 г., №6, ст. 453; 2012 г., №4, ст. 261; 2014 г., №7, ч. 1, ст. 398; Закон РТ от 15.03.2016 г., №1281.
3. Стратегия деятельности института уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан на 2016-2020 гг. // Уполномоченный по правам человека в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2016.
4. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»;
5. Башимов М.С. Институт омбудсмена в странах СНГ и Балтии // Российская юстиция. 2007. № 6. – С. 70.
6. Зубарев А.С. К вопросу о юридической природе института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Общество. Культура. Право: материалы всероссийской научно-практической конференции «Ресоциализация несовершеннолетних правонарушителей: культурно-правовой аспект проблемы». Краснодар, 2005. – С. 74-77.
7. Лагун И.В., Юдина А.Б. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 26 февраля 1997 г. 3 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» / под ред. Е.Г. Маркеловой. – Система ГАРАНТ, 2009.;
8. Миронов О.О. Очерки государственного правозащитника. – М.: Изд-во СГУ 2009;

9. Синцов Глеб Владимирович, Феоктистов Данил Евгеньевич Требования, предъявляемые к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации // Бизнес в законе. 2011. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/trebovaniya-predyavlyaemye-k-upolnomochennomu-po-pravam-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 04.11.2017). КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/trebovaniya-predyavlyaemye-k-upolnomochennomu-po-pravam-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii>;

10. Соколов А.Н., Трумпель К.Б. Смирнова Е.С. Институт омбудсмана в современном мире. Монография. – Калининград, 2001.

11. Тхабисимова Людмила Аслановна, Евлоев Ильяс Муслимович Проблемы правового статуса и деятельности Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах // Вестник БГУ. 2012. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-statusa-i-deyatelnosti-upolnomochennyh-po-pravam-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-i-ee-subektah> (дата обращения: 04.11.2017). КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-statusa-i-deyatelnosti-upolnomochennyh-po-pravam-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-i-ee-subektah>.

12. Саъдизода Дж. Культура прав человека как государственная гарантия обеспечения прав и свобод человека (на тадж. яз.) // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. Часть 2 №3/7 (124). – Душанбе: Сино, 2013. – С. 51-54; Саъдизода Дж. К вопросу о классификации культуры прав человека // Вестник педагогического Университета – издание ТГПУ им. Садриддина Айни, серия общественных, гуманитарных и филологических наук. – Душанбе, 2013. – №6 (55), часть 2, – С. 170-175.

ҲУҚУҚИ ИНСОН – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ЭЪЛОМИЯИ УМУМИИ ҲУҚУҚИ ИНСОН ВА АҲАМИЯТИ ОН ДАР ЗАМОНИ МУОСИР

Саидов И.И.,

и.в. мудири кафедраи ҳуқуқи инсон ва ҳуқуқшиносии муқоисавии ҳуқуқи факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, н.и.х., дотсент

E-mail: saidov-i88@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.01 – назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлат; таърихи таълимот оид ба ҳуқуқ ва давлат

Физиурда. Дар мақолаи мазкур сайри таърихии Эълomiaии умумии ҳуқуқи инсон сурат гирифтааст. Муаллиф нақш ва аҳамияти Эълomiaии ҳуқуқи инсонро дар замони муосир мавриди баррасӣ қарор дода, бузургии онро нишон додааст.

Калидвожаҳо: Эълomiaии ҳуқуқи умумии инсон, ҳуқуқи инсон, Созмони Милали Мутаҳид, Комиссия оид ба ҳуқуқи инсон.

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕ- МЕННОМ МИРЕ

Саидов И.И.,

и.о. заведующий кафедрой прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального Университета к.ю.н., доцент

E-mail: saidov-i88@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Аннотация. Данная статья охватывает краткий исторический обзор о Всеобщей декларации прав человека. Автор указывает на роль и значение Всеобщей декларации прав человека в современном мире, и утверждает его величие.

Ключевые слова: Всеобщая декларация прав человека, права человека, Организация Объединенных Наций, Комиссия по правам человека.

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕ- МЕННОМ МИРЕ

Saidov I.I.,

acting Head of the Chair of Human Rights and Comparative Law of the Faculty of Law of the Tajik National University Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: saidov-i88@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.01 – theory and history of the law and state; history of the doctrines of the law and state

Annotation. This article covers a brief historical overview of the Universal Declaration of Human Rights. The author points out the role and significance of the Universal Declaration of Human Rights in the modern world, and affirms its greatness.

Key words: The Universal Declaration of Human Rights, human rights, the United Nations, the Commission on Human Rights.

Баъд аз рух додани ҳодисаҳои даҳшатбори нимаи аввали асри 20 муносибат ба ҳуқуқи инсон аз диди нав ба роҳ монда шуд. Ҷанги Дуюми Ҷаҳон ҷони миллионҳо одамонро рабуда, боиси паст гардидани мақому манзалати инсон гашт. Аз ин рӯ, инсоният ба хулосае омад, ки дар самти таҷкими ҳуқуқи инсон ва боло бурдани эҳтиром ба шахс қадамҳои устувортар ва ҷиддитаре гузорад. Бинобар ҳамин, ба таъсиси созмоне, ки тавонад сулҳу амнияти байналмилалӣ ва ҳуқуқу озодиҳои инсонро таъмин созад, яъне ба таъсиси СММ ташаббус нишон дода шуд.

Нахустин санади байналхалқие, ки ҳамкориҳои давлатҳоро дар бахши ҳуқуқи инсон ба миён гузошт, Оинномаи СММ мебошад. Дар қисми 3 моддаи 1 Оинномаи СММ пешбинӣ гардидааст, ки даст ёфтани ба ҳамкориҳои байналмилалӣ барои ҳалли масъалаҳои байналмилалӣ дорои хусусиятҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ, фарҳангӣ ё инсонӣ ва пешбариву нигоҳдории эҳтиром ба ҳуқуқи башар ва ҳама гуна озодиҳои бунёдӣ бе тафовути наҷодӣ, ҷинсӣ, забонӣ ё динӣ яке аз ҳадафҳои Созмони Милалӣ Муттаҳидро ташкил медиҳад.

Оинномаи СММ ҳамкориҳои давлатҳоро дар бахши эҳтиром ва ҳимояи ҳуқуқи инсон ба вучуд овард, аммо дар оиннома номгӯи ҳуқуқу озодиҳои асосии инсон муқаррар нагардида буд. Ин ҳолат, ҷомеаи умумибашарию водор сохт, то санадери таҳрези намояд, ки фарогири ҳуқуқу озодиҳои асосии инсон бошад.

Ҳамин тариқ, баъд аз таъсиси Комиссияи ҳуқуқи инсон 16-уми феввали соли 1946 коркарди матни Эълумияи умумии ҳуқуқи инсон шурӯъ гардид. Ба ҳайати Комиссия бо дарназардошти принципи ҷуғрофӣ

намояндагон аз қитъаҳои Аврупо (Англия, Фаронса, Белгия), Амрико (ИМА, Чили), Осиё (Чин ва Ҳиндустон), Африқо (Миср) ва Австралия ҳамчун аъзо шомил шуданд. Аз ИҶШС низ ҳамчун давлати сермиллат намояндагон аъзо буданд [7, с. 290].

Дар аввал Комиссия хост як ҳуҷҷат бо номи «Билли байналмилалӣ оид ба ҳуқуқи инсон»-ро таҳия намояд, ки фарогири ҳуқуқу озодиҳои асосии инсон, аз ҷумла ҳуқуқу озодиҳои шахсӣ, сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ бошад. Баъдан ин иқдом се санадро фаро гирифт, ки ин Эълумияи умумии ҳуқуқи инсон, Паймони байналхалқӣ дар бораи ҳуқуқҳои шахсӣ ва сиёсӣ (соли 1966) ва Паймони байналхалқӣ дар бораи ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ (соли 1966) мебошанд [3, с. 68-78].

Ҳамин тариқ, таҳия ва коркарди лоиҳаи Эълумияи умумии ҳуқуқи инсон дар як давраи мураккаб ва ҳассос ба вучуд омад. Ҷунки ҷомеаи ҷаҳонӣ ба ду гурӯҳи ба ҳам муҳолиф тақсим шуда буданд. Гурӯҳи аввал намояндагони давлатҳои Аврупо буданд, ки назарияи фитрии ҳуқуқҳои инсонро дастгирӣ намуда, мехостанд дар Эълумия ҳуқуқу озодиҳои шахсӣ ва сиёсии инсон дарҷ гардад. Гурӯҳи дуюм бошад, намояндагони кишварҳои сотсиалистӣ, махсусан Шӯравӣ буданд, ки назарияи пазитивии ҳуқуқро тарафдорӣ намуда, мехостанд Эълумия ҳуқуқу озодиҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангиро фаро гирад.

Сарфи назар аз ин муҳолифатҳо мавқеи ҳар ду ҷониб дар Эълумия иникоси худро ёфтааст, яъне ҳам ҳуқуқу озодиҳои шахсиву сиёсӣ ва ҳам ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ таҷассуми хешро меёбад [5].

Матни Эълomiaи умумии ҳуқуқи инсон дар иҷлосияи сеюми Комиссия оид ба ҳуқуқи инсон омода шуд ва ба мақомоти асосии СММ Шӯрои иқтисодӣ ва иҷтимоӣ ва моҳи августи соли 1948 ба Ассамблеяи Генералии СММ пешниҳод карда шуд ва баъдтар он 10 декабри соли 1948 дар шакли резалютсия қабул гардид.

Доир ба муҳокимаи лоиҳаи Эълomiaи умумии ҳуқуқи инсон 85 чаласа ва 1400 маротиба овоздихӣ гузаронида шудааст. Дар қабули он 56 давлати аъзои СММ иштирок намуда, аз он 48 давлат тарафдор, 8 давлат – ҚШС Беларусия, ҚШС Украина, ИҚШС, Полша, Чехословакия, Югославия, Арабистони Саудӣ, Итифоқи Африқои Ҷанубӣ бетарафиро пеша намуданд [2, с. 89].

Мақсад аз қабули Эълomiaи умумии ҳуқуқи инсон пеш аз ҳама тағйир додани муносибат ба ҳуқуқу озодиҳои шахс ва шиноҳти инсон ҳамчун инсон ба ҳисоб меравад. Яъне орзую омоли таҳиякунандагони Эълomia ин асос гузоштан ба ҳуқуқи инсон маҳсуб меёфт ва гуфтан мумкин аст, ки башарият роҳи расидан ба ин мақсади некро то андозае тай намуд ва тавассути Эълomiaи умумии ҳуқуқи инсон ва дигар санадҳои байналмилалӣ расидан ба ин нишон ва маромро идома дода истодааст. Ин умеду орзу ва ормон дар дебоча ё пешгуфтори Эълomiaи умумии ҳуқуқи инсон ҳамчун яке аз мақсадҳои асосии қабули ин санад пешбинӣ гардид, ки он эҷоди дунёи нав буд, дунёе, ки дар он зулму истибдод вучуд надорад, дунёе, ки дар он одамон озоданд ва ба ҳуқуқи инсон арҷ гузошта мешавад.

Аз ин рӯ, дар нахустин моддаи ин санад аз фарзанди башар даъват ба амал оварда шудааст, ки бо якдигар чун бародар муносибат намоянд. Аз ҷумла: «Тамоми одамон озод ва аз ҷиҳати шаъну шараф ва ҳуқуқҳо баробар ба дунё меоянд. Онҳо соҳиби ақлу вичдонанд ва бояд бо якдигар муносибати бародарона дошта бошанд» [8, мод.1].

Ҳамин тариқ, бузургии Эълomiaи умумии ҳуқуқи инсон дар омилҳои зерин дида мешавад:

1. Новобаста аз андешаҳои гуногун бобати нахустин санад оид ба ҳуқуқи инсон дар таърихи башарият Эълomia бунёдгузори ҳуқуқу озодиҳои асосии инсон ба маънои имрӯзааш ба ҳисоб меравад.

2. Эълomia нахустин санади байналхалқиест, ки ҳуқуқу озодиҳои асосии инсонро дар бар гирифта, хусусияти универсалӣ дорад.

3. Аҳамияти дигари Эълomia дар он аст, ки дар заминаи он зиёда аз 100 санад дар соҳаи ҳуқуқи инсон аз ҷониби СММ қабул гардидааст. Масалан, Конвенсияи байналмилалӣ дар бораи барҳам додани тамоми шаклҳои таъбири наҷодӣ, Конвенсия дар бораи барҳам додани тамоми шаклҳои таъбир нисбати занон, Конвенсияи зидди шиканча ва дигар намудҳои муносибат ва ҷазои бераҳмона, ғайриинсонӣ ё таҳқиркунандаи шаъну шараф, Конвенсия оид ба ҳуқуқи кӯдак ва ғайра, ки онҳо бо назардошти Эълomiaи умумии ҳуқуқи инсон, эҳтиром ва риояи умумии ҳуқуқи инсон ва озодиҳои асосӣ қабул гаштаанд.

4. Дигар аҳамияти Эълomiaи умумии ҳуқуқи инсон дар он аст, ки инсонро дар назди ҷомеа уҳдадор намудааст.

5. Эълomiaи умумии ҳуқуқи инсон дар баробари дигар ҳуқуқу озодиҳо, яке аз асоситарин ҳуқуқ, ҳуқуқ ба моликиятро кафолат додааст, ҳол он ки ҳуқуқи мазкур дар ҳарду Паймон пешбинӣ нашудааст. Ин сабабҳои объективӣ ва субъективӣ худро дошт. Ҷунончи намояндагони кишварҳои Шуравӣ моликият, аз ҷумла моликияти хусусиро эътироф намекарданд. Аз диди онҳо доштани моликияти хусусӣ боиси нобаробарии шахрвандон мегардад [4, с. 157-162]. Баръакс намояндагони давлатҳои Аврупо бошанд, дар он назар буданд, ки бидуни моликият, аз ҷумла моликияти хусусӣ зиндагиро тасаввур кардан ғайриимкон аст. Ба андешаи онҳо мо-

ликият ба ҳаёт ва дар маҷмӯъ ба худи инсон саҳт вобастагӣ дорад. Бинобар ин, дар натиҷаи баҳсу мунозираҳои ғулӯнӣ ҳуқуқ ба моликиятро дар Эълумияи умумии ҳуқуқи инсон ҷой намуданд ва ин меъёр дар арсаи байналхалқӣ яғона ва асоситарин меъёр ба шумор меравад.

6. Дигар бузургии Эълумия дар он аст, ки ҳуқуқу озодиҳо дар он ба инсон пешбинӣ гардидааст. Яъне Эълумия соҳиб будан ба ҳуқуқу озодиҳоро ба мансубияти шахс ба давлат маҳдуд намесозад, бинобар ҳамин дар Эълумия истилоҳи «одамон», «инсон», «ҳар кас ё ҳар шахс» истифода гардидааст.

7. Инчунин мувофиқи ахбори СММ имрӯз Эълумияи умумии ҳуқуқи башар ба 501 забон ва лаҳҷаҳои дунё тарҷума шудааст [1] ва бо ин миқдор тарҷума шудани санади ҳуқуқӣ,

рекорди навбатии Эълумияро нишон медиҳад, ки ин ҳам бузургии Эълумия аст.

Агар мо асри 20 ва ибтидои асри 21-ро шарҳан ба ду қисм – то қабули Эълумияи умумии ҳуқуқи инсон ва баъди қабули он ҷудо намоем, пас, тафовути давраи аввал аз лиҳози эҳтирому эътирофи ҳуқуқи инсон аз давраи дуввум аз замин то осмон аст. Дар як муддати кӯтоҳи таърихӣ – солҳои 1914-1944 (яъне тули 30 сол) башарият ба гирдоби ду ҷанги ҷаҳонӣ кашида шуд. Акнун баъд аз қабули Эълумия, яъне тақрибан дар муддати 70 сол ҷомеаи башарӣ тавонист, ки то ҳадди имкон пеши роҳи сар задани Ҷанги Сеюми Ҷаҳониро гирад, ки дар ин кор нақши Эълумияи умумии ҳуқуқи инсон хеле бузург аст.

Адабиёт:

1. Всеобщая декларация прав человека переведена на более 500 языков и диалектов. – Манбаи дастрасӣ: http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=26905#.WiTnotJl_IU (санаи муруҷиат: 04.12.2017 с.).
2. Масалаи назариявӣ ва амалии ҳуқуқи инсон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе. Виза-принт, 2011. – 192 с.
3. Саидов И.И. Иҷрои уҳдадорихои байналхалқии Ҷумҳурии Тоҷикистон // Поси ҳуқуқи инсон чун дастоварди умуми башарӣ / Маводҳои конфронси илмӣ – назариявӣ бахшида ба муносибати 65-умин солгарди қабули Эълумияи умумии ҳуқуқи башар. – Душанбе, 2014. – С.68-78.
4. Саидов И.И. Ҳуқуқи шахс ба моликият ва инъикоси он дар конститутсияҳои Тоҷикистон // Нақши Конститутсия дар инкишофи соҳаҳои ҳуқуқ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон / Маводҳои конфронси илмӣ-назариявӣ. – Душанбе: Эксклюзив, 2012. – С. 157-162.
5. Саидов И.И. Развитие личных и политических прав человека в Таджикистане: Историко-правовой и общетеоретический анализ (Монография). – Душанбе, 2017. – 200 с.
6. Саъдизода Ҷ., Сафарзода Н.Ф. Ҳуқуқи инсон: аз Зардушт то Куруш / Ҷ. Саъдизода, Н.Ф. Сафарзода. – Душанбе: Баҳманрӯд, 2016. – С. 144.; Саъдизода Дж. К вопросу о необходимости изучения дисциплины «Права человека» в системе высшего профессионального образования Республики Таджикистан. // Правовая жизнь. Издательства юридического факультета ТНУ. №4 (12). Душанбе, октябрь-декабрь 2015. – С. 28-37.
7. Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқи инсон / Зери таҳрири н.и.х., дотсент Насурдинов Э.С. – Душанбе: Эр-граф, 2013. – 320 с.
8. Эълумияи умумии ҳуқуқи инсон, ки 10-уми декабри соли 1948 аз тарафи Ассамблеяи Генералии СММ қабул карда шудааст.

ЗАЩИТА ПРАВ РЕБѐНКА

Искандаров Ш.Ф.,

ассистент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета

E-mail: isharafjon@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Научный руководитель: Холикзода А.Г., доктор юридических наук, профессор

Рецензент: Диноршоҳ А.М., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: в статье рассматриваются, вопросы относительно правового положения прав ребёнка, а также защита прав ребёнка в его международном аспекте. Анализировано также развитие международного сотрудничества касательно вопросов защиты прав человека со стороны государств.

Ключевые слова: права ребёнка, институт прав ребёнка, международная защита прав ребёнка, международные стандарты, принципы прав ребёнка.

ҲИМОЯИ ҲУҚУҚИ КӯДАК

Искандаров Ш.Ф.,

ассистенти кафедраи ҳуқуқи инсон ва ҳуқуқшиносии муқоисавии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

E-mail: isharafjon@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.01 – назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлат; таърихи таълимот оид ба ҳуқуқ ва давлат

Рохбари илмӣ: Холикзода А.Г., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Муқарриз: Диноршоҳ А.М., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Ҷамъаи мақола: Дар мақолаи мазкур асосҳои ҳуқуқии ҳимояи ҳуқуқҳои кӯдак, аз ҷумла дар доираи санадҳои байналмилалӣ мавриди баррасӣ қарор дода шудааст. Инчунин, ҳамкориҳои байналмилалӣ давлат дар самти ҳимояи ҳуқуқҳои кӯдак мавриди таҳлил қарор гирифтааст.

Калидвожаҳо: ҳуқуқи кӯдак, институти ҳуқуқи кӯдак, ҳимояи байналмилалӣ ҳуқуқи кӯдак, стандартҳои байналмилалӣ, принципҳои ҳуқуқи кӯдак.

PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS

Iskandarov Sh.F.,

junior lecture of the Department of human rights and comparative law of the Law Faculty, Tajik National University

E-mail: isharafjon@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the doctrines of the law and state

Research supervisor: Khalikzoda A.G., Doctor of Legal Sciences, Professor

Reviewer: Dinorshoh A.M., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: the article deals with questions concerning the legal status of the rights of the child, as well as the protection of the rights of the child in its international aspect. The development of international cooperation concerning the protection of human rights by states was also analyzed.

Keywords: child's rights, institute of child's rights, international protection of child's rights, international standards, principles of child's rights.

Каждое современное правовое и демократическое государство, развитое гражданское общество всегда стремятся, защитит права каждого члена общества. В силу этого в любом современном обществе есть люди, которые в силу различных причин не обладают возможностью защищать свои интересы, а потому на них должна распространяться особая защита – должны быть предприняты дополнительные усилия по недопущению нарушения их прав [2, с. 9].

Человечество в период своего развития придумала и создала различные способы и средства защиты своих прав. В связи с этим важным достижением международного сотрудничества и образования системы защиты прав человека является признание международным сообществом того факта, что ребёнок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения, но и признание детей самостоятельными субъектами правовых отношений.

Наиболее перспективным направлением в функционировании механизмов обеспечения защиты прав человека, в частности прав ребёнка является не замыкание прав человека на национальном уровне, а разработка более эффективных мер по оптимизации взаимодействия международных, региональных и национальных усилий в деле поощрения и развития прав ребёнка. Многоуровневое обеспечение и развитие прав человека будет содей-

ствовать их утверждению в качестве реального стержня современного правопорядка [1].

В настоящее время обеспечение и защита прав ребёнка является одним из важнейших обязанностей каждого государства и международного сообщества. Поэтому все государства мира реализуют отдельную политику относительно права человека в целом и права ребёнка в частности [9]. В связи с этим защита прав ребёнка выходит за рамки отдельных государств, приобретают международный характер и должны обеспечиваться, гарантируется со стороны международных актов и институтов.

Институт международной защиты прав ребёнка есть совокупность международно-правовых норм, регулирующих сотрудничество государств по обеспечению и защите прав ребёнка во всех сферах жизни, которые сформировались после Второй мировой войны, однако отдельные нормы, посвящённые к защите прав ребёнка, получили международно-правовую регламентацию и до Второй мировой войны. В этот период международное сотрудничество государств, имеющее отношение к правам ребёнка, осуществлялось по нескольким направлениям, как: борьба с рабством, вопросы торговли женщинами и детьми, в частности международное регулирование труда детей. Видным примером сказанного является принятые конвенции, как: Конвенция о рабстве 1926 г., Конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми 1921 г., Конвенция МОТ

№ 3 об охране материнства, Конвенции МОТ о минимальном возрасте найма детей на работу в сельском хозяйстве и другие регулировали вопросы борьбы с торговлей детьми, использованием их с целью проституции, а также вопросы охраны материнства, трудовой эксплуатации детей, минимального возраста принятия детей на различные виды работ и т.п.

К сожалению, международное сотрудничество государств затрагивало лишь отдельные стороны правового положения ребёнка. Государства-участники международных договоров не рассматривался вопрос о разработке какого-либо универсального международного документа, который содержал хотя бы минимальный каталог прав ребёнка и нормы по обеспечению этих прав. Однако нельзя забыть принята Лигой Наций Декларация прав ребёнка, в 1924 году. Нормы данной Декларации не имело обязательного характера, и не накладывала обязательств непосредственно на государства, а лишь провозглашала обязанность «мужчин и женщин всех стран мира» заботиться о благополучии детей. Особенность данного периода заключается в том, что определяющим в международном сотрудничестве по правам ребёнка, как и по правам человека в целом [6, с.с. 459, 464], являлось внутригосударственное право.

Однако, частичное обращение государств для сотрудничества по вопросам относительно прав ребёнка, а также отсутствие единых минимальных стандартов в области прав ребёнка, принципов взаимодействия и механизмов реализации норм позволяет прийти к выводу о том, что международная защита прав ребёнка как система международно-правовых норм тогда не существовало.

Современная система международной защиты прав ребёнка, как составная часть международной защиты прав человека сформировалась в рамках ООН, одним из основополагающих принципов которой стало провозглашение уважения к правам и свободам

человека без какой-либо дискриминации.

После Второй мировой войны, то есть с 1945 года начинается новый период в развитие международной защиты прав человека, которое условно можно разделить на следующие этапы [8, с.с. 391-392].

Первый этап сотрудничества на международном уровне в области прав человека начался с 1945 г. до 1980-х гг. и характеризовался накоплением международных стандартов по правам человека. Принятый в 1945 году Устав ООН в общем виде закрепил принцип уважения прав человека. В развитие принципа уважения прав человека в 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека, определившая перечень и содержание основных прав человека. Эти права нашли своё дальнейшее юридическое закрепление в двух Международных пактах по правам человека 1966 г., которые вместе с Всеобщей декларацией сформировали Билль о правах человека. Дальнейшая разработка международных стандартов шла по пути легализации, детализации, конкретизации положений выше указанных международных документов. В результате к концу 1980-х гг. было подготовлена и подписано свыше 80 международных соглашений, охватывающих самые разнообразные сферы применения прав человека. Однако данный процесс полностью незавершён до сегодняшнего дня.

Второй этап начинается со второй половины 1980-х гг., которое характеризуется ростом международных контрольных и надзорных механизмов, процедур и способов имеющих целью повысить эффективность уже накопленных стандартов в области прав человека.

Международные контрольные механизмы состоят из конвенционных и внедоговорных контрольных органов; международные процедуры подразделяются на различные категории: исследование ситуаций, связанных с предполагаемыми или установленными нарушениями прав человека, рассмот-

рение докладов государств о выполнении своих обязательств согласно ратифицированным ими международным соглашениям, а также претензий государств друг к другу и индивидуальных жалоб, касающихся нарушений государством международных стандартов [5, с.с. 63-64].

Можно предполагать, что в 1945 году Устав ООН создал правовую основу для формирования международной защиты прав человека, которое дальнейшее её развитие шло по следующим направлениям: разработка международно-правовых принципов и норм в области защиты прав человека и создание международных контрольных органов за их соблюдением.

Как нам известно, международная защита прав ребёнка является составной частью международной защиты прав человека, поэтому к ней применимы практически все её положения. При этом выделение вопросов, относящихся к правам ребёнка, в самостоятельный предмет в рамках международной защиты прав человека вызвано прежде всего причинами объективного характера: во-первых, в результате целого ряда исторических условий социальный статус детей ниже, чем у взрослых, и международная защита прав ребёнка направлена на обеспечение им равных прав и возможностей с взрослыми; во-вторых, в силу физической и умственной незрелости ребёнку необходимо предоставление особых прав и дополнительной защиты.

После Второй мировой войны развитие международной защиты прав ребёнка, так же как и защиты прав человека, шло в направлении разработки международных стандартов в области защиты прав ребёнка и создания специальных контрольных органов за их соблюдением.

Нормотворческая деятельность по защите прав ребёнка можно подразделить на следующие группы:

1) закрепление прав ребёнка в универсальных международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека, Пакт о гражданских

и политических правах, Пакт об экономических, социальных и культурных правах;

2) закрепление прав ребёнка в международных соглашениях (Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков Конвенция о статусе апатридов), которое относятся отдельным социальным группам, тесно связанных с ребёнком (права женщин, беженцев), или в определённой области общественных отношений (семейный, трудовой, образования);

3) разработка деклараций и конвенций, специально регулирующих права ребёнка, таких как Декларация прав ребёнка 1959 г., Конвенция о правах ребёнка 1989 г. [3, с.с. 51-58].

В рамках Конвенции о правах ребёнка была создана специальный механизм контроля, который уполномочен рассматривать доклады государств о принятых ими мерах по осуществлению положений Конвенции – договорной орган, Комитет ООН по правам ребёнка. Кроме данного механизма, защита прав ребёнка также может осуществляться и через другие международные контрольные механизмы по правам человека [2, с. 147].

Международной защитой прав ребёнка в отдельных областях занимаются также специализированные учреждения ООН: Международная организация труда (МОТ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Организация Объединённых Наций по вопросам науки, культуры и образования (ЮНЕСКО), так же Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) оказывает международную помощь и техническое содействие государствам по защите детей и их прав.

Исходя из вышесказанного, можно дать следующее понятие международной защите прав ребёнка - это система международных органов, учреждений и процедур, осуществляющих защиту интересов и прав ребёнка

путём разработки международных стандартов в этой области.

Однако, вместе с развитием международной защитой прав человека, в её рамках, параллельно развивалась и международная защита прав ребёнка, что привело к обособлению совокупности международно-правовых норм, регулирующих сотрудничество государств в этой области. В результате, которого сложился институт прав ребёнка, являющийся частью отдельной отрасли международного права, регламентирующие вопросы защиты прав человека.

В юридической литературе обоснованно высказывается мнение, что в современном международном праве сформировалась особая отрасль права, состоящая из системы принципов и норм в области прав человека [4].

Институт международной защиты прав ребёнка основывается на тех же принципах и правовых положениях, что и в целом отрасль «прав человека». Данный институт включает в себя как основные принципы прав человека, так и специальные принципы, регулирующие исключительно правовое положение ребёнка.

К основным принципам прав человека относятся принцип уважения прав и свобод человека, принцип недискриминации и равенства, принцип универсальности прав человека, принцип равноправия и самоопределения народов и наций [3].

Данный институт кроме основных принципов, также регулируется и специальными принципами международной защиты прав ребёнка. Считаю целесообразным выделить следующие принципы прав ребёнка.

Принцип равенство и недопустимости дискриминации является также одним из основополагающих принципом прав человека. Относительно правам ребёнка данный принцип наиболее ясно раскрыт в Конвенции о правах ребёнка, где подчёркивается, что государства обязуются уважать и обеспечивать все предусмотренные Конвенцией права за каждым ре-

бёнком «без какой-либо дискриминации, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения ребёнка, его родителей или законных опекунов или каких-либо иных обстоятельств» (ст. 2(1)).

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребёнка предусматривает, что во всех случаях, когда действия государственных органов или частных лиц затрагивают интересы детей, первоочередное внимание должно уделяться соблюдению интересов ребёнка.

Данный принцип впервые упоминается в Декларации прав ребёнка 1959 г., где говорится, что «ребёнку... должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым... При издании с этой целью законов главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребёнка». В отношении права ребёнка на образование принцип 7 Декларации подчёркивает, что «наилучшее обеспечение интересов ребёнка должно быть руководящим принципом для тех, на ком лежит ответственность за его образование и обучение».

Данный принцип также была отражена и в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. (статья 5(b)), а также в Декларации 1986 г. о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях, также содержит этот принцип: «При рассмотрении всех вопросов, касающихся передачи ребёнка для заботы не его собственными родителями, главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребёнка» (ст. 5).

Непосредственно в качестве принципа эта норма нашла своё закрепление в Конвенции о правах ребёнка, в статье 3(1): «Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребёнка».

Принцип свободного выражения ребёнком своих собственных взглядов означает, что каждый ребёнок имеет право свободно формулировать собственные взгляды и высказывать своё мнение по всем вопросам, затрагивающим его жизнь. Родители, власти, общественные организации обязаны учитывать эти взгляды с учётом уровня зрелости и возраста ребёнка. В качестве принципа данная норма нашла своё выражение в Конвенции о правах ребёнка. Согласно статье 12(1) государства обязуются гарантировать «ребёнку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребёнка, причём взглядам ребёнка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребёнка». Это право тесно связано с правом ребёнка свободно выражать своё мнение (ст. 13).

Принцип соблюдения (обеспечения) права ребёнка на выживание и здоровое развитие устанавливает, что государства не только обязаны гарантировать ребёнку право на жизнь, но и предпринимать позитивные шаги по поддержанию и продлению жизни ребёнка и его полноценному физическому и духовному развитию. Впервые данный принцип было закреплено в Конвенции о правах ребёнка. Согласно Конвенции государства должны обеспечивать «в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребёнка» (ст. 6(2)). Термин «выживание» довольно специфичен для меж-

дународных договоров в области прав человека. Данный термин был предложен представителями ЮНИСЕФ и ВОЗ во время разработки Конвенции, которые под ним подразумевали действия государств по сокращению младенческой смертности, иммунизации детей, доступу к безопасной питьевой воде, контролю над основными детскими заболеваниями, ликвидации безграмотности и т. д. Этот принцип может рассматриваться как платформа для экономических, социальных и культурных прав ребёнка.

Принцип особой защиты и охраны детей. Впервые необходимость в специальной охране детей была отмечена в Декларации прав ребёнка 1924 г. После Второй мировой войны данный принцип был зафиксирован во Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей, что «материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь» (ст. 25(2)). Своё дальнейшее развитие он получил в Пактах о правах человека где указывается на особые меры охраны и помощи, которые должны приниматься в отношении всех детей и подростков (ст. 10(3)). Пакт о гражданских и политических правах закрепляет право ребёнка на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны семьи, общества и государства (ст. 24(1)). Декларация прав ребёнка 1959 г. предусматривает, что «ребёнку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита». И наконец, Конвенция о правах ребёнка обязывает государства обеспечить ребёнку «такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия» (ст. 3(2)).

Республика Таджикистан взяв на себя обязанности по защите прав ребёнка, в марте 2016 г. – был образован Уполномоченный по правам ребёнка как заместитель Уполномоченного по правам человека в РТ. Данное обстоятельство связано с тем, что дети являются самой незащищённой группой населения, для защиты и обеспечения прав и свобод которых требуются свои,

независимые механизмы. В силу экономического и политического беспривия детей, которое делает их беззащитными (эксплуатация, жестокое обращение и равнодушие со стороны общества), требовалось создать независимый орган, который бы всю свою деятельность сосредоточил исключительно на защите прав и интересов детей. Сегодня эта деятельность включает психологический, воспитательный, просветительский и ряд других компонентов.

Подводя итог, отметим, что в Республике Таджикистан сформировалась чёткая государственная политика в области защиты прав детей, их интересов, создания благоприятных условий их жизни и развития. Этому и будет содействовать деятельность Уполномоченного по правам ребёнка как на национальном уровне, так и на международном. Данный институт оказывает непосредственное влияние на формирование нового механизма защиты прав ребёнка. На сегодняшний день

институт Уполномоченного по правам ребёнка в Республике Таджикистан пока только формируется. Он ставит перед законодательным органом задачу разработки законодательства в данной области, которое будет способствовать максимальной защите прав ребёнка в Таджикистане, в соответствии с международными стандартами. Для комплексной и всесторонней защиты прав, свобод и интересов человека институты по правам человека должны работать сообща.

Из вышесказанного, можно прийти к выводу, что институт международной защиты прав ребёнка представляет собой совокупность международно-правовых принципов и норм, определяющих права и свободы ребёнка, устанавливающих обязательства государств по обеспечению и практическая реализация в жизнь этих прав и свобод, а также международные механизмы контроля за выполнением государствами своих международных обязательств.

Литература:

1. Абрамов В.И. Международная защита прав ребёнка. См.: <http://www.law-n-life.ru>.
2. Диноршоев А.М., Сафаров Б.А., Сафаров Д.С. Права ребёнка. Учебное пособие. – Душанбе, 2013.
3. Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю. М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М., 2000; Диноршоев А.М., Искандаров Ш.Ф. Права человека. Учебно-методическое пособие / Под ред. к.ю.н. Диноршоева А.М. – Душанбе, 2011.
4. Международное право: Учебник / Под ред. Г.И. Тункина. – М., 1994.; Международное публичное право: Учебник / Под ред. К.А. Бекашева. – М., 1999; Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – М., 2001; Международное публичное право: Учебник / Под ред. К.А. Бекашева. – М., 1999.
5. Павлова Л.В., Зыбайло А.И. Международное гуманитарное право: Учебное пособие. Ч. I. – М., 1999.
6. Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 1999.
7. Старовойтов О. М. Становление и развитие международной защиты прав ребёнка // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. №5.
8. Черниченко С.В. Теория международного права. Т. 2. – М., 1999.
9. Саъдизода Дж. Государственная политика в области прав человека: на примере Маджлиси Оли Республики Таджикистан. / Материалы Республиканской научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава и сотрудников ТНУ, посвященной «25-летию государственной Независимости Республики Таджикистан». Душанбе, 2016. – С. 359-360; Саъдизода Дж. Законодательная полити-

ка в сфере прав человека и ее роль в формировании культуры прав человека. // Государствоведение и права человека. Научно-практический журнал. Издательства юридического факультета ТНУ. №1 (1). Душанбе, 2016. – С. 110-114; Саъдизода Дж. Культура прав человека как средство обеспечения прав и свобод человека и гражданина в правовом государстве. // Проблемы соотношения международного и национального права. Материалы междуниверситетской научно-практической конференции 24-25 марта 2014 года / Под общей ред. Е.М. Павленко, А.М. Диноршоева. – Москва-Душанбе, 2014. – С. 264-272.

ҲУҚУҚИ ШАҲРВАНДОН БА МУТТАҲИДШАВӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Имомов Ҳ.Ш.,

ассистенти кафедраи ҳуқуқи конституционии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

E-mail: fardod-2012@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.02 – ҳуқуқи конституционӣ; муурофияи судии конституционӣ; ҳуқуқи мунисипалӣ

Роҳбари илмӣ: Гадоев Б.С., номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент
Муқарриз: Диноршоев А.М., доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор

Фиишурда. Дар мақола масъалаҳои мубрами ҳуқуқи шаҳрвандон ба муттаҳидшавӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳлил ва баррасӣ карда мешавад. Амалӣ шудани ҳуқуқи шаҳрвандон ба муттаҳидшавӣ аз муқаррароти Конститутсияи Тоҷикистон, қонунҳо ва дигар санадҳои меъёрию ҳуқуқӣ, санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, ки Тоҷикистон онҳоро эътироф намудааст ва дигар ҳуҷҷатҳои оинномавӣ бар меояд. Муаллиф қайд менамояд, ки сарчашмаи асосии байни иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва давлат маҳз робитанамой ва ҳамкориҳои миёни онҳо мебошад.

Калидвожаҳо: давлат, ҷомеаи шаҳрвандӣ, ҳуқуқи шаҳрвандон ба муттаҳидшавӣ, конститутсия, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, гуногунандешии сиёсӣ ва мафкуравӣ.

ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБЪЕДИНЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Имомов Ҳ.Ш.,

ассистент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета

E-mail: fardod-2012@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционное судопроизводство; муниципальное право

Научный руководитель: Гадоев Б.С., кандидат юридических наук, доцент
Рецензент: Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: В статье анализируются актуальные вопросы права граждан на объединение в Республики Таджикистан. Реализация права граждан на объединении рассматривается на основе норм Конституции РТ, законов, нормативно-правовых актов, международных актов признанными Таджикистаном и других корпоративных документов. Далее автор отмечает, что источником гарантирование права граждан на объединения в Республике Таджикистан является взаимодействие и взаимоотношения между государством и общественными объединениями как институтов гражданского общества.

Ключевые слова: государство, гражданское общества, права граждан на объединения, конституция, общественные объединения, политическое и идеологическое многообразия.

CITIZENS RIGHT TO UNITE IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Imomov Kh.Sh.,

Junior lecturer of the Department of Constitutional law of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: fardod-2012@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.02 – constitutional law; constitutional legal proceedings; municipal law

Research supervisor: Gadoev B.S., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Reviewer: Dinorshoev A.M., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation. The article analyzes current issues of citizens right to unite in the Republic of Tajikistan. Realization of the right of citizen to associations is considered on the basis of the norms of the Constitution of Tajikistan, laws, regulation, international acts recognized by Tajikistan and other corporate documents. Further, the author notes that the main criteria for the right of citizens to associations in the Republic of Tajikistan is the interaction and the relationship between the state and public association as one of the key institution of civil society, the rights of citizens to unite, the constitution, public associations, political and ideological diversity.

Keyword: state, civil society, rights of citizens to unite, constitution, public associations, political and ideological diversity.

Яке аз воситаи асосии иштирок ва ҳифзи ҳуқуку озодиҳои инсон ва шаҳрванд дар раванди амалишавии муносибатҳои давлатию ҷамъияти ин ҳуқуқи муттаҳидшавии шаҳрвандон дар дохили иттиҳодияҳои ҷамъияти, хизбҳои сиёсӣ ва дигар иттифокҳои ҷамъияти мебошад. Маҳз ба воситаи иттиҳодияҳои ҷамъияти шаҳрвандон метавонанд дар идоракунии корҳои давлатӣ ва амалигардии ҳаёти ҷамъияти иштирок намоянд. Зеро иштирок дар ҳаёти ҷамъияти дар баробари мақомотҳои давлатӣ бештар ба фаъолияти иттиҳодияҳои ҷамъиятии шаҳрвандон вобаста аст. Чунки иттиҳодияҳои ҷамъияти ҳамчун падидаҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ ба ҳисоб мераванд ва инкишофдиҳандаи муносибатҳои ҷамъияти-ҳуқуқӣ мебошанд. Иттиҳодияи ҷамъияти падидаи ҳокимияти давлатӣ ба ҳисоб меравад, ки дар фарқият аз падидаҳои хусусӣ бо аломатҳо ва нишонаҳои хоси худ фарқ карда мешавад.

Ҳуқуқ ба муттаҳидшавӣ яке аз падидаҳои муҳими соҳаи ҳуқуқи конститусионии Ҷумҳурии Тоҷикистонро

ташкил медиҳад. Дар адабиётҳои ҳуқуқӣ оид ба мафҳум ва моҳияти ҳуқуқи шаҳрвандон ба муттаҳидшавӣ фикру ақидаҳои гуногун мавҷуд аст. Масалан дотсент Имомов А.И. чунин қайд менамояд, ки «иттиҳодияҳои ҷамъияти яке аз рӯкҳои низоми иҷтимоӣ-сиёсии ҷамъият ва шакли муҳими амалӣ гардонидани соҳибхитиёрии халқ мебошанд. Таъсис ва фаъолияти иттиҳодияҳои ҷамъияти ҳам ба манфиати шаҳрвандон ва ҳам ба манфиати давлат ва ҷомеа мувофиқат мекунад. Ҳамкориҳои давлат бо иттиҳодияҳои ҷамъияти дар заминаи манфиатҳои умумии ҳардуи онҳо сурат мегирад. Давлат дар тадбиқи сиёсати худ ба дастгирию ҳамкориҳои иттиҳодияҳои ҷамъияти ҳавасманд буда, иттиҳодияҳои ҷамъияти бошанд ба ёрии ҳуқуқӣ, сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва маънавии давлат манфиатдоранд» [3, с. 185]. Ба ақибаи олими рус, профессор Авакян С.А бошад, «Ҳуқуқ ба муттаҳидшавӣ ин асоси ташкилии робитаи шаҳрвандон мебошад, ки дар натиҷаи он умумият байни онҳо ба вучуд меояд [4, с.7 21]. Дарачаи мустаҳкамияти ин

робитаҳои шаҳрвандон гуногун мебошад. Ба ақидаи муаллиф масалан инсонҳо дар баъзан маврид воমেҳӯранду баъзе аз масъалаҳоро баррасӣ мекунанд ва ё бо маълумотҳои якдигар ошно мешаванд, ин ҳоло ташкил додани иттиҳодияи ҷамъиятиро надорад. Вале агар шаҳрвандон ин чорабиниҳоро ташкилона гузаронанд, он вақт метавонем дар бобати амалишавии ҳуқуқи шаҳрвандон ба муттаҳидшавӣ сухан ронем. Ифодаи ҳуқуқ ба муттаҳидшавӣ ин кружокҳои мақсаднок, клубҳои муҳлисони намудҳои гуногуни варзиш ва дастаҳо, ҷамъиятҳо, ҷамъиятҳои заминдорон, марказҳои фарҳангии шаҳрвандони миллатҳои хос ва ғайра баромад мекунанд [4, с. 721].

Ҳуқуқ ба муттаҳидшавӣ маҷмӯи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрвандонро дар бар гирифта, ҳуқуқи таъсиси иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, ҳизбҳои сиёсӣ иттифокҳои касаба, ворид шудан ба фаъолияти иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, ҳамчунин ҳифзи манфиатҳои коллективии (дастачамъии) онҳоро дар бар мегирад. Бояд қайд намуд, ки ҳуқуқи муттаҳидшавӣ хусусияти маҳдуд надошта, ҳам ба шаҳрвандони Тоҷикистон, ҳам ба шаҳрвандони хориҷӣ ва ашхоси бешаҳрванд низ паҳн мегардад.

Мутобиқи моддаи 8-и Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар Тоҷикистон ҳаёти ҷамъиятӣ дар асоси равияҳои гуногуни сиёсӣ ва мафкуравӣ инкишоф меёбад» [1, с. 6]. Мақсад аз муқаррар кардани меъёри конституционии мазкур дар сатҳи Конститутсияи Тоҷикистон ин пеш аз ҳама эътироф намудани принсипи умумиэтирофшудаи демократӣ – гуногунандешии сиёсӣ ва мафкуравӣ мебошад. Зеро маҳз принсипи гуногунандешии сиёсӣ ва мафкуравӣ заминаи асосӣ барои амалӣ намудани як қатор ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ва кафолати ҳуқуқии онҳо мегардад. Дар банди панҷуми моддаи 8-и Конститутсия бошад пешбинӣ мешавад, ки «Иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва ҳизбҳои сиёсӣ дар доираи муқаррароти Конститутсия ва қонунҳо таъсис меёбанд ва амал мекунанд».

Барои амалӣ намудани мақсадҳои муҳими ҳаёти ва ҳифзи манфиатҳои умумӣ шаҳрвандон аксаран кӯшишҳои якҷояро зарур меҳисобанд. Барои ҳифзи манфиатҳои коллективиашон шаҳрвандон ҳар гуна созмонҳо, иттифокҳо ва ташкилотҳо таъсис менамоянд. Яке аз воситаҳои муҳими иштирок дар идоракунии ҳаёти давлатӣ ва ҷамъиятӣ ва ҳимояи ҳуқуқу озодиҳои конституционӣ ин амалӣ намудани ҳуқуқи муттаҳидшавӣ аз тарафи шаҳрвандон мебошад. Яъне дар асоси ризоияти худ таъсис ва ё ворид гардидан ба фаъолияти дилхоҳ ташкилотҳо ва иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ мебошад.

Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон принсипи гуногунандешии сиёсӣ ва мафкуравиро эълон намуда, инкишофи ҳаёти ҷамъиятиро дар Ҷумҳурии Тоҷикистон маҳз дар асос ва раванди гуногунандешии сиёсӣ ва мафкуравӣ ташаккул медиҳад. Муаян шудани гуногунандешии сиёсӣ ва мафкуравӣ ҳамчун яке аз асосҳои сохтори конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз он шаҳодат медиҳад, ки ба ҳар як аъзои ҷомеаи Тоҷикистон имконияти баёни ақида, изҳори ирода ва имкони таъсиси ҳар гуна иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва ҳизбҳои сиёсӣ дар доираи муқарроти Конститутсияи ҚТ, қонунҳо ва дигар санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ пешниҳод менамояд, муҳайё шудааст.

Ҳуқуқи шаҳрвандон ба муттаҳидшавӣ асосан бо мақсади иштироки васеи шаҳрвандон дар идоракунии корҳои давлатӣ, ҳаёти ҷамъиятӣ, ҳуқуқи якҷояи онҳо ба таъсиси иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, ҳуқуқи ташкили ҳизбҳои сиёсӣ, воситаи таъмини иҷрои ҳуқуқу озодиҳо ва манфиатҳои коллективии онҳо, инчунин имконияти ташаккули падидаҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ ва ғайраро дар бар мегирад. Ҳуқуқи шаҳрвандон ба муттаҳидшавӣ бевосита дар моддаи 28-и Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар ва мустаҳкам шудааст. Тибқи он шаҳрвандон ҳуқуқи муттаҳид шудан доранд. Шаҳрванд ҳуқуқ дорад дар ташкили ҳизбҳои сиёсӣ, итти-

фоқҳои касаба ва дигар иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ иштирок намояд, ихтиёран ба онҳо дохил ва аз онҳо хориҷ гардад.

Бояд тазаккур дод, ки ҳуқуқи шаҳрвандон ба муттаҳидшавӣ дар дохили иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва хизбҳои сиёсӣ асоси байналмиллалӣ-ҳуқуқӣ дорад. Дар моддаи 20-уми Эълумияи умумии ҳуқуқи инсон пешбинӣ мешавад, ки «Ҳар як инсон ҳуқуқи озодонаи ҷамъомадҳои осоишта ва иттиҳодияҳоро дорад. Ҳеч як инсон наметавонад ба ягон иттиҳодия маҷбуран ҷалб карда шавад».

Дар баробари Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки асоси ташкил ва фаъолияти иттиҳодияҳои ҷамъиятиро бевосита дар моддаи 8, 28 муқаррар намудааст, ҳамчунин дигар санадҳои меърию ҳуқуқӣ дар самти таъсис ва фаъолияти иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ дар Тоҷикистон қабул карда шудаанд. Масалан, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ» аз 12 майи соли 2007, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи хизбҳои сиёсӣ» аз 13 ноябри соли 1998, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи озодии вичдон ва иттиҳодияҳои динӣ» аз 26 марти 2009, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи иттифоқҳои касаба» аз 2 августи соли 2011, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мақомоти худфаъолияти ҷамъиятӣ» аз 5 январи соли 2008 ва ғайра.

Тибқи моддаи 4-и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон Дар бораи иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ «Ҳуқуқи шаҳрвандон ба муттаҳидшавӣ ҳуқуқи дар асоси ихтиёри бо мақсади ҳифзи манфиатҳои умумӣ ва ноил гардидан ба мақсадҳои умумӣ таъсис додани иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, шомил шудан ба иттиҳодияҳои ҷамъиятии мавҷуда ё худдорӣ кардан аз шомилшавӣ ба онҳо, инчунин аз ин иттиҳодияҳо бе мамониат баромаданро дар бар мегирад. Шаҳрвандон ҳуқуқ доранд мустақилона, бе иҷозати пешакии мақомоти давлатӣ иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ таъсис диҳанд, инчунин ба ин гуна иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ бо шартҳои риоя

кардани меъёрҳои оинномавии онҳо дохил шаванд».

Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва қонунгузори кишвар дар ҳолатҳои истисноӣ метавонад ҳуқуқ ба муттаҳидшавиро нисбат ба шаҳрвандон маҳдуд созад. Дар моддаи 8-и Конституцияи Тоҷикистон муқаррар мешавад, ки «Таъсис ва фаъолияти иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва хизбҳои сиёсӣ, ки наҷодпарастӣ, миллатгароӣ, хусумат, бадбинии иҷтимоӣ ва мазҳабиро тарғиб мекунад ва ё барои бо зурӣ сарнагун кардани сохтори конституционӣ ва ташкили гурӯҳҳои мусаллаҳ даъват менамоянд, манъ аст» [1, с. 6]. Ҳамчунин дар баробари муаян кардани меъри дар боло овардашуда, дар қисми дуюми моддаи 14-и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон Дар бораи иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ меъри манъкунандаи хоси дигар низ муқаррар ёфтааст, ки «таъсис ва фаъолияти иттиҳодияи ҷамъиятӣ, ки ба ҳуқуқ ва манфиатҳои қонунии шаҳрвандон, ба саломатии одамон ва ба ахлоқи ҷамъиятӣ сӯиқасд мекунад, манъ аст» [2, с. 1].

Ҳамин тариқ, дар асоси таҳлил ва омӯзиши вазъи ҳуқуқии падидаи ҳуқуқи шаҳрвандон ба муттаҳидшавӣ ба чунин ҳулоса омадан мумкин аст, ки ҳуқуқи мазкур хосияти комплексии хосро доро буда, дар он ҳам нишонаҳои амалӣ намудани ҳуқуқи сиёсии шаҳрванди Тоҷикистон, ҳам амалӣ соختани дигар ҳуқуқи озодихоии иҷтимоӣ, иқтисодӣ, фарҳангӣ, маънавӣ ахлоқӣ ва ғайра дида мешавад. Сарчашмаи асосии ташаккули ҳуқуқи шаҳрвандон ба муттаҳидшавӣ ва кафолати васеи ҳуқуқии он дар робитанамоӣ ва ҳамкориҳои миёни иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ (дар ҳама шакли навҳо) ва давлат ҳамчун институти таъминкунандаи ҳокимияти давлатӣ ифода меёбад. Иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ падидаҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ маҳсуб меёбанд ва василаи асосии пайвастандан ба робитаи гуногунсоҳаро бо давлат ва мақоотҳои он иҷро месозанд. Ғайр аз таъиноти иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ барои амалӣ намудани самти фаъолияти нек дар давлат ва ҷомеа бо-

яд равона карда шавад, зеро ки дар раванди таъмини амнияти давлатӣ, суботи сиёсӣ, тартиботи ҷамъиятӣ, риояи қонуният ва адолати иҷтимоӣ дар баробари давлат, мақомоти давлатӣ,

мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, ҳамчунин ба ўҳдаи онҳо низ чун субъекти фаъоли муносибатҳои конституционӣ-ҳуқуқӣ дар ин ё он самт вобаста карда мешавад.

Адабиёт:

1. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе, 2016. – С. 6.
2. Қонуни ҚТ «Дар бораи иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ». АМОҚТ, соли 2007, № 258. – С.1.
3. Имомов А.И. Ҳуқуқи конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Китоби дарсӣ. Нашри чорум бо тағйироту иловаҳо. – Душанбе: Офсет Империл, 2017. – 185 с.
4. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 томах. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2014. – 721 с.

**ҲУҚУҚИ КОНСТИТУТСИОНӢ ВА СОҲАҲОИ ҲАМҶАВОР –
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА**

МУШКИЛОТИ МУАЙЯННАМОӢ ВА ТАСНИФБАНДИИ МЕЪЁРҲОИ КОЛЛИЗИОНӢ ДАР ҲУҚУҚИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ ХУСУСӢ

Раҷабов М.Н.,

мудир кафедраи ҳуқуқи байналхалқии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент

E-mail: rajabov.m.1973@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.03 – ҳуқуқи граждани, ҳуқуқи оилавӣ, ҳуқуқи соҳибкорӣ, ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ

Муқарриз: Қодиркулов Х.Р., номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент

Фитишурда. Дар мақолаи мазкур яке аз масъалаҳои мубрами ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ – меъёрҳои коллизсионӣ ва ҷойгоҳи онҳо дар низоми меъёрҳои иҷтимоӣ ҳангоми танзими муносибатҳои шахсӣ-ҳуқуқии унсуре хоричӣ дошта, мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Дар натиҷаи татқиқот муаллиф шаклҳои нави муайяннамоӣ ва таснифбандии меъёрҳои коллизсиониро дар ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ муайян намудааст.

Калидвожаҳо: меъёр, ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ, меъёрҳои коллизсионӣ, ҳуқуқи хоричӣ.

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ**

Раджабов М.Н.,

заведующий кафедрой международного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: rajabov.m.1973@mail.ru

Научное специальность: 12.00.03 – гражданское право, семейное право, предпринимательское право, международное частное право

Рецензент: Кодиркулов Х.Р., кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается одно из актуальных проблем международного частного право – коллизсионных норма и её место в система социальных норм в процесса регулирования частно-правовых отношения с иностранным элементом. В результате проведенного исследования со стороны автора выносятся новые определения и классификации коллизсионных норм в международном частном праве.

Ключевые слова: норм, международное частное право, коллизсионные нормы, иностранное право.

**PROBLEMS OF DEFINITION AND QUALIFICATION OF CONFLICT
NORM IN INTERNATIONAL PRIVATE LAW**

Radjabov M.N.,

Head of the Department of International Law,
Faculty of Law, Tajik National University,
Candidate of Law, Associate Professor

E-mail: rajabov.m.1973@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.03 – civil law, family law, business law, international private law

Reviewer: Podirculov Kh.R., Candidate of Law, Associate Professor

Annotation. The article deals with one of the most pressing problems of international private law - the conflict of laws rule and its instead in the system of social norms in the process of regulating private law relations with a foreign element. As a result of the research conducted by the author, new definitions and classifications of conflict of laws rules in private international law are being made.

Keywords: norms, international private law, conflict of laws rules, foreign law.

Истиллоҳи «коллизия» аз калимаи лотинӣ «collisio» - гирифта шуда, мазмуни «бархурӣ»-ро ифода месозад. Меъёрҳои коллизии дар ҳуқуқи байналмилалии хусусӣ дорои чунин хусусиятҳо мебошад:

- меъёрҳои коллизии бевосита ҳуқуқ ва ӯҳдадорихои субъекти муносибатҳои ҳуқуқиро танзим намеkunанд, танҳо чун асос имконият медиҳад дар баҳши интиҳоб ва татбиқномаи ҳуқуқ;

- меъёри коллизии афзалияти танзими ҳуқуқиро дар натиҷаи ҳавола кардан ба меъёри моддӣ-ҳуқуқӣ дар баҳши танзим намудан ифода месозад. Меъёри коллизии хусусияти ҳаволаkunанда дорад, меъёр ва категорияи махсус (ё асос) дар ҳуқуқи байналмилалии хусусӣ ба шумор меравад.

Дар илми ҳуқуқ, мафҳуми меъёри коллизии дар шакли мазмунҳои гуногун арзёбӣ ва пешниҳод шудааст. Чунончӣ, мафҳуми «ҳукмрон»-и меъёри коллизии дар ҳуқуқи байналмилалии хусусӣ дар чунин шакл пешниҳод шудааст:

«Меъёри коллизии – ин меъёре мебошад, ки муқаррар мекунад, ки ба муносибати хусусӣ-ҳуқуқӣ бо унсури хориҷӣ, ҳуқуқи кадом кишвар татбиқ мешавад». Дар чунин шакл мафҳуми

меъёри коллизииро донишмандон В.П. Звеков, Ш. Менглиев, М.М. Богуславский, Г.К. Дмитриева, Б.А. Куркин ва дигарон баррасӣ кардаанд. Профессор В.А. Канашевский дар зерин мафҳуми меъёри коллизии, меъёре медонад, ки татбиқи ҳуқуқи миллиро ба муносибатҳои хусусӣ-ҳуқуқӣ бо унсури хориҷӣ муайян мекунад [7, с. 88]. Профессор М.Н. Кузнецов мафҳуми меъёри коллизииро бо назардошти концепсияи ҳуқуқи байналмилалии хусусӣ ҳамчун маҷмуи меъёрҳои ҳуқуқи байнинизомӣ пешкаш намудааст: «Меъёри коллизии – ин меъёри ҳуқуқи (миллӣ ва байналмилалӣ) аст, ки муқаррар мекунад, ки ҳуқуқи кадом кишвар ва ё кадом шартномаи (созишномаи) байналмилалӣ ба ин муносибати хусусӣ-ҳуқуқӣ бо унсури хориҷӣ татбиқ мешавад» [9, с. 117]. Дар чунин шакли мафҳуми меъёри коллизииро профессор Н.Ю. Ерпилева ҷонибдор аст [5, с.132]. Профессор Л.Н. Галенская меъёрҳои коллизииро муқаррароте медонад, ки нисбат ба ин муносибати ҳуқуқӣ, татбиқи кадом ҳуқуқ муқаррар шудааст [3, с. 22].

Ҳамин тариқ, меъёри коллизии ин меъёрӣ-ҳуқуқӣ мебошанд, ки баҳри танзими муносибатҳои ҷамъиятӣ бо

унсури хориҷӣ, асосро барои интиҳоб ва татбиқи ҳуқуқи миллӣ (ҳуқуқи ватанӣ, ҳуқуқи хориҷӣ) ва ҳуқуқи байналмилалӣ пешниҳод менамояд.

Чаро ин «асос»-ро мо принцип ном наниҳодем, зеро принцип – асоси роҳбарикунанда мебошад, ки аз иродаи субъект берун набояд бошад ва иҷрошаш ҳатмӣ аст.

Вале татбиқи меъёри коллизсионӣ дар танзими муносибатҳои ҷамъиятӣ бо унсури хориҷӣ бо се ҳолат – вазъи ҳуқуқи субъект, объект ва факти ҳуқуқӣ вобаста мебошад.

Соҳтори меъёри коллизсионӣ аз ду унсур иборат аст:

- ҳаҷм ва пайваст.

Ҳаҷми меъёри коллизсионӣ намуни муносибати ҷамъиятиро бо унсури хориҷӣ нишон медиҳад, пайвасти меъёри коллизсионӣ татбиқшавии ҳуқуқи кишварро дар танзими ин муносибати ҷамъиятӣ. Мисол, «Дар Тоҷикистон бедарак ғоибшуда ё фавтида эълон намудани шахси воқеӣ тибқи ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон муайян карда мешавад». Ҳаҷми меъёри коллизсионӣ – муносибати бедарак ё фавтида эълон намудани шахси воқеӣ, пайвасти меъёри коллизсионӣ – ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад.

Доир ба табиати ҳуқуқи меъёрҳои коллизсионӣ се диди назар мавҷуд аст.

Якум, гурӯҳе аз олимон, аз қабили И.С. Перетерский, М.М. Богуславский, С.Н. Лебедев, Г.К. Дмитриева дар он андеша мебошанд, ки меъёрҳои коллизсионии меъёрҳои ҳуқуқи граждани мебошанд ва табиати хусусӣ-ҳуқуқӣ доранд.

Дуюм, гурӯҳе аз олимон, аз қабили П.Е. Казанский, А.М. Ладиженский, С.Б. Крилов, В.Э. Грабар, С.А. Малинин, В.Г. Храбсков ва дигарон дар он андеша мебошанд, ки меъёрҳои коллизсионӣ табиати оммавӣ-ҳуқуқӣ доранд.

Сеюм, гурӯҳе аз олимон, аз ҷумла профессор Л.П. Ануфриева дар он андеша аст, ки меъёрҳои коллизсионӣ табиати хусусӣ-ҳуқуқӣ ва оммавӣ-ҳуқуқӣ дорад. Ба андешаи мо табиати меъёрҳои коллизсионӣ дар хусусӣ-

ҳуқуқӣ ва оммавӣ-ҳуқуқӣ маҳдуд нагашта, он бо низоми ҳуқуқ, яъне бо ҳуқуқӣ миллӣ ва ҳуқуқи байналмилалӣ алоқамандӣ дорад, ки ин робита ба муаррифи меъёри коллизсионӣ чун унсури низоми мустақили ҳуқуқ – ҳуқуқи байналмилалии хусусӣ замина мегузорад.

Раванди татбиқи меъёрҳои коллизсионӣ фарогири ду марҳила аст. Аввало, муайян кардан зарур аст, ки татбиқи меъёри коллизсионӣ ба ҳуқуқи ин ё он кишвар ҳавола мекунад. Дар ин марҳила чунин масъалаҳо – тарафайн, банду баста мафҳумҳои ҳуқуқӣ, ҳаволаи бозгашт ва бозгашти қонун (обҳод қонун) ҳал карда мешаванд. Марҳилаи дуюм аз татбиқи ҳуқуқи моддӣ, ки ба он меъёри коллизсионӣ ҳавола намудааст иборат мебошад. Дар ин марҳила татбиқи ҳуқуқи хориҷӣ дар муқаррар кардани мазмуни ҳуқуқи хориҷӣ, имконияти татбиқи тавзеҳот оид ба тартиботи оммавӣ ва татбиқи меъёрҳои фавқул ҳатмӣ (сверхимперативӣ) ифода мегардад. Умуман танзими коллизсионӣ дар марҳилаҳои – ҳалли мансубияти истехсолоти судӣ; дар асоси меъёри коллизсионӣ муқаррар кардани татбиқи ҳуқуқ ва интиҳоби татбиқи ҳуқуқ ифода мегардад.

Дар илми ҳуқуқи байналмилалии хусусӣ назарҳои гуногун оид ба намуҳои меъёрҳои коллизсионӣ мавҷуд аст. Масалан, профессор Н.Ю. Ерпылева дар асоси чунин унсури таснифоти меъёрҳои коллизсиониро пешниҳод менамояд. Якум, аз нигоҳи шакли пайвасти коллизсионӣ, меъёрҳои коллизсионӣ ба яктарафа ва дутарафа ҷудо мешаванд. Дуюм, вобаста ба хусусияти танзими меъёрҳои коллизсионӣ ба диспозитивӣ, императивӣ, алтернативӣ ва кумулятивӣ тақсим мешаванд. Сеюм, вобаста ба амал дар қаламрав, меъёрҳои коллизсионӣ ба байнидавлатӣ ва байниҳудудӣ ҷудо мешаванд [5, с.134-136].

Профессор Ш. Менглиев дар асоси чунин унсури таснифоти меъёрҳои коллизсиониро дар ҳуқуқи байналмилалии хусусӣ пешниҳод кардааст. Якум, вобаста ба хусусият, меъёрҳои коллизсионӣ ба императивӣ

ва диспозитивӣ ҷудо мешаванд. Дуюм, вобаста ба шакл меъёрҳои коллизсионӣ ба алтернативӣ ва иловагӣ (факултативӣ) тақсим мегардад.

Сеюм, аз нигоҳи сохтор, меъёрҳои коллизсионӣ ба яктарафа ва дутарафа ҷудо мегарданд [9, с. 166-171].

Дар ин ҷо зикр кардан зарур аст, ки профессор Ш.Менглиев аз меъёрҳои коллизсионии генералӣ (асосӣ), субсидиарӣ ва чандирӣ (гибкие) ҳамчун намуди меъёри коллизсионӣ ёд кардааст, вале унсури таснифоти онҳоро пешниҳод накардааст [9, с. 166-171].

Ҳамон тавре дида мешавад вобаста ба унсури хусусияти танзимнамоӣ ва шакли меъёрҳои коллизсионӣ мавқеи профессор Н.Ю. Ерпилева ва Ш.Менглиев дар таснифоти меъёрҳои коллизсионӣ мувофиқат наменамояд. О.А. Данилочкина чунин таснифоти меъёрҳои коллизсиониро пешниҳод менамояд: 1) вобаста ба шакл – пайвасти коллизсионии яктарафа ва дутарафа; 2) вобаста ба шакли ифодаи иродаи қонунгузор – меъёрҳои императивӣ ва диспозитивӣ; 3) вобаста ба сохтор, меъёрҳои коллизсионӣ – оддӣ ва мураккаб; 4) вобаста ба хусусияти пайвасти коллизсионӣ – оддӣ, алтернативи оддӣ ва алтернативи мураккаб. Меъёри коллизсионии алтернативӣ мураккаб ба асосӣ (генералӣ) ва иловагӣ (субсидиарӣ) тақсим мешавад [4, с.13-14]. И.В. Гетман – Павлова чунин таснифоти меъёрҳои коллизсиониро пешниҳод кардааст. Якум, вобаста бо тарзи ифодаи иродаи қонунгузор, меъёрҳои коллизсионӣ – алтернативӣ ва диспозитивӣ мешаванд. Дуюм, вобаста ба шакли пайвасти коллизсионӣ – меъёрҳои коллизсионӣ ба дутарафа ва яктарафа тақсим мешаванд. Сеюм, вобаста ба шакли ҳуқуқӣ (сарчашмаи ҳуқуқӣ) – меъёрҳои коллизсионӣ ба миллӣ-ҳуқуқӣ ва байналмилалӣ-ҳуқуқӣ ҷудо мешаванд. Чорум, вобаста ба аҳамият, меъёрҳои коллизсионӣ ба пайвасти асосӣ (генералӣ) ва иловагӣ (суб-

сидиарӣ), инчунин ба умумӣ ва махсус таснифот мешаванд [6, с.118-120].

Профессор В.А. Канашевский бо назардошти чунин унсурҳои меъёрҳои коллизсиониро ба намудҳои ҷудо кардааст:

1) вобаста бо пайдоиш – меъёрҳои коллизсионӣ ба миллӣ ва байналмилалӣ тақсим мешаванд;

2) аз нигоҳи шакл – меъёрҳои коллизсионӣ ба яктарафа ва дутарафа таснифот мешаванд;

3) вобаста бо ҳатмияти татбиқ – меъёрҳои коллизсионӣ ба императивӣ ва диспозитивӣ тақсим мегарданд;

4) вобаста ба сохтор – пайвасти ва ҳаҷм, меъёри коллизсионӣ ба оддӣ ва мураккаб тақсим мегарданд. Дар ин радиф профессор В.А. Канашевский меъёрҳои коллизсионии «ҳамроҳкунанда» ва «кумулятсиявӣ»-ро бо унсури таснифотӣ ба намудҳои меъёри коллизсионӣ ҷудо додааст [7, с. 90-92].

Профессор Л.П. Ануфриева чунин таснифоти меъёрҳои коллизсиониро вобаста ба чунин унсурҳои пешниҳод менамояд. Аввало, вобаста ба шакли изҳори пайвасти меъёри коллизсионӣ, меъёрҳои коллизсионӣ ба дутарафа ва яктарафа тақсим мегарданд.

Баъдан, вобаста ба шакли муқаррарот ва қувваи ҳуқуқӣ, меъёрҳои коллизсионӣ ба императивӣ, диспозитивӣ ва алтернативӣ тақсим мегардад.

Билохира, аз нигоҳи ҳуди меъёри коллизсионӣ, меъёри коллизсионӣ ба миллӣ ва байналмилалӣ таснифот мегардад. Ба ҷуз аз ин таснифот, боз профессор Л.П.Ануфриева ба феҳристи намудҳои меъёрҳои коллизсионӣ, меъёрҳои коллизсионии асосӣ (генералӣ) ва махсус (ёрирасон ё субсидиариро) шомил сохтааст [1, с.198-209].

Профессор В.В. Гаврилов дар асоси се унсури таснифоти меъёрҳои коллизсиониро пешниҳод кардааст. Чунончӣ, якум, вобаста ба шакли пайвасти коллизсионӣ дар ҳуқуқи байналмилалии хусусӣ, меъёрҳои коллизсионӣ яктарафа ва дутарафа мавҷуд аст.

Дуюм, вобаста ба тарзи танзимӣ, меъёрҳои коллизсионӣ ба императивӣ, диспозитивӣ ва алтернативӣ тақсим мешавад. Сеюм, вобаста ба дараҷаи мушаххасияти меъёри, меъёрҳои коллизсионӣ ба генералӣ ва субсидиарӣ тақсим мешавад [2, с.90-96].

Ҳамин тариқ, дар ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ то имрӯз унсурҳои ягонаи таснифот дар илм, қонунгузорӣ ва амалия пешниҳод нашудааст. Аз ин нигоҳ, шартан бо назардошти тадқиқотҳои зикргардидаю қонунгузорӣ ва амалия чунин таснифотро пешниҳод менамоем.

1) Вобаста ба хусусият меъёрҳои коллизсионӣ ба императивӣ ва диспозитивӣ тақсим мешаванд. Меъёри императивӣ-мушаххас ҳуқуқу уҳдадорӣ субъекти ҳуқуқро нишон медиҳад ва тағйир додани он имконнопазир аст. Ӯ меъёри коллизсионии императивӣ – чунин меъёре мебошад, ки чунин муқарраротро пешбинӣ кардааст, ки суд ӯ тарафҳо дар муносибатҳои хусусӣ-ҳуқуқӣ бо унсури хориҷӣ ба интиҳоби ҳуқуқ дар танзими он имкон надорад. Ба ин мисол мешавад муқаррароте, ки дар қисми 1 моддаи 1220 КГ ҚТ дар чунин шакл мустаҳкам карда шудааст: «Ба шартномаи таъсиси шахси ҳуқуқӣ бо иштироки хориҷиён ҳуқуқе татбиқ карда мешавад, ки дар он ҷо шахси ҳуқуқӣ таъсис ва тасдиқ шудааст». Аз ин бармеояд, ки қонуни шахсии шахси ҳуқуқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон танҳо ва танҳо қонуни кишваре мебошад, ки дар қаламрави он таъсис дода шудааст. Ба меъёри коллизсионии императивӣ инчунин муқаррароти моддаи 1202 КГ ҚТ мисол мешавад, ки дар чунин шакл ифода ёфтааст: «Дар Тоҷикистон бедарак ғойбшуда ё фавтида эълон намудани шахс воқеӣ тибқи ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон муайян карда мешавад». Меъёри коллизсионии диспозитивӣ – дар формулаи «тарафҳо метавонанд», «агар ин дар созишномаи тарафҳо муқаррар нашуда бошад» ифода мегардад. Мисол, банди 2 моддаи 1214 КГ Ҷумҳурии Тоҷикистон: «Ба вучуд омадан ва қатъ гар-

дидани ҳуқуқи ашё ба амвол, ки предмети аҳд мебошад, бо ҳуқуқи кишваре, ки ин аҳд тобеи он мебошад, муайян карда мешавад, агар созишномаи тарафҳо тартиби дигарро муқаррар накарда бошад». Ӯ «муносибатҳои шартномавӣ бо ҳуқуқи кишвари бо созишномаи тарафҳо интиҳобшуда танзим карда мешавад, агар санадҳои қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон тартиби дигарро муқаррар накарда бошад» (қ.1. м.1218 КГ Ҷумҳурии Тоҷикистон). Ҳамин тариқ, меъёри коллизсионии диспозитивӣ чунин меъёри ҳуқуқӣ аст, ки муқарраротро оид ба интиҳоби ҳуқуқ муқаррар кардааст, вале ба тарафҳо имконияти боз интиҳоби ҳуқуқро дар муносибати хусусӣ-ҳуқуқӣ бо унсури хориҷӣ пешниҳод менамояд.

2) Вобаста ба шакл меъёрҳои коллизсионӣ ба алтернативӣ ва факултативӣ тақсим мешаванд. Меъёри коллизсионии алтернативӣ – яққатор пайвастиҳои коллизсиониро дар баҳши танзими муносибатҳои хусусӣ-ҳуқуқӣ бо унсури хориҷӣ муқаррар кардааст. Мисол, қ.1 моддаи 1219 КГ ҚТ. Меъёри коллизсионии факултативӣ – чунин меъёри коллизсионӣ аст, ки дар як ҳаҷми меъёри коллизсионӣ якҷанд пайвастиҳои коллизсионӣ аст. Мисол, қ.1 м.1210 КГ ҚТ: «Шакли аҳдҳо бо ҳуқуқи маҳали ба имзо расидани он тобеъ аст. Аммо аҳдҳои дар хориҷа ба-сташуда наметавонанд дар натиҷаи риоя нагардидани шаклҳо безътибор доништа шаванд, агар талаботи ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон риоя шуда бошад». Дар инҷо ҳаҷми меъёри коллизсионӣ «шакли бастанӣ аҳд» ва пайвастиҳои коллизсионӣ: 1) қонуни ҷойи ба имзо расидани аҳд; 2) қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон. Дар ин мисол, ду шарт риоя шудааст, аввало қонуни ҷой бастанӣ аҳд, баъдан риоя намудани қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон меъёри коллизсионии факултативӣ аст.

3) Аз нигоҳи сохтор, меъёрҳои коллизсионӣ ба яктарафа ва дутарафа тақсим мешавад.

Пайвасти коллизиони яктарафа – чунин меъёри коллизионӣ мебошад, ки муқаррар мекунад, ки нисбати чунин муносибат низоми ҳуқуқии кадом кишвар татбиқ мешавад. Мисол, банди 6 моддаи 1201 КГ Ҷумҳурии Тоҷикистон: «Ғайри қобили амал ё маҳдуди қобили амал эътироф намудани шахси воқеӣ дар Тоҷикистон ба ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон тобеъ аст». Бо ибораи дигар гӯем, меъёри коллизиони яктарафа – чунин меъёре мебошад, ки пайвасти коллизионӣ бо тариқи мушаххас татбиқи ҳуқуқи кишвари муайянро пешбинӣ месозад.

Пайвасти коллизиони дучониба – чунин меъёри коллизионӣ мебошад, ки дар баҳши танзими муносибати хусусӣ-ҳуқуқӣ бо унсури хориҷӣ муқаррар намекунад, ки низоми ҳуқуқи кадом кишвар татбиқ мешавад. Бо ибораи дигар меъёри коллизиони дутарафа чунин меъёри коллизионӣ мебошад, ки бо тариқи аниқ ва мушаххас дар танзими муносибатҳои хусусӣ-ҳуқуқӣ бо унсури хориҷӣ ҳуқуқи ин ё он кишвар муайян нанамудааст, балки дар танзими ин муносибат бо тариқи умумӣ имконияту татбиқи ҳуқуқи кишвари хеш ё кишвари хориҷиро иҷозат медиҳад. Ба ин муқаррароти қисми 1 моддаи 1213 КГ ҶТ мисол мешавад: «Мазмуни ҳуқуқи моликият ва ҳуқуқи дигари ашё ба моликияти манқул ва ғайриманқул ва ҳамчунин татбиқи онҳо бо ҳуқуқи кишваре, ки ин моликият дар он ҷо воқеъ гардидааст, муайян карда мешавад, агар қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон тартиби дигарро пешбинӣ накарда бошад». Ё муқаррароти банди 2 моддаи 1214 КГ ҶТ: «Ба вучуд омадан ва қатъ гардидани ҳуқуқи ашё ба амвол, ки предмети аҳд мебошад, бо ҳуқуқи кишваре, ки ин аҳд тобеи он мебошад, муайян карда мешавад, агар созишномаи тарафҳо тартиби дигарро муқаррар накарда бошад».

Пайвасти коллизиони дутарафа аз нигоҳи сохтор ба оддӣ ва мураккаб тақсим мешавад. Пайвасти коллизиони дутарафаи оддӣ дар нақшаи (схемаи) «як ҳаҷм-пайваст» амал мена-

мояд. Мисол, моддаи 1206 КГ Ҷумҳурии Тоҷикистон: «Қонуни шахсии шахси ҳуқуқӣ ҳуқуқи кишваре ҳисобида мешавад, ки дар онҷо шахси ҳуқуқӣ таъсис дода шудааст». Аз муқаррароти моддаи 1206 КГ ҶТ бармеояд, ки меъёри коллизиони оддӣ дар асоси нақшаи «як ҳаҷм - пайваст» (шахси ҳуқуқӣ-ҳаҷми коллизионӣ, ҳуқуқи кишваре, ки дар асоси он шахси ҳуқуқӣ таъсис дода шудааст – пайвасти коллизионӣ) сохта шудааст.

Пайвасти коллизиони дучонибаи мураккаб нисбати ин ё он муносибати хусусӣ-ҳуқуқӣ бо унсури хориҷӣ татбиқи ду ва зиёда низоми ҳуқуқиро пешбинӣ мекунад. Мисол, моддаи 1219 КГ ҶТ дар худ як қатор ҳаҷми меъёри коллизионӣ ва пайвасти коллизиони пешбинӣ менамояд. Воқеан сохтори меъёри коллизиони мураккаб дар худ якчанд ҳаҷм ё пайвасти коллизиони мустақкам кардааст. Чунончӣ дар қисми 1 моддаи 1227 КГ ҶТ омадааст: «Ба талаботи ҷуброни зарари истеъмолкунанда, ки вобаста ба хариди амвол, иҷрои корҳо ё хизматрасонӣ ба миён омадааст, тибқи интиҳоби истеъмолкунанда татбиқ карда мешавад:

а) ҳуқуқи кишваре, ки истиқоматгоҳ ё маҳали фаъолияти истеъмолкунанда ҷойгир аст;

б) ҳуқуқи кишваре, ки истиқоматгоҳ ё маҳали ҷойгиршавии истеҳсолкунанда ё шахсе, ки хизмат расонидааст, ҷойгир аст;

в) ҳуқуқи кишваре, ки истеъмолкунанда молро харидааст, дар як ҷо кор иҷро шудааст ё ба ӯ хизмат расонида шудааст».

4) Вобаста бо доираи амал дар қаламрав меъёрҳои коллизионӣ ба байнидавлатӣ (байналмилалӣ) ва байниҳудудӣ тақсим мешаванд. Меъёри коллизиони байнидавлатӣ (байналмилалӣ) дар худ низомҳои ҳуқуқи кишварҳои гуногунро ба ҳайси танзимгари муносибатҳои хусусӣ-ҳуқуқӣ бо унсури хориҷӣ муқаррар кардааст, ки ин муносибатҳо аз доираи як кишвар берун мебошанд.

Меъёрҳои коллизиони байниҳудудӣ дар низоми ҳуқуқии як ки-

швар мустаҳкам карда шудаанд, ки дар ҳайаташ як қатор ҳудудӣ-маъмурӣ аст. Ин хос ба кишварҳои федералӣ мебошад. Дар илми ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ меъёрҳои коллизии байниҳудудӣ асосан дар кишварҳои федеративӣ татбиқ мешаванд, ки мазмунаш дар татбиқи ҳуқуқи хориҷии кишвари дорои ҳуқуқи бисёрсистемагӣ амал менамояд, ки ин масоил бо номи «меъёрҳои коллизии интерлокалӣ» дар ҳолате ба вуқӯ меояд, ки татбиқи ҳуқуқи кишвар вобастагӣ дорад дар ҳудудаш якҷанд низоми ҳуқуқӣ амал менамояд. Меъёрҳои коллизии интерлокалӣ дар навъҳои меъёри коллизии интерҳудудӣ, меъёрҳои коллизии интерперсоналӣ ва меъёри коллизии интертемпоралӣ тақсим мешавад.

Меъёри коллизии интерҳудудӣ ба кишварҳои сохташ федеративӣ мансуб аст, ки ҳар як субъекти федератсия низоми ҳуқуқии хешро дорад аст. Меъёри коллизии интерперсоналӣ – чунин меъёри коллизии мебошад, ки татбиқаш дар ҳолате сурат мегирад, ки дар ҳудуди як кишвар низомҳои ҳуқуқии гуногун оид ба ин ё он масъала амал мекунанд. «Меъёри коллизии интертемпоралӣ муқарраркунандаи санади ҳуқуқии мушаххаси давлати федеративӣ мебошад. Асосан меъёри коллизии мазкур ҷавобгӯи ба саволи зерин мебошад: кадом санади ҳуқуқӣ ба муносибати ҳаволашуда бояд татбиқ карда шавад: санади ҳуқуқии дар давраи пайдоиши муносибати дахлдор амал мекард, ё ин ки санади ҳуқуқии дар давраи баррасии баҳс дар суд? Ба саволи мазкур дар асоси меъёри коллизии интертемпоралӣ низоми ҳуқуқии давлате, ки ба он ин муносибат барои танзим ҳавола карда шудааст, муқаррар карда мешавад» [10, с.184].

5) Вобаста ба шакли ҳуқуқӣ (сарчашмаи ҳуқуқӣ) меъёрҳои коллизии ба меъёрҳои коллизии миллӣ-ҳуқуқӣ ва байналмилалӣ-ҳуқуқӣ тақсим мешавад. Чунин таснифот аз нигоҳи пайдоиши меъёрҳои коллизии низ пешниҳод мешавад. [7,

с. 90-92] Меъёри коллизии миллӣ-ҳуқуқӣ дар қонунгузори кишварҳои гуногун мустаҳкам карда шудааст. Меъёрҳои коллизии байналмилалӣ-ҳуқуқӣ дар шартномаи байналмилалӣ ва одати байналмилалӣ дарҷ ёфтааст.

б) Аз нигоҳи аҳамият меъёрҳои коллизии ба генералӣ (асосӣ) ва субсидиарӣ (иловагӣ), умумӣ ва махсуси пайвасти коллизии тақсим мешаванд.

Меъёри коллизии генералӣ (пайвасти коллизии) муқаррар мекунад, ки дар навбати аввал кадом ҳуқуқ (асосӣ) татбиқ мешавад. Мисол, моддаи 1219 КГ ҚТ «созиши тарафҳои шартнома» меъёри коллизии генералӣ, меъёри коллизии субсидиарӣ (иловагӣ) татбиқи ҳуқуқи «иловагӣ»-ро дар ҳолатҳои мушаххас пешниҳод мекунад. Мисол, қисми 1 моддаи 1219 КГ ҚТ «Ҳангоми набудани созишномаи тарафҳои шартнома дар хусуси татбиқи ҳуқуқ» ба ҳамин гуна шартнома ҳуқуқи кишваре, ки дар он яке аз тарафҳо таъсис ёфтааст, истикоматгоҳ ё макони асосии фаъолият дорад ва:

- а) дар шартномаи хариду фурӯш – фурӯшанда;

Пайвасти коллизии умумӣ – ин умумӣ барои ҳамаи низомҳои ҳуқуқи ҷаҳон қоидаҳои коллизии мебошад, ки дар ҳама бахшҳои ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ татбиқ мешавад.

Пайвасти коллизии махсус бевосита дар институт ва зерсоҳаи ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ дарҷ ёфтааст. Дар мисол оварда шудааст: «Дар шартномаи хариду фурӯши фурушанда» пайвасти коллизии махсус аст. Дар ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ меъёрҳои коллизии ҳамроҳкунанда ё вобастабуда (сопутствующие), кумулятсия, чандерӣ (гибких) ва дурушт (сахт, қавӣ - жёстких) истифода мешаванд.

Меъёри коллизии ҳамроҳкунанда чунин меъёре мебошад, ки пайвасти он ба ҳуқуқи кишваре ҳавола мекунад, ки ин муносибатро танзим менамояд. Мисол, муқаррароти моддаи

1224 КГ ҚТ: «асосҳои ситондан, шартҳо ва тартиби маблағгузоронӣ ва ҳамчунин андозаи ғоизҳо оид ба уҳдадорихои пулӣ бо ҳуқуқи кишваре, ки бояд бо уҳдадории дахлдор татбиқ шаванд, муайян карда мешавад».

Пайвасти меъёри коллизии кумулятсия дар чунин ҳолате ба вучуд меояд, ки ташкили меъёрҳои коллизии дар чунин навъ сураг гирифтааст, ки дар танзими ин муносибат қонунгузори ду ва зиёда кишварро ногузир ба инобат гирифта мешавад. Мисол, муқаррароти қисми 2-юми моддаи 167 Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон: «шартҳои ақди никоҳ дар қаламрави Ҷумҳурии Тоҷикистон барои ҳар шахси никоҳшаванда дар асоси қонунҳои давлате, ки дар лаҳзаи ақди никоҳ ӯ шахрванди он давлат мебошад, бо риояи талаботи моддаи 14 Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бобати ҳолатҳое, ки монетаи ақди никоҳ мегардад, муайян карда мешаванд».

Меъёри коллизии чандирӣ чунин меъёре мебошад, ки ба суд дар вақти баррасии мавзӯ салоҳиятро дар баҳши интиҳоби ҳуқуқе, ки дар танзими ин муносибат робитаи (вобастагии) зич дорад мебахад. Ба ин мисол мешавад ҷумлаи дуҷуми қисми авали моддаи 1200 КГ Ҷумҳурии Тоҷикистон: «Ҷангоми дар шахс мавҷуд будани ду ва ё зиёда шахрвандӣ, қонуни шахсӣ, ҳуқуқи ҳамон кишвар ҳисобида мешавад, ки шахс дар он бештар истиқомат мекунад».

Меъёри коллизии дурушт ё саҳт (қавӣ) чунин меъёри коллизии мебошад, ки аниқ ва дақиқ интиҳоби татбиқи ҳуқуқро дар ин муносибат пешбинӣ мекунад. Мисол, банди 3 қисми 1-уми моддаи 1200 КГ Ҷумҳурии Тоҷикистон: «Агар шахс шахрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва давлати хориҷиро дошта бошад, қонуни шахсии ӯ ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад».

Литература:

1. Ануфриева Л.П. Международное частное право. ВЗ-х т. Том 1. Общая часть: Учебник. – М.: БЕК, 2000.
2. Гаврилов В.В. Международное частное право: учебник. – М.: Норма, 2006.
3. Галенская Л.Н. Международное частное право: учебное пособие. – Л.: Ленинградского ун-та, 1983.
4. Данилочкина О.А. Международное частное право в вопросах и ответах: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2016.
5. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право: учеб. – М.: Проспект, 2004.
6. Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право. Практикум: учебное пособие. – М.: Эксмо, 2007.
7. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник. – М.: Международ.отношения, 2009.
8. Кузнецов М.Н. Введение в международное частное право: теоретико-правовое исследование: монография. – М.: РУДН, 2014.
9. Менглиев Ш. Международное частное право: учебник. – Душанбе: ТНУ, 2013.
10. Тафсири Кодекси граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қисми сеюм / Зери таҳрири профессор Раҳимов М.З. – Душанбе, 2013.

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Абдуллоев А.Р.,

соискатель первого курса Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан

E-mail: asliddin76@mail.ru

Научная специальность: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Научный руководитель: Мухаммад Абдурахмон, доктор политических наук, профессор

Аннотация: В статье рассматривается тенденция развития религиозно-политического экстремизма в странах Центральной Азии на современном этапе, выявляются его отличительные черты в суверенных государствах региона, дается прогноз возможных негативных последствий влияния внешних и внутренних факторов на ситуацию в центральноазиатских государствах.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, радикализация, религиозно-политический экстремизм, религия, духовенство, хаос, недовольство, протест, напряженность, противодействие экстремизму.

ТАМОҶУЛИ ИНКИШОФИ ЭСТРЕМИЗМИ ДИНӢ-СИЁСӢ ДАР ДАВЛАТҲОИ ОСИӢИ МАРКАЗӢ

Абдуллоев А.Р.,

уновҷӯи соли якуми Институти фалсафа, сиёсат ва ҳуқуқи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон

E-mail: asliddin76@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 23.00.04 – мушкилоти сиёсии муносибатҳои байналмилалӣ, рушди ҷаҳонӣ ва минтақавӣ

Роҳбари илмӣ: Мухаммад Абдурахмон, доктори илмҳои сиёсӣ, профессор

Физиурда: Дар мақолаи мазкур тамоҷули рушди экстремизми динӣ дар кишварҳои Осӣи Марказӣ дар марҳилаи кунунӣ ва хусусиятҳои фарқкунандаи он дар кишварҳои соҳибхитӣри минтақа мавриди баррасӣ қарор дода шуда, оқибатҳои номатлуби он барои кишварҳои мазкур пешгӯӣ гардидааст.

Калидвожаҳо: экстремизм, терроризм, радикализм, экстремизми динӣ-сиёсӣ, дин, религиозно-политический экстремизм, религия, диндорон, бесарусомонӣ, норозигӣ, эътироз, шиддат, муҳолифати экстремизм.

TENDENCY FOR DEVELOPMENT OF RELIGIOUS AND POLITICAL EXTREMISM IN CENTRAL-ASIAN COUNTRIES

Abdulloev A.R.,

a first-year candidate of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the

Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan,
E-mail: asliddin76@mail.ru

Scientific specialty: 23.00.04 – political problems of international relations and global and regional development

Research advisor: Muhammad Abdurahmon, doctor of political sciences, professor

Abstract: The article analyzes prerequisites for the emergence of religious and political extremism in the countries of Central Asia on a modern stage, reveals its distinctive features in the sovereign regional states, and makes forecast of possible negative consequences of the influence of external and internal factors on the situation in the Central Asian states.

Keywords: extremism, terrorism, radicalization, religious and political extremism, religion, clergy, chaos, discontent, protest, tensions, counteraction to extremism.

Проблема распространения религиозно-политического экстремизма всегда была и остается актуальной для стран Центральной Азии. В первую очередь это объясняется высокой религиозностью населения, трансграничностью государств региона с нестабильным Афганистаном, обострением социально-экономических проблем, низкой трудовой занятостью работоспособного контингента граждан, жестким режимом государственного правления и другими факторами, способствующими образованию различных очагов социальной напряженности и протестного настроения.

Для того чтобы как можно глубже разобраться в проблеме, следует обратиться к истории. Так, в конце XIX века (с проникновением Имперской России в регион) и вплоть до 30-х годов, когда в Центральной Азии началось формирование советской государственности, среди населения стало зреть протестное настроение, что и привело позднее к радикально-экстремистскому противостоянию в обществе. После Великой Отечественной Войны Советское правительство всячески старалось искоренить теологическую идеологию и подавить религиозные убеждения граждан, что, естественно, порождало скрытое, а иногда и явное, выражение недовольства. Начиная с 70-х годов в странах Центральной Азии тайно начали создаваться различные религиозно-

политические структуры, которые со временем перешли на экстремистские и радикальные позиции, а после 1990-х годов вошли в открытую конфронтацию с властью. В 1980-е – 1990-е гг. «афганский фактор» начал оказывать определяющее внешнее влияние на распространение религиозно-политического экстремизма на центральноазиатском пространстве, особенно после распада СССР.

Изучение процесса исторического развития религиозно-политического экстремизма в странах Центральной Азии свидетельствует о том, что его границы значительно расширились. Что касается раннего периода развития этого явления, то он изучен достаточно хорошо. Поэтому мы решили проанализировать как религиозно-политический экстремизм развивался, начиная с 90-х годов XX в. и вплоть до 2017 года, и какие факторы обусловили его активизацию. По нашему мнению, главную роль в этом сыграли социально-политические и общественные процессы 1990-2000-х гг., ставшие основными катализаторами кардинального обострения религиозно-политического экстремизма в государствах Центральной Азии.

Необходимо подчеркнуть, что религиозно-политический экстремизм в каждом государстве региона имеет свои специфические черты и обусловлены они в первую очередь уровнем социально-экономического развития,

исламизации населения, характером политических отношений в стране, ее геополитическом расположении и т.д. Однако эволюция данного феномена в разных государствах имеет много схожих факторов, присущих большинству стран региона. Правда, о Туркменистане и том, какая ситуация с религиозно-политическим экстремизмом сложилась в этой стране, мы информации не имеем в силу изоляционистской политики, проводимой ее руководством. Поэтому мы ограничимся анализом развития религиозно-политического экстремизма в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане.

После приобретения странами региона государственной независимости в 90-е годы XX века, вектор их исторического развития резко изменился, а вместе с ним изменились и многие цели и формы рассматриваемого нами явления. Смена этих целей и форм определялась теми катаклизмами, которые происходили на каждом этапе социально-политического становления и развития религиозно-политического экстремизма.

Первый этап охватывает 1991-1999 гг. Это было время становления и укрепления государственной независимости центральноазиатских республик, не имеющих собственного практического опыта борьбы с такими крайне негативными явлениями, как экстремизм, радикализм, терроризм. В указанный период Таджикистан был охвачен гражданской войной, после которой он еще долго излечивал раны. В эти же годы правительства Узбекистана и Казахстана старались не вмешиваться в религиозную жизнь общества, пытались найти компромисс с духовенством, чтобы склонить его на свою сторону, и таким образом повлиять на религиозно-духовную жизнь граждан. В итоге при такой компромиссной политике, экстремистские идеи и взгляды достаточно быстро стали распространяться среди населения этих республик. Приверженцы и последователи этих идей не замедлили появиться. Что ка-

сается Кыргызстана, то здесь религиозно-духовной жизни общества практически не уделялось внимания. Республика избрала другой путь – реализация политики «европейского демократизма».

Следует добавить, что вследствие репрессивной политики Советского Союза, обретшие независимость страны региона столкнулись с такой проблемой, как объективное ослабление традиционного ислама, нехватка квалифицированных кадров духовенства (имамов-проповедников, преподавателей, ученых-богословов, знатоков шариата и других исламских наук). К примеру, в Казахстане из 3 800 имамов только около половины имели более или менее достаточный уровень религиозных знаний. В результате политики открытости и демократии, проводимой в бывших советских центральноазиатских республиках, в регионе активизировались нетрадиционные исламские течения. Импорт новых религиозных идей, в том числе радикального и экстремистского толка, крайне обострили социально-политическую ситуацию.

Нехватка квалифицированных кадров мусульманского духовенства на фоне роста интереса граждан к религии, отсутствие местных религиозных учебных заведений, привели к тому, что для получения религиозного образования верующие люди стали выезжать за рубеж. В этот период ни Таджикистан, ни Кыргызстан, ни Казахстан, ни Узбекистан не имели опыта организации заграничного обучения своих граждан, тем более теологического. Этот процесс приобрел хаотичный характер. Многие граждане самоинициативно выехали на учебу в теологические учебные заведения Саудовской Аравии, Египта, Пакистана, Ирана. Кто-то из них обучался в известных исламских учебных центрах (Аль-Азхар и др.), а кто-то предпочел учебу в малоизвестных, сомнительных учебных заведениях, где чаще всего обучались радикальному толку в исламе, идеологии «чистого ислама».

Особенно это было актуально для граждан Таджикистана, которых нестабильная общественно-политическая ситуация в стране, отсутствие возможности получения общего или религиозного образования, вынужденная миграция (1994-1997 гг.) в Афганистан, Узбекистан, Туркмению и Казахстан заставили поступать в сомнительные теологические учебные заведения. Для многих это оказался единственно возможный путь получения хотя бы какого-то образования, а еще и физического выживания. Узбекистан также столкнулся с ростом интереса граждан к религии, особенно среди жителей Ферганской долины, что привело к оттоку граждан в теологические заведения исламских государств, проникновению в регион различных радикальных исламских организаций, формированию мощной протестной базы среди неформального духовенства. Эти обстоятельства мало коснулись Казахстана и Кыргызстана, население которых было многоконфессиональным и не столь религиозным. Влияние религии на общественную жизнь граждан этих государств было относительно слабым, но на последующих этапах развития религиозно-политического экстремизма роль религии в этих странах стала постепенно доминировать в общественной жизни.

В 1990-е годы в Центральной Азии начали активную религиозно-экстремистскую деятельность различные религиозные течения вахабитского толка, в частности «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»). Это была наиболее многочисленная и динамично расширяющаяся экстремистская организация. Сформировалась она в начале в Узбекистане, а затем распространилась и в Таджикистане, и в Кыргызстане, и в Казахстане. К концу 90-х годов о себе заявило Исламское движение Узбекистана (ИДУ, впоследствии переименованное в Исламское движение Туркестана), весьма популярное в местах компактного проживания узбекоязыч-

ного населения Ферганской долины. Его приверженцами стали многие члены запрещенных в Узбекистане политических партий и движений, таких как «Адолат уюшмаси» («Общество справедливости»), «Исламская партия возрождения», «Исламская партия Туркестана», «Исламом Лашкарлари» («Воины Ислама») и др.

Помимо вышеупомянутых основных экстремистских организаций, в регионе Центральной Азии, пусть и не так активно, действовали также такие экстремистские религиозно-политические организации, как Исламское движение Восточного Туркестана, Исламская организация освобождения Восточного Туркестана, Акрамия и др. Потенциальный интерес к региону начал проявлять и ряд известных террористических организаций, в том числе Аль-Каида, Движение Талибан, Исламский Джихад. Изложенное свидетельствует о том, что с приобретением независимости страны Центральной Азии столкнулись с комплексом угроз террористической и экстремистской направленности, напрямую угрожающих их национальной безопасности.

В 90-е годы XX в. основным «двигателем» распространения религиозно-политического экстремизма в Центральной Азии был «афганский фактор». Именно в Афганистане находило себе убежище радикальная и экстремистская оппозиция официальным властям стран региона, именно отсюда экстремистские силы получали пропагандистскую литературу и материальную помощь, и именно здесь проходили практическую экстремистскую подготовку последователи радикального ислама. Следует отметить, что Движение Талибан целенаправленно использовало таджикских, узбекских, кыргызских, казахских граждан и радикальные религиозные группировки в качестве инструмента воздействия на власти центральноазиатских государств, добиваясь от них лояльности и официального их признания в качестве легитимного режима.

Наибольшее влияние на процесс распространения религиозно-политического экстремизма в центральноазиатском регионе «афганский фактор» оказал в 1994-2001 гг., когда в Афганистане у власти было Движение Талибан. В указанный период территория этого государства стала мировым центром подготовки экстремистских и террористических сил, своеобразной штаб-квартирой глобального распространения экстремистской идеологии.

«Афганский фактор» в период правления Движения Талибан и вплоть до сентября 2001 г. оказывал на происходящие в Центральной Азии процессы, связанные с распространением экстремистской идеологии, двойное влияние. С одной стороны, религиозно-политические экстремистские силы региона (Объединенная таджикская оппозиция, Исламское движение Узбекистана и др.) под влиянием «афганского фактора» становились организованными, обученными и влиятельными силами, а с другой, такая трансформация заставила власти стран региона по-новому увидеть, осознать опасность экстремизма и терроризма, пересмотреть свою политику и гораздо серьезнее подойти к этой проблеме, принять более адекватные меры, в том числе превентивные, что способствовало большей эффективности в реализации политики региональной и национальной безопасности.

Рост экстремистских проявлений в Таджикистане, приведших к гражданской войне и кризису власти, вплоть до 1998-2000 годов, объясняется высокой религиозностью населения страны, активной подрывной деятельностью влиятельного исламского духовенства, социально-экономическими проблемами, слабой политической властью, клановыми и региональными противоречиями в обществе, наличием легальной исламской оппозиции. Одновременно с активизацией деятельности религиозно-политических экстремистских организаций в стране усилилось влияние и деструктивная активность Партии Исламского Возрождения

Таджикистана (ПИВТ), движений «Растохез» и «Лаъли Бадахшон», рвущихся к власти.

При этом ПИВТ, функционируя вполне официально, наладила тесные контакты с экстремистскими группировками вахабитского толка, принимая в свои ряды как «вахабитов», так и другие радикальные элементы. Также развитие ситуации в Таджикистане, с одной стороны, снизил влияние других религиозно-политических экстремистских организаций, а с другой, обусловило формирование мощной легальной политической структуры религиозно-экстремистского толка, действовавшей до 2015 г. Гражданская война в Таджикистане и деятельность ПИВТ показали, как легко можно манипулировать религиозными убеждениями граждан для продвижения политических целей. Так, британская исследовательница А. Зелкина писала: «развившаяся гражданская война продемонстрировала, как легко экономические, социальные и региональные конфликты обретают религиозную окраску, и, наоборот, если ислам мобилизуется как идеологическое прикрытие социальных или экономических выступлений, внутренние конфликты могут обрести всеобщую притягательность и получить значительную поддержку». Лишь благодаря мудрой политике Эмомали Рахмона, заинтересованному содействию ключевых региональных игроков и доброй воле таджикского народа мир и стабильность в республике все же были восстановлены.

Для Узбекистана на данном этапе характерным были «заигрывание», а в последующем и репрессивная политика власти по отношению к религиозным деятелям и организациям, оппонировавшим официальной политике. Такое отношение к «оппонентам» было обусловлено стремлением И. Каримова укрепить светскую составляющую власти с учетом развития ситуации в соседнем Таджикистане, где религиозное духовенство существенно осложнило процесс управления государством. При реальной угрозе фор-

мирования сильной оппозиции в лице радикальных исламистов, опасности дестабилизации обстановки в стране, возможной смены политической власти И. Каримов перешел с либеральных позиций по отношению к религии к реализации жесткого авторитарного режима правления, чтобы избежать повторения таджикских событий внутри Узбекистана. Такой подход к происходящим в республике процессам позволил сохранить относительную стабильность как в Узбекистане, так и сбалансировать общественную ситуацию во всем центральноазиатском регионе. Со временем ситуация поменялась, и причем в негативную сторону. Так, в феврале 1999 г. произошли взрывы пяти автомобильных бомб в центре Ташкента, в результате которых погибли 20 человек и более 120 получили ранения. Ответственность за эти акты была возложена на ИДУ.

В первые годы своей независимости Казахстан начал проводить сбалансированную религиозную политику, своевременно реагировать на внешние факторы распространения религиозно-политического экстремизма. Благодаря этому страна смогла на некоторое время обезопасить себя от проявлений экстремистского характера, обеспечить внутреннюю стабильность. Этому способствовали традиционно низкий уровень исламизации казахского этноса, слабая религиозность, разнородность населения, относительная его толерантность, межэтническое и межконфессиональное согласие в обществе.

В 1991-1999 гг. в центральноазиатском регионе, можно сказать, произошло организационное становление приверженцев «чистого ислама» («Акрамия», «Адолат», «Товба», «Ислам лашкарлари»), увеличилась численность членов и сторонников экстремистских организаций, вливание на общественную жизнь региона нетрадиционных течений ислама («Вахабия», «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами») приобрело устойчивый ха-

рактер. Именно в этот период резко активизировался исламский фактор в странах региона, что привело к формированию широкой религиозно-ориентированной среды, опирающейся на новые нетрадиционные религиозные идеи. Все вышеизложенное способствовало проникновению извне и широкому распространению различных экстремистских организаций в Центральной Азии. По сути, в 90-е годы были созданы условия для формирования религиозно-политического экстремизма, постепенного перехода его поборников от информационно-пропагандистской и организационной деятельности, накопления сил и средств к осуществлению собственно экстремистских акций.

Этому благоприятствовали междоусобная война в Таджикистане (когда власти было не до контроля религиозной жизни), «заигрывание» властей Узбекистана и Казахстана с религиозными лидерами, некоторая растерянность официальных властей региона перед активизацией религиозной и конфессиональной политики, опора на исламские ценности в реализации политических целей, потеря контроля над ситуацией, возрастание авторитета духовенства, региональная раздробленность.

Второй этап развития экстремистских настроений в регионе пришелся на 1999-2013 гг. В эти годы руководство республик Центральной Азии приходит к осознанию серьезности угрозы экстремизма и терроризма. Толчком к этому послужили серия террористических атак в 1999 г. в Узбекистане, вторжение боевиков ИДУ в г. Баткент Кыргызстана, а затем и террористическая атака на США, которая перед странами Центральной Азии и всем мировым сообществом поставила наиважнейшую задачу - необходимость начать мировую антитеррористическую кампанию. События 11 сентября 2001 г. в США показали, что терроризм и экстремизм превратились в мощную угрозу мирового масштаба, от которой не застраховано ни одно государство и ко-

торая требует консолидации сил всех государств.

Однако вторжение антитеррористического контингента под эгидой США в Афганистан не только не ослабило угрозу экстремизма в регионе, но, наоборот, привлекло внимание деструктивных сил к Афганистану, в котором они увидели плацдарм для террористической и экстремистской активности, арену теоретической и практической подготовки боевиков, возможность материального и финансового обогащения. В итоге борьба за «веру», «чистоту ислама» и «за угнетенных мусульман» еще более ожесточилось. В то же время возрос геополитический интерес США, Европейского Союза, Индии и других могущественных стран к государствам Центральной Азии не только как к базе снабжения и переброски антитеррористических сил, но и как богатому энергетическими ресурсами региону, не освоенному природному потенциалу, зоне интересов России и других игроков. В силу этого, экстремистские силы стали рассматривать центрально-азиатские страны как «союзников США», своих врагов и врагов ислама.

На данном этапе политическая власть в постконфликтном Таджикистане начала постепенно укрепляться, происходящие здесь общественно-политические процессы стали более управляемыми. Страны региона стали играть значимую роль в антитеррористической компании, постепенно продвигая свои внутренние и внешнеполитические интересы. Для предотвращения проявлений экстремизма они начали контролировать различные исламские объединения, приступили к упорядочению деятельности религиозных организаций, усилили профилактическую работу по пресечению распространения радикальных идей, ужесточили контроль обучения граждан в духовных учреждениях за границей.

Несколько своеобразная ситуация сложилась в эти годы в Казахстане и Кыргызстане, население которых (в отличие от Узбекистана и Таджикистана) было менее религиозным. В этих

республиках высокообразованное мусульманское духовенство практически отсутствовало, в них проводилась относительно либеральная религиозная политика, в жизни людей существенное место занимали традиции и обычаи. Так продолжалось до 1999-2000 гг., пока на юг Кыргызстана, в Баткент не вторглись боевики Исламского Движения Узбекистана (ИДУ), что привело к активизации местных радикальных организаций, изменению взглядов политического руководства на религиозную жизнь общества.

С этого времени интерес населения Казахстана и Кыргызстана к религии постепенно начинает расти под влиянием деятельности различных исламских религиозно-экстремистских организаций. Сложившиеся здесь условия, к примеру, способствовали появлению и расширению влияния религиозных течений «Вахабия», «Даават-ул-Таблиг» и «Салафия», пропагандирующих идеи о всеобщем равенстве, благосостоянии, «чистоте ислама», что, в конечном итоге, привело к распространению религиозно-политических экстремистских идей среди населения.

Баткентские события 1999-2000 гг., а также «цветные революции» в Кыргызстане в 2005 г. и 2010 г. свидетельствовали о нестабильности общественно-политической ситуации внутри Кыргызстана, о неспособности органов власти противостоять очагам напряженности, негативным процессам в обществе, в том числе и расширению влияния религиозно-политических экстремистских сил. Вследствие этого, только в 2006 г. в Киргизии было зарегистрировано 130 фактов проявления религиозного экстремизма.

Особую популярность в Центральной Азии приобрели такие течения, как «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», «Салафия» и «Даават-ул-Таблиг», последователи которых вели агитацию среди общин мусульман за «очищение ислама», призывали массы ко всеобщему совершению молитв, достижению политических целей мирным

путем, говорили об упорядочении религиозных и традиционных обрядов, сокращении расходов на проведение традиционных мероприятий, что находило отклик в душах граждан.

Анализируемый нами период все еще характеризовался относительной терпимостью государственной власти к религиозно-духовной составляющей общественной жизни. Власти республик региона хотя и контролировали происходящие процессы, но не сильно вмешивалась в религиозную жизнь граждан, что послужило возрастанию активности религиозно-конфессиональных течений, появлению и распространению «мирных» форм религиозной агитации в лице последователей «Даават-ул-Таблиг» и «Салафия». Религиозная деятельность духовенства, открытие новых религиозных заведений и объединений никак не ограничивались. Граждане могли свободно исповедовать свою веру, посещать религиозные заведения, слушать и обсуждать религиозную пропаганду, строить мечети и храмы, высказывать свои религиозные убеждения.

Однако к концу отмеченного периода часть сторонников «Салафия» и «Даават-ул-Таблиг» и особенно «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» перешли к лозунгам о насильственной реализации «чистого ислама», о воплощении в жизнь концепции т.н. «малого джихада», вооруженной борьбы против неверных, избавления мусульманской религии от не свойственных первоначальному исламу обрядов и ритуалов, отказу от взимания крупных сумм за совершение различных религиозных обрядов, изгнанию из мечетей духовных лидеров старого порядка. При этом, конечно, преследовались и корыстные цели – утверждение своего авторитета, устранение соперников, захват позиций духовных лидеров старого толка и в конечном счете - борьба за власть и привлечение на свою сторону массы верующих. Одной из целей лидеров экстремистских течений было внедрение законов шариата в нормы светского права, обязательные к ис-

полнению населением. Идея создания исламского государства стала приобретать реальные черты. Все это вызвало жесткую реакцию государственной власти.

Четвертый этап – 2013 г. – по настоящее время. В этот период начался постепенный переход экстремистов к террористическим методам борьбы. С увеличением численности своих приверженцев религиозно-политические экстремистские силы от религиозно-идеологического противоборства со светским государством перешли к вооруженной борьбе. Растущая среди населения популярность агитаторов «чистого ислама» и постепенный их переход на радикально-экстремистские позиции на фоне ослабления авторитета государственной власти, вызванного социально-экономическими трудностями, кризисными явлениями в экономике, постепенным «присвоением» власти одной элитарной средой, привели к конфронтации «светская власть-религия».

Специфической чертой третьего периода стала жесткая репрессивная политика всех властей региона по отношению к религии, религиозным авторитетам и организациям, в которых власть начала видеть усиливающуюся оппозицию и угрозу. Резко увеличались внутренние и внешние миграционные потоки, которые правоохранительные органы оказались не в состоянии контролировать. Деятельность органов исполнительной власти в сфере профилактики религиозно-политического экстремизма оказалась малоэффективной. Реальное противодействие распространению экстремизма так и не стала приоритетным направлением в деятельности местных администраций и органов самоуправления областей региона.

Для светской политической власти стран региона, в частности Узбекистана и Таджикистана, растущая активность и популярность религиозного духовенства, представителей нетрадиционных течений (особенно «Салафия») стала явно противоречить интересам развития

страны. Начался процесс жесткого контроля религиозной жизни общества, преследования духовных авторитетов, лишения их электората, замены на лояльных мусульманских духовников (не всегда имеющих авторитет и поддержку среди граждан), что вызвало протестную реакцию, в том числе и в радикальной форме.

Как мы уже писали, в 2000-е годы граждане Казахстана и Кыргызстана гораздо активнее стали обращаться к религии и религиозному образованию. Помогали им в этом не только религиозные деятели, литература. Например, в Таджикистане, во время миграции в Россию, Египет, Турцию их стали «образовывать» представители реакционной части нетрадиционного духовенства.

Сложность ситуации в Кыргызстане заключается в том, что, несмотря на негативный опыт Таджикистана и Узбекистана, руководство страны продолжает проводить либеральную религиозную политику, способствующую расширению активности таких религиозно-экстремистских течений, как «Даават-ут-Таблиг», влиянию исламского фактора на политическую жизнь страны, увеличению приверженцев религиозно-экстремистских течений, особенно в южных регионах республики, ослаблению контроля над развитием ситуации. В стране ощущается серьезный кризис в сфере религиозного образования. Традиционный институт мусульманского образования оказался неспособным объединить вызовы современности и ислам, что характерно для всех стран региона. В настоящий момент в Кыргызстане можно наблюдать активную подпольную деятельность многих экстремистских течений - «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», «Даават-ут-Таблиг», «Вахабия», «Салафия» и др. Заявила о себе в Кыргызстане и проблема противодействия уйгурскому сепаратизму. Конечно, правительство страны старается как-то контролировать религиозную сферу жизни граждан, повысить теологическую образованность населения, ре-

шать проблемы религиозного характера и сузить сферу активности религиозных течений, однако ощутимых положительных результатов принимаемые меры не приносят. Если так будет продолжаться и дальше, то религиозно-политические экстремистские организации могут существенно осложнить обстановку в Кыргызстане, привести к локальным конфликтам.

В Казахстане также прослеживается распространение религиозно-политического экстремизма, объективные и субъективные предпосылки усиления радикально-религиозных настроений в казахстанском обществе уже становятся явными. Интерес населения (особенно молодежи) к исламу на фоне снижения численности немусульманских наций и конфессий растет, как растут и протестное настроение и экстремистская активность граждан. Об этом свидетельствует тот факт, что только в течение 2011-2012 гг. на территории Казахстана были совершены 14 терактов, а июньские события 2016 г. в г. Актобе Актюбинской области Казахстана значительно активизировали деятельность «спящих ячеек» реакционных религиозных течений исламского толка в республике.

В настоящее время лидирующие позиции в регионе среди религиозно-политических организаций экстремистской направленности занимают «Салафия», «Даават-ут-Таблиг», «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», которые структурно и идеологически уже вполне сформированы, имеют опыт легальной и нелегальной работы, пропагандируют «мирные» способы достижения целей, продвигают идеи «справедливого исламского правления», сокращения традиционных религиозных расходов, чем находят поддержку среди населения. Но если ранее они стремились привлечь как можно больше населения в свои ряды, захватить власть «мирным» путем, то сегодня они сменили тактику, перешли к агрессивным и насильственным действиям.

Зона действия религиозно-политических экстремистских сил постоянно расширяется. Раньше экстремистские идеи распространялись, главным образом среди населения Ферганской долины (Согдийская область Таджикистана, Фергана, Наманган и Андижан Узбекистана, Ош и Желалабад Кыргызстана), а сегодня деятельность экстремистов распространяется на всю территорию Центральной Азии (Ферганская долина Узбекистана, Южно-Казахстанская область Казахстана, практически вся территория Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана).

Сильным внешним катализатором противоборства «светская власть-религия» стало появление на мировой арене религиозно-террористической организации «Исламское Государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ, впоследствии –Исламское государство - ИГ) дислоцирующуюся на территории Сирии и Ирака. Свои планы ИГ стремиться реализовать путем совершения массовых терактов, создания всеобщего хаоса, объявления всех и всякого «неверным», а значит заслуживающим смерти, и привлечения тем самым широкого внимания к проблеме экстремизма и терроризма.

Если раньше основную внешнюю угрозу странам региона представляли экстремистские силы, базирующиеся в Афганистане («афганский фактор»), то сегодня его место начал занимать «ирако-сирийский фактор». За последние годы число иностранных боевиков в Сирии и Ираке достигло, по разным данным, почти 50 тысяч. Из них около 6 тысяч боевиков прибыли на Ближний Восток из стран СНГ, в том числе из республик Центральной Азии. При этом значительная часть таджиков, узбеков, казахов, киргизов (трудовые мигранты) вербуются на территории России.

На данном этапе значительную трансформацию претерпела и сама сущность религиозно-политического экстремизма. Деятельность ИГ привела к тому, что религиозно-политический экстремизм стал угрозой мирового

масштаба, стирая границы между всеми государствами, Западом и Востоком, религиями и конфессиональными учениями. Экстремизм начал носить насильственный, воинствующий характер. В экстремистскую деятельность начали втягиваться как граждане исламского мира, так и европейских государств. Акты террора происходят и в странах Востока, так и в государствах Запада. С появлением ИГ террористические и экстремистские акции в Сирии, Ираке, Турции и других странах дальнего зарубежья непосредственно или опосредственно стали негативно отражаться на общественной ситуации всех стран, включая и центральноазиатские республики.

Характерной чертой современного религиозно-политического экстремизма и экстремистских организаций является то, что они включили в свой арсенал наиболее агрессивные формы проявления крайностей на пути достижения политических целей и реализации своих амбиций, допуская акты насилия, убийства общественных и политических деятелей и частных лиц, повреждения или полного уничтожения различной собственности, хаоса и т.д. Сейчас границы между экстремизмом и терроризмом практически стерлись. С одной стороны, этому способствует мировая тенденция глобализации, а с другой, изменение правил политической борьбы, где противоборствующие стороны часто игнорируют моральные ценности и традиционные правила политической борьбы. В то же время, если раньше «центрально-азиатские экстремисты» ставили своей целью борьбу с конкретными политическими режимами региона (к примеру, ИДУ против Узбекистана, «Джамаат Ансуруллох» против Таджикистана и т.д.), то с расширением глобализационных процессов, под влиянием международных террористических сообществ и под покровительством заинтересованных сверхдержав они слились с международными экстремистскими организациями. Их приоритеты изменились, главной целью стала реализация

мировой экстремистской политики во всех центральноазиатских странах.

Практика последних лет показывает, что даже экономически развитые западные государства, имеющие в арсенале высоко развитую систему мер безопасности, не застрахованы от проявлений экстремистского и террористического характера, не говоря уже о центральноазиатских странах, которые имеют множество нерешенных проблем. Причина сложившейся ситуации, на наш взгляд, кроется в том, что для нынешних экстремистских организаций важна не идейная составляющая их действий, а размах разрушительной силы и сам факт устрашения как можно большего количества граждан. Если раньше экстремистские силы направляли свой гнев на конкретных противников в лице представителей государства и власти, исходя из своих идейных побуждений, то сегодня какая-либо единая схема в их действиях отсутствует, они выбирают своих жертв хаотично, используют новые способы и средства террора. Подтверждением этому служат наезды на граждан с использованием грузовых автомобилей в Германии, Швеции, Великобритании.

На данный момент в странах Центральной Азии проявляются схожие факторы, благоприятствующие распространению религиозно-политического экстремизма. Это – растущая бедность населения, проблема занятости трудоспособного населения, рост безработицы, вынужденная трудовая миграция, коррупция, передел власти между узкой элитарной средой или кланом, отсутствие эффективной государственной идеологии, тотальный контроль общественной жизни граждан, жесткое подавление оппозиции, силовое решение возникающих проблем, гонения на религиозное духовенство, вытеснение его из общественной жизни и лишение трибуны, высокий уровень религиозности населения, увеличение количества представителей неформального духовенства, регулирование религиозных обрядов и привычек граждан, а также

влияние «афганского» и «иракско-сирийского» факторов.

В целом анализ развития религиозно-политического экстремизма в странах Центральной Азии показывает, что, несмотря на определенную стабильность общественно-политической ситуации, отдельные факторы внутреннего и внешнего характера в среднесрочной и долгосрочной перспективах могут активизировать деятельность различных экстремистских религиозно-политических организаций, привести к пробуждению «спящих ячеек», напрямую угрожать национальным и региональным интересам государств региона.

В итоге мы пришли к следующим выводам:

- отсутствие положительной динамики реформ в финансовой, социально-экономической и политической сферах может привести к постепенному росту протестного настроения среди населения, часть которого может обратиться к решению возникающих трудностей через идеологию ислама, встав на радикальные и экстремистские позиции. Этот процесс может привести и к тому, что исламская тематика социального равенства, чистоты ислама, справедливого распределения благ вновь станет актуальной и востребованной;

- при авторитарных или тоталитарных формах государственного правления, что характерно для центральноазиатских стран, пропаганда нарастающей угрозы религиозно-политического экстремизма и призыв к жесткой борьбе с ним зачастую сводится к подавлению инакомыслия в обществе, ослаблению или полному уничтожению правительственной оппозиции и оппонентов, преследованиям и гонениям авторитетных представителей противоположного фронта и отвлечению внимания общественности от назревших политических, социально-экономических и других кризисных проблем. Эти обстоятельства в конечном итоге могут привести к дестабилизации общественно-политической си-

туации в странах региона, росту недоверия к власти, появлению и постепенному укреплению протестного настроения среди населения, значительному ослаблению региональной и национальной безопасности;

- дальнейшее продолжение репрессивной политики властей региона по отношению к религии, религиозным организациям и авторитетам, в том числе лояльным политике светской власти, может стать серьезной ошибкой властных структур, затруднить решение проблемы распространения религиозно-политического экстремизма, перевести религиозную жизнь общества на нелегальное положение, радикализировать ислам, увеличить число сочувствующих радикальным силам. Некоторые чиновники из Центральной Азии преувеличивают угрозу регионального терроризма, чтобы оправдать подавление своих политических оппонентов и независимого гражданского общества. Вместо этого для властей региона может быть более эффективной «перетащить» на свою сторону наиболее авторитетное духовенство, предоставить им трибуну и использовать их возможности для массового религиозного просвещения, устранения религиозной безграмотности, обучения традиционному исламу, религиозной и конфессиональной толерантности. Также можно разрешить внешкольное обучение детей и молодежи исламской религии в духе традиционного ханафитского мазхаба, что приведет к религиозной грамотности молодого поколения и долгосрочному эффекту;

- деятельность органов исполнительной власти на местах в сфере профилактики религиозно-политического экстремизма отличается низкой эффективностью, несмотря на жесткие требования верхних эшелонов власти. Работа по реальному противодействию распространению данного явления так и не стала приоритетным направлением в деятельности местных администраций и органов самоуправления региона. Мер правоохранительных орга-

нов явно недостаточно, основная проблема заключается в недостатке компетентных кадров (экспертов в области ислама и специалистов в исследовании проблем противодействия исламскому экстремизму);

- во всех странах Центральной Азии (за исключением Узбекистана) приближается завершающий этап - уход «старой» элиты, мирная передача власти новому, более молодому поколению, появление «новой» формы правления и обустройства государственной власти. Этот этап может привести к ослаблению процесса стабильного функционирования институтов государственной власти, закулискому противоборству политической элиты, снижению контроля за общественной ситуацией силовыми структурами, чем захотят воспользоваться радикальные и экстремистские силы, официальная оппозиция, криминальные структуры, финансовые «тяжеловесы». При этом религиозно-политические экстремистские организации могут перейти на активную подрывную деятельность, склониться в сторону той или иной продвигающейся к власти силы, укрепить собственные позиции, создать атмосферу хаоса и смуты. Отрицательные моменты при такой передаче власти могут негативным образом отразиться не только на ситуации в отдельно взятой стране региона, но и во всей Центральной Азии.

Даже мирный переход власти к новой политической элите может привести к изменению политики государства в отдельных стратегических направлениях, пересмотру кадрового состава, социально-экономическим реформам и другим изменениям, способным вызвать социальные и политические конфликты или дестабилизировать политическую ситуацию.

Мы считаем, что странам центральноазиатского региона не нужны резкие потрясения и перемены властной элиты в силу того, что общество все еще не готово к демократическому переизбранию другой новой власти, проведению коренных изменений в государ-

ственной политике, межэтническому и межклановому консенсусу. К тому же государственная власть в регионе ни политически, ни экономически, ни финансово пока не состоялась. С учетом этого, «мирная передача» власти лояльному политическому «наследнику» может стать единственно верным шагом. Но, исходя из опыта Узбекистана, «старшая элита» должна ускорить данный процесс «мирной» передачи власти;

- в дальнейшем будет расти влияние внешних факторов - как «афганского», так и «ирако-сирийского». Дальнейшее усиление противостояния России и США может существенно осложнить положительную динамику регулирования ситуации в Афганистане, привести к использованию территории Афганистана как плацдарма и инструмента давления на Россию, как рычага дестабилизации обстановки на «южных рубежах» СНГ. При этом пассивная контртеррористическая активность коалиционных сил НАТО в Афганистане, их «выжидательная» позиция по отношению к расширению масштаба боевых действий Движения Талибан может привести к еще большему осложнению ситуации в Афганистане, в том числе на границах центральноазиатских стран, что угрожает безопасности не только России, но и странам региона, с чем мы уже начинаем сталкиваться.

Следует подчеркнуть, что многие политологи угрозу расширения влияния Движения Талибан на страны Центральной Азии видят в непосредственном его прорыве в соседние государства региона. На наш взгляд, это вряд ли возможно, и даже маловероятно. Необходимо помнить, что Талибан считает себя легитимной политической силой, имеющей явную цель - завоевание политической власти в Афганистане. При таких амбициях Талибан стремится к тому, чтобы его признали на международной арене именно как легитимную политическую силу. Прорыв же на территории других государств международным сообществом будет оценен как акт агрессии, что по-

ставит Талибан вне закона и международных норм. Скорее всего опасность Талибана для региона будет заключаться в возможном прорыве экстремистских сил Афганистана из числа представителей центральноазиатских государств, действующих в том числе и под патронажем Талибан. Именно они, на наш взгляд, будут стремиться вызвать нестабильность в странах своего происхождения, действуя при этом от имени третьей силы. Еще большую угрозу будут представлять члены ИГ, количество которых в Афганистане под покровительством заинтересованных государств значительно возросло. Именно они представляют наибольшую угрозу для стран Центральной Азии, в силу своей агрессивности, отсутствия моральных и религиозных ценностей во взглядах и целях, стремящихся к широкому распространению атмосферы хаоса;

- не исключается возможность того, что продуктивная контртеррористическая операция просирийской коалиции против ИГ, его разгром в Сирии и Ираке могут привести к передислокации и переброске оставшейся части ИГ в Афганистан, Пакистан и другие «горячие точки». Последние могут стать новым плацдармом для ведения террористической и экстремистской деятельности, создания «мирового Халифата» и реализации других целей. Эта передислокация может произойти и под покровительством отдельных мировых держав, заинтересованных в еще большем разжигании очагов напряженности на южных рубежах СНГ. Хотя эти действия могут быть направлены против конкретных стран, особенно России, однако такой исход событий будет представлять еще большую опасность для всех государств Центральной Азии;

- опасность завершения сирийского кризиса и разложения ИГ заключается и в том, что многотысячный контингент экстремистов из стран Центральной Азии, прошедших подготовку и боевую выучку, под различными предлогами и прикрытием могут вер-

нуться на места постоянного жительства для совершения актов террора или на так называемое «долгое оседание». Поэтому государствам региона необходимо подготовиться к возможному возвращению данного контингента, в том числе по подложным документам, под фиктивными именами, через Россию под прикрытием трудовой миграции, через третьи страны, как относительно легально, так и нелегально, что затрудняет их международную идентификацию;

- широкая популярность в Кыргызстане уйгурского сепаратизма требует адекватного осмысления, глубокого анализа и принятия превентивных мер, а также выработки и реализации совместных мер спецслужбами региона, государств-членов ОДКБ и ШОС, направленных на вскрытие и пресечение подрывной деятельности уйгурских экстремистско-сепаратистских центров, различных уйгурских национальных центров и НПО типа «Иттипак», действующих в регионе и получающих финансовую поддержку извне. Это обстоятельство еще более актуализируется на фоне растущего экономического, финансового и инвестиционного присутствия официального Пекина в центральноазиатском регионе, увеличения количества граждан КНР в Центральной Азии, вследствие чего какая-либо угроза гражданам и объектам Китая может резко отрицательно отражаться на двусторонних и многосторонних взаимоотношениях, что мы видим на примере теракта у Посольства КНР в Бишкеке. Данная проблема до сих пор не попала в поле зрения спецслужб региона, хотя и представляет реальную угрозу распространения;

- большие запасы углеводородного сырья и полезных природных богатств Центральной Азии вызывает большой интерес у США, Евросоюза, Китая, Ирана, Пакистана, Индии и других стран. С целью контроля над территорией и обозначенными ресурсами они могут воспользоваться возможностями экстремистских и террористических организаций, создать хаос

и напряженность и под миролюбивыми лозунгами укрепить свое присутствие в регионе. Также они могут предпринять попытки использования любых противоречий между самими государствами Центральной Азии. Заметными раздражителями в этом плане становятся вопросы водопользования, а также процесс делимитации границ, в ходе решения которых любой локальный пограничный конфликт может стать поводом для «гуманитарной интервенции».

Для любого государства последствия терроризма и экстремизма в любых формах их проявления очень опасны. Эти последствия могут быть однозначно негативными по причине того, что путем создания атмосферы нестабильности, паники и страха радикальные силы добиваются роста политической напряженности, социального и межэтнического недовольства в обществе, ухудшения межгосударственных взаимоотношений.

Необходимо помнить, что любой конфликт, независимо от содержания и направленности, непременно окажет влияние на региональную и национальную безопасность всех стран Центральной Азии (пробуждение «спящих ячеек», усиление религиозно-политических экстремистских сил, активизация оппозиции, рост криминализации общества, приток беженцев, трансграничные проблемы, недовольство граждан, социальный протест и т.д.). При этом разрушительная мощь религиозно-политического экстремизма будет зависеть от того, насколько его захотят катализировать заинтересованные стороны (сверхдержавы, игроки региона, криминальные элементы, влиятельная элита, финансовые состоятельные персоны и др.). Даже если явных фактов приверженности основной части населения к религиозно-экстремистским идеям и не будет, то заинтересованные игроки при наличии реального интереса, используя свои материально-финансовые, интеллектуальные и иные возможности, вполне могут дестабилизировать Центральную

Азию путем искусственного зарождения конфликтов религиозно-политического экстремистского или иного характера. И пока превентивные

меры не будут реализованы, пропагандистские и силовые особого эффекта не принесут.

Литература:

1. Словарь иностранных слов. - 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985.
2. Тукумов Е.В. Религиозно-политический экстремизм как угроза региональной и национальной безопасности стран Центральной Азии. Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. Дисс. к.и.н. – Алматы, 2004.
3. Zelkina A. Islam and security in the new states of Central Asia: How genuine is the Islamic threat // Religion, state and society. – Keston, 1999. – Vol.27-N 3-4.
4. Богатик А. После теракта в Казахстане объявлено чрезвычайное положение. Эл. адрес: http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2016/06/08/feature-04.
5. Бондал К. Казахстанцы обеспокоены уровнем религиозных знаний среди имамов. Эл. адрес: http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/05/10/feature-01.
6. Матвеев А.В. Предупреждение транснациональных преступлений, связанных с религиозным и политическим экстремизмом: опыт международного сотрудничества (на примере государств-участников СНГ). Дисс. к.и.н. М., 2009.
7. Шустов А. Боевики для СНГ. На стороне оппозиции в Сирии воюют сотни граждан постсоветских государств. Эл. адрес: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1373434620>.
8. Ричард Вайц. О безопасности в Центральной Азии, ее новых/старых вызовах. Эл. адрес: <http://caa-network.org/archives/8680>.
9. Доолеткельдиева А. Ислам и нормы кыргызского общества – настолько ли они противоречат друг другу? Эл. адрес: <http://caa-network.org/archives/8672>.
10. Карин Е. Что произошло в Актобе и Алматы? Специфика радикализма в Казахстане. Эл. адрес: <http://caa-network.org/archives/7386>.

ПРИНЦИПҲОИ СИЁСАТИ ҲУҚУҚИ ЧИНОЯТӢ

Шарипов Т.Ш.,

профессори кафедраи ҳуқуқи чиноятӣ факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ

Сафарзода А.И.,

мудири кафедраи ҳуқуқи чиноятӣ факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент

Халиков Ш.Л.,

ассистенти кафедраи ҳуқуқи чиноятӣ факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

E-mail: kholikov88@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.08 – ҳуқуқи чиноятӣ ва криминология, ҳуқуқи иҷроӣ ҷазои чиноятӣ

Физиурда. Дар мақолаи мазкур принципҳои баррасии сиёсати чиноятӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Диққати махсус ба аҳамияти онҳо дар қонунгузориҳои чиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон дода шуда, хусусиятҳои асосӣ, унсурҳои иттилоотӣ, инчунин аҳамияти назариявӣ ва амалии онҳо таҳқиқ гардидааст.

Калидвожаҳо: принципҳои ҳуқуқи чиноятӣ, қонуният, баробарӣ, адолат, инсондӯстӣ, сарфи назар аз саркашӣ, сарфи назар аз масъулият, ихтиёран, масъулияти шахсӣ, фарқият ва фардиқунонии масъулият.

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Шарипов Т.Ш.,

профессор кафедры уголовного права юридического факультета Таджикского национального университета, д.ю.н.

Сафарзода А.И.,

заведующий кафедры уголовного права юридического факультета Таджикского национального университета, к.ю.н., доцент

Халиков Ш.Л.,

ассистент кафедры уголовного права юридического факультета Таджикского национального университета

E-mail: kholikov88@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Аннотация. В статье рассматриваются принципы уголовной политики. Обращается особое внимание на важность их законодательного закрепления в Уголовном

кодексе Республики Таджикистан, раскрываются существенные характеристики, содержательные элементы, а также ее значение для теории и практики.

Ключевые слова: уголовно-правовые принципы, законность, равенство, справедливость, гуманизм, экономия репрессии, неотвратимость ответственности, целесообразность, личная ответственность, дифференциация и индивидуализация ответственности.

THE PRINCIPLES OF CRIMINAL POLICY

Sharipov T.Sh.,

Professor of the Criminal Law Department
Faculty of Law of the Tajik national university,
Doctor of Law.

Safarzoda A.I.,

Head of the Department of Criminal Law,
Faculty of Law, Tajik National University,
Candidate of Laws, Associate Professor.

Khalikov Sh.L.,

Assistant of the Department of Criminal Law
Faculty of Law of the Tajik university.
E-mail: kholikov88@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.08 – criminal law and criminology; criminally-executive law

Annotation. The article deals with the principles of criminal policy. Special attention is paid to the importance of their legislative consolidation in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan, reveals the essential characteristics, meaningful elements, significance for theory and practice.

Keywords: criminally-legal principles, legality, equality, justice, humanism, economy of repression, inevitability of responsibility, expediency, personal responsibility, differentiation and individualization of responsibility.

Сиёсат барои он ки табиноти худро сазовори эътимоди чомеа гардонад, бояд хислати принципнокиро қатъиян пайравӣ намуда, дорои системаи ғояҳои роҳбарикунанда, замина, асос-системаи принципҳои муайян бошад.

Принципнокии сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ – ин чунин сифатҳое мебошанд, ки бо туфайли онҳо сиёсат бо-субботи, устуворӣ, муназамиро соҳиб шуда ва бо пурагӣ мазмуни худро ошкор месозад.

Мафҳуми сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ бе дарки принципҳои онро ташаккулдиҳанда, номумкин аст: принципҳои дар якҷоягӣ инъикоскунандаи сиёсат мебошанд. Сиёсат дар бештар

мавридҳо маҳз тавассути принципҳои дар ҳуқуқ мустаҳкамшуда, дар ҳаёт амали мешавад.

Минбаъд аҳамияти принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ аз он иборат аст, ки ҳуди ҷараёни фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ бояд тавассути ғояҳои роҳбарикунандаи чунин сиёсат, сурат мегирад.

Аз ин рӯ, қабл аз он, ки муносибати объективи нави ба миён омада шакли қонунии худро пайдо намояд, бояд чун дастур ва талаботи сиёсӣ пешниҳод карда шавад. Самаранокии меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ дар бештар мавридҳо бо бахисоб гирифтани дараҷаи истифодаи принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ дар ҷараёни

ҳуқуқҷодкунӣ муайян карда мешаванд. Принципҳои баррасишаванда натавоҷ роҳи ташаккули қонунгузории ҷиноятиро нишон медиҳад, инчунин дар ҳадди муайян нигоҳ дошта, суббот, устуворӣ ва ягонагии зарурии онро таъмин менамоянд.

Аҳамияти принципҳо, инчунин аз он иборат аст, ки онҳо ба ҳайси фаъолияти ҳуқуқтатбиқкунанда, баромад менамоянд. Таҷриба ба онҳо така намуда, фаъолияти ҳуқуқтатбиқкуниро натавоҷ қатъиян мувофиқан ба ҳарфи қонун, инчунин мувофиқан ба талаботи руҳи сиёсати ҷиноятӣ ба амал мебарорад. Асосҳои роҳбарикунанда дар инҷо ба сифати кафили дуруст, бе хато татбиқ намудани муқаррароти ҳуқуқ, хизмат мекунад. Ҳамин нуқта мусалам аст, ки самаранокии амалишавии сиёсати ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ дар маҷмӯъ ва қонунгузории ҷиноятӣ қисман ба дараҷаи на он қадар кам аз дарки дурусти принципҳои аз ҷониби шахрвандон вобастагӣ дорад. Натиҷаи таҳқиқотҳои сершумор нишон медиҳанд, ки дар соҳаи шуури ҳуқуқӣ ҳангоми риояи навиштаҷоти меъёри аҳамияти ҳарчи бештарро аз худ кардани принципҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ касб кардааст, на дарки меъёри мушаххас.

Аз онҳо, ки дар давлати ҳуқуқбунёд сиёсати ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ принципнок аст, шубҳа ҷой надорад. Аммо мушкили дар он аст, ки ин сиёсат қисми таркибии сиёсати ҷиноятист. Таҳқиқоти масоили принципҳо дар адабиётҳои ҳуқуқӣ асосан нисбат ба охири гузаронида шудааст. Ҳамзамон аён аст, ки принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ наметавонад пурра ба принципҳои сиёсати ҷиноятӣ, алаҳусус ба принципҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ як дониш. Бинобар зарурияти аз якдигар ҷудо намудани гуруҳи принципҳои ишорашуда, ба миён меояд.

Дар назария таҳти мафҳуми принципҳои сиёсати ҷиноятӣ замина, ғояҳои роҳбарикунанда, ки мубориза бар зидди ҷинояткорӣ бар он асос ёфтааст, фаҳмида мешавад.

Ба андешаи соҳибназарон аз кабили П.С. Дагель [10, с. 5], Н.А. Бе-

ляев [9, с. 78], Н.И. Загородников [11, с. 56], Р.Ш. Собиболдиев [12, с. 134], Т.Ш. Шарипов [13, с. 56-57], А.И. Сафарзода [13, с. 56-57] принципҳо дар асоси дарки илмии қонуният дар соҳаи ҷунин мубориза коркард шуда мебошад, ки дар ҳуҷҷатҳои дастурӣ ва санадҳои қонунгузории давлат ифода ёфта, бо талаботи муайян пешниҳод шудаанд, ки бояд бо тамоми ҷораҳои мубориза бар зидди ҷинояткорӣ, меъёрҳои соҳаи ҳуқуқи дахлдор ва таҷрибаи татбиқи онҳо, дар маҷмӯъ ба тамоми фаъолият оид ба мубориза ба ҷинояткорӣ ҷавобгу бошанд. Ба ҳамин монанд таъриф бо каме тағйирот дар асарҳои дигар олимон, воমেҳурар. Аммо моҳият на дар таърифи баён шуда, балки дар он ҳолатҳоест, ки олимони криминалист ба категорияи принципҳои сиёсати ҷиноятӣ дохил менамоянд. Чи гунае, ки қаблан ба принципҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ муяссар нашуда буд, ҳамин гуна вазъият дар нисбати муайян намудани принципҳои сиёсати ҷиноятӣ, ҳукмфармош. Пайдо намудани ду нафар муалифе, ки андешаи онҳо дар хусуси шумораи ин принципҳо якхела бошад, амри маҳол аст.

Категорияи принцип маънои ғояи асосӣ, замина, асоси роҳбарикунандаи ягон хел назария, таълимот, илм, ҷаҳонбинӣ, ташкилоти сиёсӣ ва ғайраро дорад. Принципҳо инъикоскунандаи ғояҳои ҳуқуқии дар меъёрҳо таҷасумёфта мебошанд, ки барои қонунгузор ва ҳуқуқтатбиқнамоӣ вазифаи роҳнамоикунандаро иҷро мекунад. Принципҳои сиёсати ҷиноятӣ аз принципҳои ҳуқуқ бо он тафовут доранд, ки онҳо на ҳамеша дар намуди меъёрҳои ҳуқуқ, шакл гирифтаанд. Дар бештар мавридҳо принципҳои мазкур дар ҳуҷҷатҳои дастурӣ мустаҳкам карда шудаанд.

Принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ ба таври умум принципҳои сиёсати ҷиноятиро инъикос намуда, ҳамзамон вазифаи мушаххас кунонии охириро нисбат ба самти ба он тааллуқ дошта, иҷро менамояд. Бинобар ин зарурати ҷудо намудани принципҳои сиёсати ҳуқуқӣ-ҷиноятиро аз прин-

сиёсати сиёсати ҷиноятӣ ва аз принципҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ ба миён меояд.

Тахти мафҳуми принципҳои сиёсати ҳуқуқӣ – ҷиноятӣ ин дар ҳуҷҷатҳои дастурӣ ва меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ мустаҳкам гардидани асосҳо, ғояҳои роҳбарикунанда дар соҳаи мубориза бар зидди ҷинояткорӣ, чараҳои роҳнамоикунандаи истифодаи воситаи ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ дар самти чунин мубориза ва таҷрибаи татбиқи онҳо, фаҳмида мешавад. Принципҳои баррасишаванда ба сифати зерсохтор ба системаи асосҳои роҳбарикунандаи сиёсати ҷиноятӣ дохил шуда ва дар мартабаи он асосҳо ҷои махсусро соҳиб мебошанд.

Аввалан, гуруҳи принципҳои нишон дода шуда дар таносуби кул ва ҷузъ (махсус) қарор доранд. Чунончӣ, принциби ҳуқуқи ҷиноятӣ сиёсати инсондустӣ дар принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ қисман дар намуди принциби адолат, зоҳир мегардад. Соҳиян, принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ бо назардошти он, ки дар сохтори сиёсати ҷиноятӣ ҳалқунанда мебошанд, нақши муҳимро дар ташаққули бештар принципҳои дигар дар самти мубориза бар зидди ҷинояткорӣ равона шуда, мебошад. Масалан, принциби фардиқунонии ҷавобгарӣ дар сиёсати иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ инкишофи минбаъдаи ҳудро дар намуди принциби фардиқунонии адоӣ ҷазо дарёфт. Ҳамин тариқ, бо ҳам мувофиқи муайяни принципҳои нишондодашуда ҷӣ ба тариқи вертикалӣ ва ҷӣ бо тариқи горизонталӣ ҳис карда мешавад.

Мутаносибии принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ ва ҳуқуқи ҷиноятӣ дар он зоҳир мегардад, ки аввалин:

а) натавонанд дар меъёрҳои ҳуқуқ, инчунин дар ҳуҷҷатҳои дастурӣ мустаҳкам карда шудааст;

б) ҷӣ ҳислати қонунгузориҳои ҷиноятӣ ва ҷӣ дар амал татбиқшавии онро муайян менамояд;

в) ба ҳайси «созмондиҳандаи» принципҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ дохил мешавад.

Аз рӯи тарз, ифода, хусусият ва мазмун принципҳои сиёсати ҳуқуқӣ-

ҷиноятӣ сифатан аз принципҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ, тафовут дорад.

Принципҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ аз принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ манша гирифта, охириро мушаххас намуда, мазмуни онро бо маводҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ мутаххаз менамояд.

Принципҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ бори аввал муқаррароти қонунии ҳудро дар ҚҶ ҚТ соли 1998 пайдо намуданд. Ба монанди: қонуният, баробарӣ дар назди қонун, ногузир будани ҷавобгарӣ, ҷавобгарии фардӣ, гунаҳгорӣ, адолат, инсондустӣ ва демократизм (м.3) [1].

Ҳамин тариқ, ҚҶ ҚТ соли 1998 – аввалин санади ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ амалкунанда на танҳо калимаи “принципҳо” балки системаи принципҳои қонуни ҷиноятӣ ва ҷавобгарии ҷиноятиро муқаррар намуд.

Қонунгузориҳои ҷиноятӣ давлатҳои хориҷӣ (ба истисноӣ баъзе аз давлатҳои соҳибхитиёри собиқ ҷумҳуриҳои иттифоқӣ) меъёри махсусро оид ба принципҳои қонуни ҷиноятӣ ва ҷавобгарии ҷиноятӣ пешбини наменамоянд (масалан, ҚҶ Булғористон [6, с. 298], ҚҶ Гурҷистон [4, с. 409], ҚҶ Қазоқистон [3], ҚҶ Испания [5, с. 22], ҚҶ Чопон [8, с. 226], ҚҶ Украина [7], ҚҶ Шветсария [2, с. 350] ва ғайра).

Принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ натавонанд инъикоскунанда нишондоди сиёсӣ, ғоя, асосҳои роҳбарикунанда дар соҳаи мубориза бар зидди ҷинояткорӣ тавассути воситаҳои ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ, инчунин онҳо бояд таҷасумгари хусусиятҳои ҳосе, ки маҳз ба ҳуқуқи ҷиноятӣ мутаалиқанд, бошад. Ба системаи принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ танҳо он ҳолатҳои муҳиме бояд ворид карда шавад, ки дар онҳо мазмуни асосӣ ва аслии масъалаҳои, ки ба криминализиатсия (декриминализиатсия), пенализати (депенализати)-и кирдори ба ҷамъият хавфнок рабт доранд, яъне муайян сохтани самтҳои дурнамои рушди қонунгузориҳои ҷиноятӣ, асос, хусусият, ҳаҷм ва ҳадди истифодабарии ҷораҳои таъсир расониҳои ҳуқуқи-ҷиноятӣ.

Бо назардошти андешаҳои баён шуда ба принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ мумкин аст принципҳои сарфаи ҷазо, ба мақсад мувофиқи, ногузирӣ ҷавобгарӣ, дифференциатсия ва фардикунонии ҷавобгарӣ ва ҷазо, адолат дохил карда шаванд.

Принципҳои сарфаи ҷазо барои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ аҳамияти аввалиндараҷаро доро мебошанд. Принципи мазкур ифодаи худро дар тамоми давраҳои амалишави меъёрҳои ҳуқуқӣ, меёбад. Дар давраи қонунҷокунӣ амалишавии он маъно ба шумули ҷиноят ва ҷазои ҷиноятӣ дохил шудани танҳо он кирдорҳое, ки воқеан тавассути воқитаҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ мубориза бурдан лозим меояд, дорад. Дарачаи ба ҷамъият хавфнокии ин гунна кирдорҳо бояд чунин баланд бошанд, ки истифодаи дигар ҷораҳои таъсиррасонии ҳуқуқӣ нисбати онҳо камсамар ва дар ниҳояти қор бенатиҷа мебошад. Дар сурате, ки мубориза ба ин гунна кирдорҳо бо роҳи истифодаи ҷораҳои на он қадар саҳти таъсиррасонӣ самараи мусбиро ба бор меоварад, истифодаи ҷазои ҷиноятӣ исрофкорист.

Принципҳои сарфакорӣ ҷазо маънои онро дорад, ки ҳатто ҳангоми мавҷуд будани тамоми асосҳо барои криминализатсия, ҳангоми асоснок ва ба мақсад мувофиқ будани муқаррар кардани маънаноии ҳуқуқи ҷиноятӣ охирин бояд ба сифати ҷазо чунин ҷораҳо пешбини намояд, ки онҳо тавонанд шумораи унсурҳои сазоии бакифоя ва заруре, ки барои ноил шудан ба мақсади дар назди ҷазо гузоштаи қонун лозиманд, маҳдуд намояд. Дар ҷараёни муқаррарнамоии манъкунии ҳуқуқи ҷиноятӣ созмон додани «захираи мустаҳкам» дар намуди санксияи ниҳоят саҳте, ки ба хусусият ва дарачаи хавфи ҷамъиятии кирдор номувофиқ аст, низ ба исрофкорӣ зиёдатуи ҷазои ҷиноятӣ оварда мерасонад ва вайронкунии дағалонаи принципи сарфаи ҷазо мебошад. Меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ, ки бо вайрон кардани принципи сарфаи ҷазо қабул шудаанд ё аз нигоҳи иҷтимоӣ ҷавобгу буда наметавонанд ё номумкинанд.

Дар марҳилаи татбиқи меъёрҳо, принципи сарфаи ҷазо тавассути аз ҷониби ҳуқуқтатбиқкунанда интиҳоби чунин воқитаҳои таъсиррасонии ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ ба ҷинояткор бо ҳамон гунна ҳаде, ки харчи кам метавонад самараи бештаро ба бор оварад, амали мешавад. Самаранокӣ дар ҳолати мазкур хизмати ноил шудан ба мақсадҳои дар назди ҷазои ҷиноятӣ гузошта шударо бачо меорад ва он метавонад бе воқеан татбиқи ҷазо, ба даст ояд. Агар ҳангоми ҷой доштани шароити баробар, асосҳои озод қардан аз ҷавобгарии ҷиноятӣ ва (ё) аз ҷазо мавҷуд бошад, бартари бояд ба озод қардан дода шавад, на ин ки ба ҷавобгарӣ ва ҷазо қашидан, чунин ҳулоса барори аз талаботи принципи сарфаи ҷазои ҷиноятӣ, бар меояд. Бо суханони дигар иброз намоем ҳангоми дар ихтиёри ҳуқуқтатбиқкунандагон мавҷуд будани воқитаҳои гуногуни таъсиррасонӣ ба вайронкунандагони меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ онҳо бояд ҷораи таъсиррасонии аз ҳама кам унсури сазои доштаро барои ба натиҷаи мусбӣ ноил шудан дар ҳолати мушаххаси дахлдор, интиҳоб намоянд.

Принципи сарфаи ҷазои ҷиноятӣ ҳамзамон боз он аҳамиятро низ доро мебошад, ки дуруст дарк кардани он аз ҷониби қормандони амалӣ имконият медиҳад дар таҷриба ҳолати банду баст «бо захира» таъини ҷазои саҳти бе асосро аз миён бардорад.

Принципи сарфаи ҷазои ҷиноятӣ пай дар пай дар ҷараёни ба амал баровардани сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ, роҳандозӣ мегардад. Чунин иқдом ҳангоми декриминализатсия қадани ҷиноятҳои алоҳида «қувват додани» ҷараёни пенализатсия, ҳарчӣ бештар дар таҷриба пеша қардани татбиқи намунаҳои ҷазоҳои алтернативӣ, ифода меёбад. Танҳо ҳаминро бояд ёдрас намуд, ки дар марҳилаи муосири инкишофи сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ сарфаи ҷазо метавонад ва бояд маҳз дар ҳамон ҳаде амали қарда шавад, ки мақсади ҷазоро ҳалалдор насозад.

Ба мақсад мувофиқ. Принципи мазкур пеш аз ҳама маънои онро до-

рад, ки чораҳои таъсиррасонии ҳуқуқи ҷиноятӣ бояд мувофиқан бо мақсаҳои дар назди ҷазои ҷиноятӣ гузошта шуда, татбиқ карда шаванд. Ҳангоми амали намудани сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ муҳим он аст, ки на бояд ба ифрот ғутид, инчунин аз либерализми аз ҳад зиёди ҷазо низ бояд ҳазар кард. Ҳарчӣ бештар ба чораҳои таъсиррасонии ҳуқуқи ҷиноятӣ додани хусусияти қасосгири ё подоши, инчунин нодида гирифтани ҳад ва сарҳади гуманизатсияи онҳо аз нигоҳи принсипи барраси шаванда, нодуруст, мебошад. Доираи ҷазои ҷиноятӣ, намуд ва ҳислати ҷораи таъсиррасонӣ, инчунин интиҳоб ва дар таҷриба татбиқшавии онҳо бо ёрии принсипи ба мақсад мувофиқ будан, муайян карда мешавад. Мақсади ниҳоии қоркард ва татбиқи чораҳои мазкур чи хеле, ки маълум аст ин боз доштани ҷинояткорӣ дар доираи тахти назорати давлат нигоҳ доштани он мебошад. Барқарор намудани адолати иҷтимоӣ, ислоҳи ҷинояткорон, пешгирии умумӣ ва хусусӣ хизмати мақсади мобайниро ба ҷо меоранд.

Бо назардошти мақсадҳои зикршуда амалишавии принсипи ба мақсад мувофиқ оиди ҷӣ дар фаъолияти ҳуқуқҷодкунӣ ва ҷӣ дар фаъолияти ҳуқуқтатбиқкунӣ, роҳандози мегардад. Криминализатсияи қирдор маҳз дар ҳолате собит мешавад, агар қонунгузор ба ҳулосаи асосноке ояд, ки муқаррар кардани ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ҷунин қирдор ба мақсад мувофиқи аст. Аз нигоҳи ғоявӣ ҳар ҷӣ қонунист бояд ба мақсад мувофиқ бошад. Маҳз қонуният дар бар гирандаи ба мақсад мувофиқии олиро доро бошад. Вале дар воқеият бо сабаби як қатор омилҳо (номувофиқии манъкунӣ тавассути қонуни ҷиноятӣ муқарар шуда ва талаботи ҷомеа, ҳарачоти меъёрҷодкунӣ ва ғайра) ҷунин мутаносиби баъзан вайрон карда мешавад. Дар натиҷа маълум мешавад, ки қонуният минбаъд боқӣ мемонад, ба мақсад мувофиқ бошад, алақай қатъ мегардад. Аммо вайрон кардани қонун набояд бо он ки қонун ба мақсад мувофиқ нест, ҷоиз доништа шавад.

Мувофиқан ба талаботи принсипи баррасишаванда зидияти диалектикий зикршуда бояд аз ҷониби ҳуди қонунгузор бо роҳи декриминализатсия кардани қирдорҳои алоҳида ё дар ҷараёни такмил додани меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ баргараф карда шаванд.

Дар соҳаи ҳуқуқтатбиқномаӣ принсипи мазкурро одатан бо назардошти амалишавии мақсади ҷазо ба роҳ мемонанд. Ҷунин тарзи фаҳмиш ҳатто аз баҳо додани он ҷун принсипи ҳуқуқи ҷиноятӣ қобили қабул намебошад. Ҳамзамон бо ҳамин маъни тавсиф додани принсипи зикршуда моҳияти онро коста месозад, агар он дар доираи сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ барраси гардад. Бинобар ин муаллифноро бояд дастгири намуд, ки мувофиқи андешаи онҳо амалигардии принсипи ба мақсад мувофиқии ҷавобгарии ҷиноятӣ ҳолатҳои зеринро дар назар дорад: а) озод қардан аз ҷавобгарии ҷиноятӣ, агар мақсади он пеш аз муҳлат ба даст ояд; б) иваз намудани ҷавобгарии ҷиноятӣ бо чораҳои маҷбуркунии дорои хусусияти тарбиявӣ дошта, вақте, ки мақсади ҷавобгарии ҷиноятӣ метавонад бо ин роҳ, ба даст ояд; в) сабук қардани ҷавобгарии ҷиноятӣ, агар ин бо мақсади он мувофиқат намояд; г) пурзур намудани ҷавобгарии ҷиноятӣ, агар ин ба вазифа ва мақсади мубориза бар зидди ҷинояткорӣ ҷавобгӯ бошад; д) дар ҷараёни амалишавии принсипи ба мақсад мувофиқи боз зарурияти ба назар гирифтани чораҳои «мустваҳкам қунанда» дар ҳолате, ки агар инро вазифаҳои мушаххаси сиёсати ҷиноятӣ дар соҳаи мубориза бар зидди рафтори категорияи шахсони муайян талаб намоянд, меояд.

Ҳамин тариқ мувофиқан ба принсипи мазкур тамоми чораҳои таъсиррасонии ҳуқуқи ҷиноятӣ бояд дар қонун муқаррар карда шуда бошанд то ин ки татбиқ ва иҷроиши онҳоро ба тавре роҳандози намояд, ки ноил шудан ба мақсадҳои дар назди онҳо гузошташударо ба дараҷаи максималӣ таъмин намояд.

Принципи ногузирии ҷавобгарии ҷиноятӣ мисли принципҳои сарфаи ҷазо ва ба мақсад мувофиқӣ ба қатори муқаррароти принципиалӣ дар соҳаи назарияи сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ, дохил мешавад. Вақте, ки сухан дар бораи «ногузирии ҷавобгарӣ» меравад, бояд ба мафҳуми мазкур ҳарчӣ бештар маънои васеъ дод. Таҳлили қонунгузори амалкунандаи ҷиноятӣ ба он андеша меоварад, ки принципи зикршуда дар бар гирандаи чунин ҳолатҳо мебошад: бе ягон истисно ошкоркунандаи ҷиноятҳои воқеан содиршуда; ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани тамоми шахсони дар содир намудани ҷиноят гунаҳгор; ба ҳар яки онҳо татбиқ намудани ҷорай ҷазои ҷиноятӣ ё ҷораҳои онро ивазкунанда ва ё озод кардан аз ҷавобгарии ҷиноятӣ ва (ё) ҷазо дар ҳолатҳои бо қонуни ҷиноятӣ пешбини шуда, талофи намудани зараре, ки дар натиҷаи содир шудани ҷиноят расонида шудааст. Дар ниҳояти қор принципи ногузирии ҷавобгари барои унсурҳои ноустувори иҷтимоӣ, нишон додани «бефоида» будани вайрон кардани қонуни ҷиноятӣ равона шудааст.

Азбаски ошкор кардани ҷиноят, инчунин ба ҷавобгарии ҷинояти кашидани тамоми касони дар содир кардани ҷиноят гунаҳкор, талофии зарар ҳарчӣ бештар вазифаи сиёсати ҳуқуқи мурофиавист, танҳо ба он ҷабҳаҳои ин проблема рӯ меоварем, ки бевосита ба мавзуи мавриди таҳқиқи мо қарор гирифта, алоқаманд мебошад. Имконоти адлияи ҷиноятӣ дар мубориза бар зиддӣ рафтори ҷиноятӣ номаҳдуд намебошад. Механизми адлияи ҷиноятӣ дар режими мувофиқ танҳо ҳангоми аниқ будани сатҳ ва ҳолати ҷинояткорӣ дар кишвар, метавонад фаъолият намояд. Ворид кардани ин ва ё он кирдор ба доираи ҷиноят ва таҳти таҳдиди ҷазои ҷиноятӣ қарор додани он, ба қонунгузор имконият медиҳад бевосита ба тағйирёбии сатҳи ҷинояткорӣ таъсир расонад. Бе асос криминализатсия кардани ин ва ё он кирдор метавонад ба ҳолате бурда расонад, ки мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ба тамоми дурустқорӣ худ наметавонад ҳамаи он кирдорҳое,

ки алақай ҷиноят эътироф шударо ошкор намоянд, ҳамзамон ҳамаи он шахсоне, ки ҷиноят содиркардари дастгир ва ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашанд, чунин ҳолат боиси он мегардад, ки принципи ногузирии ҷавобгари бо пураги амали намешавад. Ҳаминро бояд дар назар дошт, ки ҷалб кардани одамони ва захираҳои моддӣ баҳри мубориза бар зиддӣ бо чунин гунна бо ном ҷиноят (бардуруғ) бевосита ба бод додани қувва ва восита ба даст гардидани самарай мубориза ба дигар намудҳои рафтори зидди ҷамъиятӣ оварда мерасонад, ки дар навбати худ принципи ногузирии ҷавобгариро алақай аз руи категорияи ҷиноятҳои дахлдор таҳти хатари расонидани зарар, қарор дода метавонад.

Ҳамаи лаҳзаҳои рӯи қоғаз оварда шуда аз он гувоҳи медиҳанд, ки дар сатҳи меъёрҷодкунӣ принципи барраси шаванда аҳамияти басо муҳимро барои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ, доро мебошад. Маҳз принципи мазкур бояд қонунгузорро ба қабул намудани танҳо чунин манъкуниҳои ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ равона кунад, ки вайронкунии он ба ғайр аз ба ҳисоб гирифтани, кушодани, ошкор кардани, фошкардани гунаҳгори метавонад танҳо бо қувва ва воситае, ки айни замон дар давлат мавҷуд аст ба даст ояд. Дар акси ҳол дигар самтҳои сиёсати ҷиноятӣ метавонад ба мушкилиҳои муқовиматнопазир, рӯ ба рӯ шавад.

Моҳияти принципи дифференциатсия ва фардиқунонии ҷавобгарӣ ва ҷазо аз он иборат аст, ки ҷазои ҷиноятӣ набояд ҳислати фарқнақунониро дошта бошад. Мисли оне, ки мутлақан ду ҷиноятӣ бо ҳам монанд, инчунин иҷроқунандагони якхелаи онҳо мавҷуд нест, ҳамин тариқ набояд муносибати якхела ба категорияҳои гуногуни ҷиноят ва ҷиноятқорон ба роҳ монда шавад. Таъсияҳои қайд шуда ба туфайли амали намудани принципи дифференциатсия ба даст меоянд. Принципи дифференциатсияи ҷавобгари дар сатҳи қонунгузор ва ҳуқуқтатбиқкунанда маънои зарурияти қоркард ва мувофиқан ба татбиқ намудани ҷорай саҳти таъсир-

расонии ҳуқуқи ҷиноятиро ба шахси ҷинояти вазнин ва махсусан вазнинро содир карда, ҷинояткори хавфноку ашадӣ ва нисбатан татбиқи чораи сабукро ба шахсоне, ки ҷинояти на он қадар вазнин ва миёна вазиро содир карда, шахсони тасодуфан ҷиноят содир карда мебошанд, дорад.

Дар марҳилаи татбиқи меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ дар навбати аввал талаботи фардиқунонии ҷавобгарӣ ва ҷазо баромад менамоянд, ки ин ҳаматарафа ба назар гирифтани хусусият ва дараҷаи вазнинии ҷинояти содир шуда, хусусияти ҳоси шахсияти гунаҳгор, вазъият, сабаб ва шароите, ки боиси содиршавии ҷиноят гардида, ҳолатҳои сабуқкунанда ва вазнинкунанда – дар маҷмуъ ҳамаи он ҳолатҳое, ки мувофиқан бо қонуни ҷиноятӣ амалкунанда барои қабули қарори асоснок оид ба интиҳоби ин ва ё он чораи таъсиррасонии ҳуқуқи ҷиноятӣ лозим бударо аз ҷониби ҳуқуқтатбиқкунанда дар назар дорад.

Принципи адолат танҳо дар вақтҳои охир дар қатори принципҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ қарор дода шуд. Чунин ба назар мерасад, ки бо асосҳои бе ниҳоят ҷиддӣ принципи адолатро метавон ба принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ ворид кард.

Ғояи адолат чун категорияи ахлоқӣ аз нигоҳҳои илмӣ дар аввал аз ҷониби олимони сиёсатшинос дарк карда шуда, баъдан ба назарияи ҳуқуқӣ ворид гардидааст.

Адабиёт:

1. Кодекси ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи соли 1998.
2. Уголовный кодекс Швейцарии [Текст] / научное редактирование, предисловие и перевод с немецкого канд. юрид. наук. А.В. Серебренниковой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.07. 2017г.) // [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 14.07.2017 г.).
4. Уголовный кодекс Грузии [Текст] / науч. ред. З.К. Бигвава; вступ. ст. В.И. Михайлова; обзорн. ст. О. Гамкрелидзе; пер. с груз. И. Мериджанашвили. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
5. Уголовный кодекс Испании. Под редакцией и с предисловием д.ю.н., проф. Н.Ф. Кузнецовой, д.ю.н., проф. Ф.М. Решетникова. – М.: Издательство «Зерцало», 1998.

Мафҳуми адолат бо ҳуқуқ, тартиботи ҳуқуқӣ, ҷавобгарии ҳуқуқӣ робитаи ногусастани дорад.

Бе ягон шаку шубҳа ҳуқуқи ҷиноятӣ дар ҷомеаи муосир ҳамчун қисми ҷудонашавандаи тартиботи ҳуқуқӣ, муҳри адолатро ба души худ дорад. Мувофиқан бо ғояи адолат дар қонун маънкунии ҳуқуқи ҷиноятӣ муқаррар карда мешавад, ки бо шакли манфӣ барои ҳама қоидаи қатъии рафтор ва ҳадди сарҳадӣ чунин рафторро муайян намудааст. Аз ин ҷост, ки масалан, синоними калимаи «адолат», «ҳақ» мебошад, мафҳуми «адолат» ба ибораи «адолати судӣ» баробар вазн доништа мешавад. Адолат риштае мебошад, ки ҳуқуқро бо ахлоқ мепайвандад.

Бо вучуди ин, ворид кардани адолат ба принципҳои сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ имконият медиҳад онро аз доираи маҳдуди ҳуқуқ берун бароварда, ҳамин тариқ категорияи мазкурро бо мазмуни сиёсӣ-ҳуқуқӣ туфайли ғояи адолат дар самти мубориза бар зиддӣ ҷинояткорӣ дар марҳилаи муосири таъриқи ҷомеа ғани гардонид.

Адолат чун принципи сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ хислати зоҳиршавии ҳаматарафаро доро буда, дар ниҳояти қор тавассути се сатҳ зухур меёбад: одилона таъин кардани ҷазо; одилона муайян кардани санксия; одилона муқарар кардани доираи кирдорҳои ҷиноятӣ.

6. Уголовный кодекс Республики Болгария [Текст] / науч. ред. А.И. Лукашов. Перевод с болгарского Д.В. Милушева, А.И. Лукашова, вступ. статья И.И. Айдарова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

7. Уголовный кодекс Украины // [Электронный ресурс]. URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-1-9/> (дата обращения: 02.07.2017 г.).

8. Уголовный кодекс Японии [Текст] / науч. редактирование и предисловие докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

9. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – Л., 1986.

10. Дагель П.С. Значение 26 съезда КПСС для советской уголовной политики // Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Иркутск, 1983.

11. Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: учебное пособие. – М.: МВШМ, 1979.

12. Сотиволдиев Р.Ш. Назарияи умумии ҳуқуқ ва давлат (китоби дарсӣ). – Душанбе, 2003.

13. Шарипов Т.Ш., Сафарзода А.И., Саидов Ш.Н. Ҳуқуқи ҷиноятӣ бо истифода аз усули тадриси интерактивӣ. (Қисми умумӣ). Китоби дарсӣ. – Душанбе, 2016.

**CONCEPT OF SURRENDER (TRANSFER) OF PERSONS IN CRIMINAL CASES
WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL COOPERATION OF POST-
SOVIET COUNTRIES**

Abdulloev P.S.,

Associate Professor at the department of Justice and prosecutor's supervision of the Law Faculty of Tajik National University

Zayniddinov S.F.,

senior teacher at the department of foreign languages

Annotation. In the article the actual problems connected with the kinds of surrender of person in the scope of international cooperation is researched in the sphere of criminal process. It is noted that in spite of having ancient history of surrender of person in the scope of international cooperation there is no common opinion on the place and kinds of it. It should be noted all kinds of surrender of person as a whole is considered surrender of person and must be researched together.

Key words: International cooperation, surrender of person, international treaties, legislation of criminal process, foreign state, criminal case.

**КОНСЕПСИЯИ МУОМИЛОТИ (ИНТИҚОЛИ) ШАХС ДАР
ПАРВАНДАҲОИ ЧИНОЯТӢ ДАР ДОИРАИ ҲАМКОРИИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ
КИШВАРҲОИ ПАСОШӢРАВИ**

Абдуллоев П.С.,

дотсенти кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокурории факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ

Зайниддинов С.Ф.,

муаллими калони кафедраи забонҳои хориҷии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ҷамъурда. Дар мақола масъалаҳои муҳими вобаста ба намудҳои супоридани шахс дар доираи ҳамкориҳои байналмилалӣ дар соҳаи муҳофизати ҷиноятӣ мавриди тадқиқот қарор гирифтааст. Қайд карда мешавад, ки новобаста аз таърихи қӯҳан доштани супоридани шахс дар доираи ҳамкориҳои байналмилалӣ ягонафикри дар мавқеъ ва намудҳои он ҷӯй надорад. Боиси тазақур аст, ки ҳамаи намудҳои супоридани шахс – дар маҷмӯъ супоридани шахсро ташкил медиҳад ва бояд дар якҷояги мавриди тадқиқот қарор дода шаванд.

Қалидвожаҳо: ҳамкориҳои байналмилалӣ, супоридани шахс, шартномаҳои байналмилалӣ, қонунгузориҳои муҳофизати ҷиноятӣ, давлати хориҷӣ, парвандаи ҷиноятӣ.

**КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ (ПЕРЕДАЧИ) ЛИЦ В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ
В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПОСТСОВЕТСКИХ
СТРАН**

Абдуллоев П.С.,

доцент кафедры судебного права и прокурорского надзора юридического факультета Таджикского национального университета

Зайниддинов С.Ф.,

старший преподаватель кафедры иностранных языков юридического факультета Таджикского национального университета

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с видами передачи лиц в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. Отмечается, что в науке нет единого мнения о месте и видах передачи лиц в рамках международного сотрудничества. Но все виды передачи лиц – это в целом передача лиц, и их необходимо исследовать в рамках одной концепции.

Ключевые слова: международное сотрудничество, передаче лиц, ммеждународные договоры, уголовно-процессуальное законодательство, иностранное государство, уголовное дело.

Surrender of persons is one of the forms of international cooperation in the field of criminal process. Under legal regulation of the institution of surrender of persons the given question occupies special place. The surrender institute is divided into two parts: the first surrender of persons (transfer of criminals), sentenced to imprisonments for serving a sentence (punishment) that is enforcement of the sentence, the second is surrender of persons for enforcement of other court decisions. For instance, the decision of International Criminal Court (ICC) of surrender of persons to ICC or decision of court on using forced treatment.

There are certain kind of surrender (transfer) of persons for conducting procedural action, which in the legislation of post-Soviet countries known as “temporary surrender of persons”, and which acts for persons under arrest. However the given question regulates not institution of surrender of persons, but institution of international legal aid on criminal cases. Typical agreement of UNO provides transfer of control over offenders, which were conditionally sentenced or conditionally released, but this is not surrender of persons on its content [5].

So, there are following kinds of surrender of persons within the framework of international cooperation in the

criminal process of post-Soviet countries, which researched within the framework of one conception:

1. Surrender of convicted persons into state, which they are citizens.
2. Surrender of persons suffering of mental illness for compulsory treatment
3. Temporary surrender of persons arrested or imprisonment (deprivation of liberty) for providing legal service within the framework of international cooperation.
4. Surrender of persons to International Criminal Court.

In comparison with other kinds of surrender of persons within the framework of international cooperation firstly got development temporary surrender. This kind of surrender of persons within the framework of international cooperation has historic roots and was known for lawyers before the revolution. I. Ivanovski in his scientific work “state inter Collaboration on investigation of criminal cases” devoted separate paragraph- “sending prisoners from one state to another for confrontation or testimony”. He notes that under investigation of criminal case may be necessary the confrontation of accused with some person, being imprisonment in foreign state, or it is need to get testimonies from this person at the court. To achieve this by “Request from foreign

state sending the prisoner to the court for decision of the given case” [4, p. 129]. At the end of XIX century the question of surrendering persons for conducting procedural action were regulated in international agreements and norm of national legislation on extradition. For example, law of Netherland on extradition of criminals from 1875 allows the government to send for confrontation and testimony into foreign state a person being in imprisonment in Netherlands, if this person is a foreigner [4, p. 129].

And surrender of prisoners into state, citizens of which they are, and other kinds of surrender of person were formed later. As it was noted by pro-revolutionary lawyer. I.Ya. Foynitski, no state does not agree till present to take responsibility of execution of accusatory sentence at the court of foreign states. “from non-obligatory foreign criminal sentences in their full volume comes out and non-obligation of them in only parts punitive features” [2, p. 57].

Surrender of person is not collection of proofs or informations which may be sent by electronic means, by using mail or by special way of usage competent persons, Interpol and others, perfectly other mechanism. Under surrender of persons protection of the rights and freedoms of human is prerogative that is reflected in international agreement and international standards in the branch of human rights and also fixed in generally recognized principles. Especially it is reflected in the Universal Declaration of human Rights and a citizen from 10 December, 1948, in Declaration of UNO “On the rights of mentally retarded” from 20, December, 1978, International Pacts of civil and political rights, from 16, December, 1966, Declaration of the rights of disable people, from 9, December, 1975, Standards rules of ensuring equal possibilities fro disables (adopted by Resolution of General Assembly of UNN from 20, December, 1993 № 48/96) and etc. For example, minimum standards rules of treatment with prisoners (adopted at the 1 Congress of UN on prevention of criminality and treatment with offenders From 30, Au-

gust, 1955) provides regulation on that persons recognized mental illness should not suffer imprisonment, that’s why it is necessary to make measures for their fasters transfer to mental illness hospital (rule № 82 (1)).

A person committed crimes in the territory of foreign state and court of this state appoints a punishment to imprisonment. On the basis of international agreements or principle of interrelation he is surrendered to a state the citizen of which he is for further suffering of punishment. Surrender of person for serving punishment is not a measure of necessary for the right solution of criminal case. As it was noted correctly by K.F. Gutsenko, transfer of persons for serving (execution) punishment is giving a chance to serve “at his home” penalty sentenced by “other” court [3, p. 677].

In the history of formation and development of surrender of persons into state citizen of which hi is on post-Soviet space great significance have actions of competent body of USSR. Convention on surrender of persons, imprisoned (deprived) of liberty for serving punishment in the state citizens of which they are (adopted in Berlin 19, May, 1978, in one copy in Russian) regulated question of surrender of persons in “socialist countries”. Principle of humanism play key role in surrender of persons. Aim of the given Convention is to wish to develop established relations of mutual confidence and cooperation taking into account that serving by sentenced to prison in state citizens of which they are contributed to more effective achievement of goals of correction of offenders.

Surrender of persons into International Criminal Court (further ICC) made within the framework of international cooperation. Surrender of person into ICC has a very practical significance from the point of views of international law and criminal process. International agreement and international standards in the field of human rights provide being present of the accused person in the trial. In accordance with the point D. part 3 article 14 of international Pact on civil and political

rights from the 16, December, 1966 “everyone has the right being tried in his presence and defend personally himself or by his chosen advocate” [6, p. 225-240]. By the procedural point of view after making indictment it is necessary to introduce a person with accusation and etc.

During bringing an action, investigation, prosecution and making decisions on criminal cases the territory (space) of state has a great significance. But ICC has no definite territory in distinction from state. That’s why all actions of the Court on criminal cases depend on cooperation with states and international organization (for examples UN, INTERPOL, and others).

Surrender of person suffering with mental illness for conducting compulsory treatment is one of the new directions of international cooperation in the branch of criminal process.

Surrender of person suffering from mental illness is procedural action in accordance with norms and principles of international law and rules of national legislation in the sphere of cooperation competent bodies of states, for forced treatment in foreign state the citizen of which he is or may be permanent resident on the territory (if he is stateless, person without citizenship) in the aims of aid of coming back to normal life in the society.

Not always all witnesses victims, responder, plaintiff, their representative being on the territory of foreign are in freedom; sometimes they are arrested or punished with imprisonment (deprivation of liberty) in this case it acts additional rule along with the question of calling them as witnesses it is necessary to solve the questions on their surrender. Surrender of persons arrested for giving legal aid is temporary surrender.

Temporary surrender of persons gradually loses its significance in post-Soviet countries. If earlier temporarily surrendering persons in necessary cases, but further in exceptional case. It depends on development of modern technology with the usage of video, audio and electronic means can get evidence from the territory of foreign state and so it is not

sharp necessary for temporary surrendering persons in all cases. It must be recognized that not all Criminal Procedural Code of post-Soviet countries provide “electronic, audio, video communication” for doing procedural actions. Those post-Soviet countries which do not provide such norms must regulate the questions of “electronic, audio, video connection” in their national legislation [1, p. 71-76]. Personal participation in proceeding is well but it demands great financial resources and time. In ICC there is a practice that in case of necessity of doing procedural actions with participating of many persons, ICC doesn’t call all of them and doesn’t require surrendering them and competent person of ICC with accordance of state does procedural actions on the territory of this state.

Temporary surrender of persons is the kind of international legal aid on criminal cases which is implemented on the basis of norms of international law and rules of criminal procedural legislation, when the person being arrested or punished by imprisonment (deprivation of liberty) on his accord timely surrendered to foreign state or to International Criminal Court for participating in conducting procedural actions with condition that as for the person act procedural guaranties and immunities from criminal or administrative prosecution during the whole process the person is in custody and be immediately after completion of procedural actions or in agreed terms will be backed to according state or ICC.

So we make conclusions. Surrender of persons is regulated in the scope of two institutions of criminal process. At present there are four individual kinds of surrender of persons, they have essential difference from each other by form and destination. But all form of surrendering persons is as a whole surrender of persons and they must be researched in the framework of one concept. Surrender of person is based not only on regulations of international treaties of international cooperation on criminal cases but and on international agreements and standards in the branch of Human Rights, Interna-

tional Treaties do not ignore national legislation on cooperation including surrender of persons along with regulations on agreement refers to norms of national legislation. On the post-Soviet space all forms of surrender of persons didn't establish similarly. It is difficult to find post-Soviet country in which all kinds of surrender of persons were formed on one level. In most of the post-Soviet countries there are no all four kinds of surrender of persons. In post-Soviet countries there are many problems beginning with signing of international treaties and regulation of these questions in national legislation to implementation of norms in this direction.

It would be useful to sign new international treaties and usage legislation in comparative meaning and improving legal practice on post-Soviet space. As it is known under preparation of the draft of Criminal Procedural Code of Kazakhstan was used widely not only experience of CIS also new experience of other post-Soviet countries such as Lithuania, Latvia, Estonia, and Georgia. Surrender of person to foreign state or ICC, from one hand ensure just (fair) trial on criminal cases, from other hand contributes for more effective achievement of aims of correction of offenders or compulsory treatment.

Literature:

1. Abdulloev P.S. Actual questions of international legal service under collection of proofs on criminal cases. // State and law, 2014 №3, p-s 71-76.
2. Foynitski I.Ya. Course of criminal proceedings. Vol. 1. SPB, 1996, p. 57.
3. Gutsenko K.F. international cooperation in the sphere of criminal proceeding//Criminal process. Book for law students. – M., 2005. – p. 677.
4. Ivanovski I. state inter Collaboration on investigation of criminal cases. – Odessa, 1889. p.129.
5. Typical agreement on transfer of supervision over offenders, who were conditionally convicted or released. It was adopted by resolution 45/119 of General Assembly from 14 December 1990
6. United Nations Treaty Series, vol.999, – p. 225-240.

МАСКУННАМОИИ СОБИҚ АЪЗОИ ОИЛАИ МОЛИК ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ МАНЗИЛИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Саидов С.Ш.,

унвонҷӯи кафедраи ҳуқуқи граждании факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ихтисоси илмӣ: 12.00.03 – ҳуқуқи граждани; ҳуқуқи соҳибкорӣ; ҳуқуқи оилавӣ; ҳуқуқи байналмилалии хусусӣ

Рохбари илмӣ: Курбонализода Н.Ш., номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент

Муқарриз: Курбонов Қ.Б., номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент

Фиишурда: Дар мақолаи мазкур яке аз мушкилоти мубрами замони муосир, яъне аъзои оила эътироф намудани собиқ аъзои оила мавриди баррасӣ қарор гирифта, асосҳои ҳуқуқии он пешбинӣ гардидааст. Дар натиҷаи омӯзиши худ муаллиф як чанд пешниҳодҳои худро чихати баргараф намудани мушкилоти ҷойдошта ба кодекси манзили Ҷумҳурии Тоҷикистон баён намудааст.

Калидвожаҳо: сокин, аъзои оилаи, хонаи истиқоматӣ, истифодаи манзил, кӯдакони ноболиғ, суд

ЗАСЕЛЕНИЯ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ СОБСТВЕННИКА В СООТВЕТСТВИЕ С ЖИЛИЩНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Саидов С.Ш.,

соискатель кафедры гражданского права юридического факультета Таджикского национального университета

Научная специальность: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Научный руководитель: Курбонализода Н.Ш., кандидат юридических наук, доцент

Рецензент: Курбонов Қ.Б., кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: В статье рассматривается один из актуальных проблем сегодняшнего общества, признание в качестве членов семьи и заселение бывших членов семьи собственника. В статье рассматриваются правовые основы признания в качестве членов семьи собственника жилого помещения а также вопросы заселения бывших супругов собственника, который на сегодняшний день в практике является проблемам номер один. В результате проведенного исследования со стороны автора выносятся несколько дополнений и изменений для улучшения жилищного законодательства.

Ключевые слова: заселение, собственник, член семьи, жилище, использование жилища, бывшая супруга, несовершеннолетние дети, суд.

POPULATION OF FAMILY MEMBERS OF THE OWNER IN ACCORDANCE WITH THE HOUSING LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Saidov S.Sh.,

Applicant of the Department of Civil Law of the Faculty of Law of TNU

Scientific specialty: 12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law

Research supervisor: Kurbonalizoda N.Sh., candidate of legal sciences, assistant professor

Reviewer: Kurbonov K.B., Candidate of legal Sciences, Assistant Professor

The summery: In the article one of the urgent problems of today's society is considered, recognition as members of the family and settling of the former members of the owner's family. The article examines the legal basis for recognizing the owner of a dwelling as a member of the family, as well as issues of settling the former spouses of the owner, which is currently the number one problem in practice. As a result of the research carried out by the author, several additions and changes are being made to improve housing legislation.

Key words: settling, owner, family member, dwelling, use of dwelling, exspouse, underage children, court.

Бо рушди муносибатҳои ҷамъияти зарурияти таҳияи қонунҳои нав ва ворид намудани тағйироту иловаҳо ба санадҳои меъёрии ҳуқуқии мавҷуда ба миён меоянд, ки ҳангоми амали насостани чунин тағйироту иловаҳо ба санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ муносибатҳои ҷамъияти то ба андозае дар ҳолати бе танзими қарор гирифта, манфиатҳои субъектони ин муносибатҳо поймол карда мешаванд.

Дар ҷамъият на ҳама муносибатҳои ҷамъияти аз ҷониби қонунгузорӣ ба таври дахлдор ба танзим дароварда мешаванд. Яке аз чунин муносибатҳои ба таври лозимӣ танзим нашуда маскуннамоӣ мебошад. Ин масъала солҳои охир яке аз масъалаи ҳалталаб ва мубрам эътироф гардидааст, ки ҷомеаи моро ба ҳолати ногувор овардааст. Зеро, як қатор ашхос бо истифода аз ҳолати бавучудода, яъне ҳолати ғайританзимии ин масъала, сустифода намуда, манфиатҳои дигар субъектнро ҳалалдор менамояд. Бо назардошти ҷой доштани камбудихои қонунгузорӣ дар ин масъала судҳо аризаҳои маскуннамоиро мусбат ҳал менамоянд. Проблема дар он ифода меёбад, ки дар асоси санади дахлдори судӣ дар ҷараёни баррасии масъалаи бекор намудани ақди никоҳ масъалаи маскун намудани ҳамсари собиқ бо фарзандони ноболиғ дар манзили истиқоматии собиқ шавҳараш дар асоси аризаи ҳамсари собиқ баррасӣ карда шуда, баҳри ҷимоя намудани ман-

фиатҳои ҳамсари собиқ ва фарзандони ноболиғ суд онҳоро бо дастрасии моддаи 121-и КМ ҚТ [3] ба сифати аъзои оилаи соҳибмулк эътироф карда, дар ҳуҷраи алоҳидаи манзили истиқоматии соҳибмулк, ки дар бештари маврид ба сифати падар ва ё модари шавҳар ва ё умуман дигар шахс баромад менамояд, бо ҳуқуқи истифодабарии дигар қисматҳои умумии манзил, аз қабилӣ роҳрав, ошхона, айвон (балкон) ва дигар қисматҳои манзил маскун менамояд. Пас, заминаи асосии масъалаи маскуннамоӣ ду паҳлуро доро мебошад:

1. Масъалаи ба сифати аъзои оилаи соҳибмулки манзили истиқоматӣ эътироф намудани ҳамсари собиқ ва фарзандони ноболиғи он. Аз лаҳзаи бекор шудани ақди никоҳ муносибатҳои байни собиқ ҳамсарон аз лиҳози ҳам воқеӣ ва ҳам ҳуқуқӣ хотима меёбанд ва як қатор оқибатҳои ҳуқуқии дигар, ки дар қонунгузориҳои ҷорӣ ҚТ, аз ҷумла КО ҚТ [2] дарҷ карда шудаанд, ба миён меоянд. Дар ин асно таҷрибаи судӣ аз он бармеояд, ки барои маскун шудан ба манзили истиқоматие, ки ҳамсарон дар он иқомат менамуданд, пеш аз ҳама ҳамсари собиқ ва фарзандони ӯ, бояд ба сифати аъзои оилаи соҳибмулки манзили истиқоматӣ эътироф карда шаванд ва баъдан онҳо ҳуқуқ пайдо менамоянд, ки аз манзили истиқоматӣ истифода баранд. Ба сифати аъзои оилаи соҳибмулки манзили истиқоматӣ эълон намудани ҳамсари собиқ ва фарзандони ноболиғ заминаи

худро аз моддаи 121-122-и КМ ҚТ мегирад, ки он чунин муқаррар менамояд: «Аъзои оилаи молик ҳамсар ва фарзандони ҳамроҳашон доимӣ сукунатдошта ҳисоб меёбанд. Волидани зану шавҳар ва фарзандони онҳо, ки соҳиби оилаи худ мебошанд ва бо молик муқимӣ зиндагӣ мекунанд, танҳо бо розигии тарафҳо метавонанд аъзои оилаи молик доништа шаванд» [2].

Дар ҳолатҳои мустасно инчунин дигар ашхос, ки бо молик муқимӣ истиқомат мекунанд ва бо ӯ хоҷагии умумиро пеш мебаранд, чун аъзои оилаи молик шинохта мешаванд. Чунин қоида ҳамзамон дар ҳолати ба тариқи кироя гирифтани манзил низ татбиқ мегардад. Ба ақидаи Н.Ш. Қурбонализода дигар ҳешу ақрабо ва дар баъзе ҳолатҳои мустасно дигар ашхосро, ки бо кироягир якҷоя на камтар аз 6 моҳ, зиндагӣ мекунанд, бо вай хоҷагии умумӣ мебаранд, аъзои оилаи кироягир (молик) донистан мумкин аст [7]. Хурандагони ғайриқобили меҳнат, агар бо молик муқимӣ зиндагӣ кунанд, аъзои оилаи ӯ доништа мешаванд. Бахшо дар бораи аъзои оилаи молик дониستاني шахс ба тартиби судӣ ҳал карда мешаванд.

Аъзои оилаи молик, ки дар бинои истиқоматиаш ҷой дода шудаанд, ҳақ доранд баробари ӯ аз манзили истиқоматӣ истифода баранд. Онҳо ҳуқуқ доранд, ки дар хонаи барояшон ҷудонамудаи молик фарзандони ноболиғи худро ҷой диҳанд. Ҷойгир кардани дигар аъзоёни оилаи онҳо танҳо бо розигии молик имконпазир аст. Ин ашхос ҳуқуқи истифодаи хонаро дар мавриди қатъ гардидани муносибати оилавӣ бо молик низ нигоҳ дошта, вале ӯҳдадоранд хароҷоти нигоҳдошти бино, рӯи хавлӣ ва таъмири асосиро пардозанд.

Аз муқаррароти овардашуда бармеояд, ки чанд шарт барои эътироф намудани аъзои оилаи молик зарур аст:

а) Ҳамроҳ доимо зиндагӣ намудан (барои фарзандони ноболиғ танҳо зиндагии муқимии онҳо);

б) Хоҷагии умумӣ.

Бояд зикр намуд, ки ҳамзистии якҷояи зану шарвҳар ва пешбурди хоҷагии умумӣ на танҳо ҳуқуқи яке аз онҳоро ҳангоми бекор кардани ақди никоҳ барои истифодабарии манзил нигоҳ медорад, балки ҳамчун асоси ба вучуд омадани ҳуқуқи моликияти муштарак дар байни онҳо мегардад [8].

Масъалаҳое, ки дар ҷараёни баррасии парвандаи эътироф намудани аъзои оилаи молик ва маскун намудан ба вучуд меоянд ва ҳалли худро намеёбанд, дида мебароем:

Қайд намудан зарур аст, ки ба ғайр аз масъалаи ба сифати аъзои соҳибмулки манзили истиқоматӣ эълон намудани шахсони алоҳида, инчунин масъалаи хорич кардан аз аъзои оила ва дигар ашхосе, ки бо соҳибмулки манзили истиқоматӣ зиндагӣ мекунанд, баррасӣ менамояд. Ин ҳам бошад дар сурати мавҷуд будани асосҳои пешбининамудаи моддаи 70-и Кодекси Манзил, бидуни додани хонаи дигари истиқоматӣ аз хона бароварда мешаванд. Бидуни додани манзили истиқомати дигар танҳо дар ҳолатҳои зайл иҷозат дода мешавад:

1) агар онҳо хонаи истиқоматиро тибқи таъиноташ истифода набаранд ва чораҳои огоҳонӣ ва таъсиррасонии ҷамъиятӣ бенатиҷа бошад;

2) агар қоидаи зисту зиндагии умумиро мунтазам вайрон намуда, дар як квартира ё як бино ҳамроҳ зиндагӣ кардани дигаронро имконнопазир гардонанд ва агар тадбирҳои огоҳонӣ ва таъсиррасонии ҷамъиятӣ бенатиҷа бошад;

3) агар шахсоне, ки аз ҳуқуқи падарию модарӣ маҳрум гардидаанд ва зиндагии якҷояи онҳо бо фарзандоне, ки аз ҳуқуқи падарию модарӣ нисбат ба онҳо маҳрум гаштаанд, имконнопазир доништа шуда бошад.

Ашхосе, ки бидуни додани хонаи дигари истиқоматӣ кучонида мешаванд, тибқи ҳолатҳои пешбининамудаи бандҳои 3-4 қисми 1-и модаи 70-и КМ мумкин аст аз тарафи суд вазифадор карда шаванд, ки ба ҷои кучонидан,

хонаашонро бо хонаи дигари истиқомати пешниҳоднамудаи тарафи ба табдил манфиатдор иваз кунанд.

Масъалаи аввал ба меъёри манзили истиқоматӣ дахл дорад, ки мутобики м. 36-и КМ ҚТ меъёри майдони истиқоматӣ ба ҳар шахс ба андозаи 12 метри мураббаъ муқаррар мешавад. Дар таҷрибаи судии мо ин меъёр қариб, ки ба инобат гирифта намешавад. Масалан дар хонаи сеҳучрагӣ, ки ҳамагӣ 48 метри мураббаъ майдони асосиро доро мебошад, 6 нафар аъзои оила зиндагӣ менамоянд, ин худ ба меъёри майдони истиқоматӣ ба онҳо намерасад. Дар ҳолати оиладор шудани яке аз аъзои оила ва бекор намудани акди никоҳ, суд собиқ ҳамсарро дар хонаи алоҳида маскун менамояд. Нормасогии меъёри майдони истиқоматӣ боз зиёдтар мегардад. Таҷриба ба ин ҳолат чунин ҳулоса медиҳад, ки дар хонаҳои шахсӣ меъёри майдони истиқоматӣ аҳамияти зиёд надорад.

Масъалаи дигар дар он зоҳир мегардад, ки агар соҳибмулки манзил умуман шахси дигар бошад, аммо собиқ ҳамсарон дар он иқомат мекарданд, пас дар ин ҳолат масъалаи ба сифати аъзои оилаи молики манзили истиқоматӣ эътироф намудани ҳамсари собиқ бояд аз лиҳози манфиатҳои молики манзили истиқоматӣ баррасӣ карда шавад, яъне чунин аризаҳои даъвогӣ қонеъ гардонидани нашиндор. Таҷрибаи судӣ инро низ ба назар намегирад, зеро даъвогарон далелу асосҳои меоранд, ки баъзан суд асосҳои рақуниро истифода бурда наметавонад (масалан дар таҷрибаи суд дар хонаи зани якум зани дуҷумро маскун намудаанд, бо асосе, ки дар муҳлати зиндагии духафтаина зани дуҷум тавонистааст худро ҳамчун аъзои оила ба қайди хона гирад.). Инчӯ оё ҳуқуқи конституционии шаҳрванд ба моликият вайрон мегардад? Аммо не.

Оиди ин масоил Қарори Суди Конституционии ҚТ оид ба парванда аз рӯи дархости шаҳрвандон Маҳмудов М. ва Маҳмудов Э. «Дар бораи муайян

намудани мутобиқати моддаҳои 121 ва 122-и КМ ҚТ ва моддаи 147 ҚҚ ҚТ [5] ба моддаи 32 Конституцияи ҚТ» аз 3 октябри соли 2011 баромадааст, ки Суди Конституционии ҚТ қарор кард, ки моддаҳои 121 ва 122-и КМ ҚТ ба моддаи 32-и Конституция муқолиф нест, зеро Конституция ва санадҳои ҳуқуқи байналмилалӣ ба хоҳири ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои дигарон ва дигар асосҳои ниҳии пешбинӣ намудаи онҳо маҳдуд кардани ҳуқуқи озодиҳои шаҳрвандро пешбинӣ менамоянд. Чунинчӯ талаботи қисми 2-и моддаи 29-и Эълумияи умумии ҳуқуқи башар (ЭУҲБ) муқаррар мекунад: «Ҳар як инсон дар бобати татбиқи ҳуқуқи озодиҳои худ бояд танҳо ба дараҷае маҳдуд карда шавад, ки аз тарафи қонун фақат бо мақсади эътирофу эҳтироми ҳуқуқи озодиҳои дигарон ва қонеъ гардонидани талаботи одилонаи ахлоқӣ, тартиботи ҷамъиятӣ ва осудаҳои умумӣ дар шароити ҷомеаи демократӣ муқаррар карда шудааст» [6].

Тибқи талаботи қисми 3-и моддаи 14-и Конституцияи ҚТ «маҳдуд намудани ҳуқуқ ва озодиҳои шаҳрванд танҳо бо мақсади таъмини ҳуқуқ ва озодиҳои дигарон, тартиботи ҷамъиятӣ, ҳимояи соҳти конституционӣ ва тамомияти арзии ҷумҳурӣ раво дониста мешавад» [1]. Бинобар ин меъёрҳои дар боло номбаршуда ба Конституция муқолифат надоранд.

Масъалаи дигар ин аст, ки шахси маскуншуда нисбати ҳуҷраи ҷудокардашуда қадом навъи ҳуқуқи субъективиро пайдо менамояд. Дар асоси Конституция ва КГ [4] соҳибмулк метавонад манзили истиқомати худро ихтиёрдорӣ (м.232, 269 КГ) намояд ва шахси маскуншуда садди роҳи ин шуда наметавонад. Аммо дар м. 558 - и КГ яке аз шартҳои муҳими фурӯши манзили истиқоматӣ ин дар асоси шартномаи хариду фурӯш дарҷ намудани номи шахсоне, ки ба ин манзил ҳуқуқи истифодабариро мутобиқи қонун доранд, мебошад. Шахси маскуншуда ба сифати истифодабарандаи манзили истиқо-

матӣ ҳуқуқи худро ба хучраи ҷудокардашуда ҳангоми иваз шудани соҳибмулки манзил низ нигоҳ медорад. Ин ҷо мо қоидаҳои ҳуқуқи ашӯро ба хотир меорем, ки мутобиқи он шахси маскуншуда нисбати хучра дар манзили истиқоматӣ маҳз ҳамин гуна ҳуқуқ, яъне ҳуқуқи маҳдуди ашӯро доро мебошад, зеро ин манзил дорои соҳибмулки худ буда, шахси маскуншуда аз он дар асоси қонун онро танҳо истифода мебарад.

Дар моддаи 320-и КГ омадааст, ки «Ҳуқуқҳои маҳдуди ашӯ ба соҳибӣ, истифода ва ихтиёрдорӣ қардани ашӯ, инчунин дар натиҷаи уҳдадорӣҳои шартномавӣ, ба монанди шартномаи кироия ашӯ, иҷора, қарз, ва дигар ҳолатҳои пешбининамудаи қонун низ ба миён меоянд. Ба дигар ҳолатҳо, махсусан аъзои оилаи молик эътирофшуда дохил мешавад, ки он дар асоси қонун хучраи ба ӯ бо ҳуқуқи истифода вогузашташударо истифода мебарад.

Масъалаи дигар ин мӯҳлати зисти шахси маскуншуда мебошад. Ин масъала умуман дар қонунгузорӣ танзим карда нашудааст. Дар амалияи судӣ низ ин проблемаро ба вучуд овардааст, зеро судҳо танҳо ба қонун итоат менамоянд, аммо қонун дар ин маврид каме норасогӣҳо дорад.

Дар ҳолати мусодира, реквизиция ва ҳолатҳои дигаре, ки аз молик вобастагӣ надорад, вазъи ҳуқуқи маскуншуда дар қадом сатҳ қарор мегирад, оиди ин масъала қомилан на дар ҳалномаи суд ва на дар қонунгузорӣ ҷиҳе равшан нест.

Дар натиҷаи таҳлилҳо ба ҳулосаи зарурӣ омада, ҷиҳати бартараф қардан ва дуруст танзим намудани масъалаҳои дар боло зикрқардида роҳҳои зерини ҳалли ин қабил масоилҳо пешниҳод карда мешавад: Якум, дар КГ масъалаи ҳуқуқи ашӯ бояд ба таври умумӣ ва дахлдор ба танзим дароварда шаванд. То он вақте, ки дар КГ масъалаи ҳуқуқи ашӯ пурра дарҷ карда нашаванд, мо оид ба ҳалли масъалаи маскуннамоӣ шурӯъ карда

наметавонем, аз ҷумла оид ба ҳуқуқҳои маҳдуди ашӯ. Ноқисии қонун дар таҷриба барои қабул намудани қарорҳои гуногун асос қардид, дар натиҷа ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд мавриди ғимоя ва амали дуруст қарор намегиранд.

Дуввум, дар КГ дар қатори дигар ҳуқуқҳои маҳдуди ашӯ чунин намуди он – узурфрукти иҷтимоӣ (узурфрукт қал. Латинӣ «usus»- буда, маънояш истифода бурдан ва «fructus» - фоида мебошад. Ба сифати яке аз ҳуқуқҳои маҳдуди ашӯ дар қонунгузори мамлакатҳои хориҷӣ бо назардошти хусусиятҳои алоҳида мустақкам қарда шудааст) [10] бо чунин хусусиятҳо дарҷ карда шаванд:

а) объекти ин ҳуқуқ бояд хучраи дахлдор дар манзили истиқоматӣ бошад;

б) ба сифати истифодабарандагони ин ҳуқуқ шахсоне мебошанд, ки аъзои оилаи соҳибмулки манзили истиқоматӣ эътироф қарда шаванд. Яъне шахсони маскуншаванда маҳз бояд аъзои (собиқ аъзо) оилаи соҳибмулки манзил бошанд, яъне ҳамсар, фарзанд ва ё волидайнӣ онҳо. Дигар шахсон аз ҷумла собиқ ҳамсари фарзанд ба сифати аъзои оила эътироф қарда намешаванд;

в) масъалаи амалисозии узурфрукти иҷтимоӣ дар асоси ҳалномаи судӣ бояд сурат гирад, ба шарт ки созиш байни соҳибмулкони манзили истиқоматӣ ва аъзои (собиқ аъзои) оилаи ӯ вобаста ба масъалаи мазкур баста нашуда бошад;

г) на ҳамаи аъзоёни (собиқ аъзоёни) оилаи соҳибмулки манзили истиқоматӣ имкони истифода бурдан аз узурфрукти иҷтимоиро вобаста ба манзили истиқоматӣ доро мебошанд. Танҳо он аъзо (собиқ аъзо) – и оилаи соҳибмулки манзили истиқоматӣ ин ҳуқуқро дастрас қарда метавонад, ки агар ӯ дар ҳақиқат ҳам собит намояд, ки дорои манзили дигари истиқоматӣ набуда, имкони дастрас намудани манзили истиқоматии дигар намебошад;

д) дар ҳолати пешниҳоди манзили истиқомати иҷорагирифта аз ҷониби ҷавобгар ба даъвогар, яъне таъмин намудани даъвогар бо манзили истиқомати дигар, ки маблағи иҷора (танҳо маблағи иҷора)-ро ҷавобгар дар асоси шартномаи иҷора пардохт менамояд, суд бояд дар асоси ҷунин шартномаи иҷора ҳалномаи дахлдори худро қабул намуда, аризаи даъвогиро оид ба маскун намудан дар манзили истиқомати ҷавобгар (соҳибмулки манзили истиқоматӣ) бояд рад намояд. Муҳлати шартномаи иҷора ба давомнокии татбиқшавии узуфрукти иҷтимоӣ (оилавӣ) бояд баробар бошад ва ғайра.

Дар ҳолати оилаи нав бунёд намудани узуфруктуарий суд дар асоси аризаи ҷавобгар татбиқи узуфруктро метавонад қатъ намояд. Дар ҳолати ғавти яке аз тарафҳо ҳуқуқи мазкур қатъ мешавад. Фарзандони ноболиғи онҳо мутобиқи қонунгузориҳои ҷорӣ вазъи ҳуқуқиашон баррасӣ карда мешавад. Ҳангоми ихтиёрдорӣ намудани манзили истиқоматӣ аз ҷониби соҳибмулк ба узуфруктуарий то фуруштани манзил, манзили истиқомати дигар бояд пешниҳод карда шавад. Ин ҳолат дар замони розӣ будани харидори манзил бо ҳуқуқҳои узуфруктуарий ба он, ки аз ҷониби фурушанда ба харидор маълум карда шуда буд, аз ҷониби соҳибмулки манзили истиқоматӣ амалӣ карда намешавад [9].

Бояд зикр намуд, ки ин масъала яке аз институтҳои ҳуқуқи манзил мебошад, ки дар таҷрибаи давлатҳои пешрафтаи дунё ба назар мерасад ва бояд дар доираи ҳуқуқи манзил ва КМ ҚТ низ ҳалли худро ёбад. Дар натиҷаи таҳлили адабиётҳои илмӣ ва таҷрибаи қонунгузориҳои манзилии баъзе аз давлатҳои пешрафтаи ҷаҳон, аз ҷумла Федератсияи Россия, назария ва амалия пешниҳод карда мешавад, ки вобата ба ин мавзӯ ба м. 36, 121 ва 122-и КМҚТ якҷанд банди дигар илова карда шавад.

Аз он ҷумла, дар қисми 3 моддаи 36-и КМ ҷунин илова карда шавад:

«дар мавриди эътирофи аъзои оилаи молик меъёри манзили истиқоматӣ ба назар гирифта шавад»;

Ба қисми 3 м. 121 ҷунин илова карда шавад: «Дар ҳолати қатъ шудани муносибатҳои оилавӣ бо соҳибмулки манзили истиқоматӣ ҳуқуқи истифодаи манзили истиқоматӣ низ нисбати аъзои оилаи собиқ қатъ мешавад. Аъзоёни собиқи оила дар ҳолате ҳамчун аъзои оилаи молик эътироф карда мешаванд, ки ӯ аъзои собиқи оилаи молик аз он ҷумла ҳамсар, фарзандон ва волидайнӣ ҳамроҳашон суқунатдошта буда, воқеан ба манзили истиқоматӣ эҳтиёҷ доранд».

Дар моддаи 121-и КМ ҷунин муқаррарот илова карда шавад: «муҳлати истифодаи манзили истиқомати собиқ аъзои оила 3 сол аст. Суд метавонанд, ки соҳибмулкро ӯҳдадор намояд, барои таъмин бо манзил, дигар манзили истиқоматиро барои собиқ ҳамсар ё дигар аъзои оила, ҳамчун иҷроии уҳдадорӣ алиментӣ бо талаби онҳо таъмин намояд».

Қисми 4 м. 121 «дар баробари гузаштани муҳлати истифодаи манзили истиқоматӣ, ҳуқуқи истифодаи манзили истиқомати аъзои оилаи собиқ қатъ мегардад. Ин ҳуқуқ ҳамчунин дар ҳолатҳои муқаррарнамудаи қонунгузорӣ бо қарори суд ва ё дигар асосҳои метавонад пеш аз ба охир расидани муҳлати истифодаи манзили истиқоматӣ қатъ гардад».

Мутаносибан, қисми 3-и м. 121-и КМ амалкунанда ба қисми 5 табдил дода шавад.

Ибораи зерин: «Ин ашхос ҳуқуқи истифодаи хонаро дар мавриди қатъ гардидани муносибати оилавӣ бо молик низ нигоҳ дошта, вале ӯҳдадоранд хароҷоти нигоҳдошти бино (квартира), рӯи ҳавлӣ ва таъмири асосиро пардозанд» аз моддаи 122-и КМ бардошта шавад.

Адабиёт:

1. Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри соли 1994.
2. Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1998, № 22, мод.303; соли 2006, №4, мод. 196.
3. Кодекси манзили Ҷумҳурии Тоҷикистон // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1997, № 23-24, мод. 337.
4. Кодекси граждани қ.1. // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1999, № 6, мод. 153; соли 2001, № 7, мод. 508; соли 2002, № 4, қ-1, мод. 170; соли 2005, №3, мод. 125; соли 2006, №4, мод. 193.
5. Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1998, № 9, мод. 68; №22, мод. 306; соли 1999, №12, мод. 316; соли 2001, № 4, мод. 149, 167; соли 2002, №11, мод. 675, 750; соли 2003, № 8, мод. 456, 468; соли 2004, №5, мод. 346; №7, мод. 452- 453; соли 2005, №3, мод. 126; №7, мод. 399; №12, мод. 640.
6. Диноршоев А.М. Санадҳои универсалии байналмилалӣ ва милли оид ба ҳуқуқи инсон. – Душанбе, 2010. – С.12.
7. Қурбонализода Н.Ш. Ҳуқуқи манзили Ҷумҳурии Тоҷикистон. Воситаи таълимӣ. – Душанбе, 2016. – С.66.
8. Маҳмудзода М., Худоёрзода Б. Ҳуқуқи оилавии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Китоби дарсӣ. – Душанбе: Эр-граф, 2015. – С. 204.
9. Маҳмудов М.А., Менглиев Ш.М. Ҳуқуқи хусусии римӣ. – Душанбе: Сино, – 2004. – С. 62
10. Социальный узурфрукт как институт удовлетворения жилищных потребностей граждан. www.center-bereg.ru/b3760.html. Дата доступа 16.02.2017г.

**СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ФУНКЦИОНАЛЬНО – ДОКУМЕНТАЛЬНОГО
СТИЛЯ РЕЧИ**

Афзали М. К.,

доцент кафедры иностранных языков юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат педагогических наук.

E-mail: lingua-law@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируются вопросы перевода юридических документов. Особую сложность приобретают перевод словообразовательных моделей. Автором исследуются различные методы перевода словообразовательных суффиксов, префиксов, модальных и пассивных конструкций.

Ключевые слова: словообразовательные суффиксы и префиксы, акронимы, трансформация, транслитерация, адекватный перевод, субстантивные группы, причастные и инфинитивные конструкции, каузативные конструкции, препозитивные атрибутивные конструкции.

**МУШКИЛОТИ ТАРЧУМАИ САБКИ ФУНКЦИОНАЛИИ ҲУҚҚАТНИ-
ГОРӢ**

Афзали М.К.,

дотсенти кафедраи забонҳои хориҷии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, номзади илмҳои педагогӣ

E-mail: lingua-law@mail.ru

Ҷишурда. Дар мақолаи мазкур масъалаи тарҷумаи ҳуққатҳои ҳуқуқӣ мавриди баррасӣ қарор дода шуда, тарзи сохтани калимаҳои таҳассусӣ пешниҳод гардидааст. Муаллиф усулҳои гуногуни тарҷумаи суффиксҳо, префиксҳо ва тарҳи калимасозиро тадқиқ намудааст.

Калидвожаҳо: суффикс ва префиксҳои калимасозӣ, акронимҳо, трансформатсия, тарҷумаи маънавӣ, гуруҳҳои субстантивӣ, соҳти сифати феълӣ ва феъли масдар ва дигар сохторҳои грамматикӣ.

**COMPLEXITY OF TRANSLATING DOCUMENTARY FUNCTIONAL STYLE
OF SPEECH**

Afzali M.K.,

assistant Professor of the Department of Foreign Languages of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Pedagogical Sciences

E-mail: lingua-law@mail.ru

Summary. The present article deals with the issues of translation official legal documents. Special attention is given to the translation of word building models. The author analyzes the various methods of translation word – building suffixes and prefixes as well as grammatical constructions.

Key words: word – building suffixes and prefixes, acronyms, transformation, transliteration, adequate translation, substantive constructions, participle and infinitive constructions, causative and attributive constructions.

Перспективы развития национальной языковой политики четко определены президентом республики и сформулированы следующим постулатом «Хорошее образование на всю жизнь», что и предусматривает прочные, стабильные знания, обеспечивающие конкурентоспособность и карьерный рост. Реальный спектр академических знаний в данном случае обеспечивает коммуникативную компетентность будущего специалиста в различных сферах человеческой деятельности.

В этой связи особую значимость имеет умение переводить текст, относящийся к выбранной профессии.

Перевод юридических документов – это один из самых древних типов перевода. Во многом именно с них начинается письменность, поскольку письменный официально – деловой текст является не просто текстом, а официальным документом. Языковые средства юридического текста отбираются таким образом, чтобы исключить двусмысленность и разночтение. Как отмечает А.П. Бурак, основной задачей перевода документального текста является его максимальная интерпретируемость и адекватность [2].

С переводом традиционных и устоявшихся в языке словообразовательных моделей, как правило, трудностей не возникает. Сложнее дело обстоит с обеспечением репрезентативности перевода официальных документов, справок, сертификатов, дипломов и т.д.

Для примера приведем казусы перевода официально заверенного документа.

“This passport is the property of the Republic of Tajikistan

Authorities of Friendly States are requested to extend all countries to the bearer of this passport, citizen of Republic of Tajikistan in traveling abroad.

This passport should be kept and stored in a dry place. It should be treated as an electronic device. The passport should be kept out of microwaves exposure, high temperature and hard mechani-

cal effect” Переводчик преподносит текст таким образом:

«Данный паспорт является частной собственностью Республики Таджикистан.

Власти дружественных стран государств обращаются с просьбой расширить все любезностями на предъявителя этого паспорта гражданина Республики Таджикистан в выезде его за границу.

Паспорт должен храниться в сухом месте из-за рассматривания его как электронное оборудование. В паспорте должны быть из микроволн воздействия, высоких и низких температур и жестких механических воздействий».

Еще более смехотворным является перевод “Republic of Tajikistan is democratic, independent, law – based, secular state, with Republican form of the Government” «Республика Таджикистан - государство демократическое, независимое, закономерное, мирное»

Автором юридического документального текста обычно является юрист, поэтому к нему предъявляются строгие требования. На наш взгляд такие же требования должны учитываться при переводе юридических документов. Переводчик официально заверяет документ, и тем самым придает ему законную силу. Языковые средства юридического текста отбираются таким образом, чтобы полностью исключить двусмысленность и неточность. Юридический документ отличается высокой степенью клишированной лексики, т.е. имеются определенные шаблоны для основных документов – контрактов, договоров, справок, заключений и др.

Например, довольно трудным для перевода являются английские образования с суффиксами – **able, ible**, которые носят признаки причастия и в них ярко выражена семиотика глагольности, потенциально открытой для действия. Перевод, как правило, утяжеляется из –за необходимости разворачивать сжатый элемент глагола в отдельное словосочетание: **defensible** – такой, который можно защитить, право-

мерный; **taxable** – облагаемый налогом; **calculable** – поддающийся подсчету. Среди наиболее сложных способов словообразования в английском языке следует назвать аффиксальный способ, создание новых слова из фразовых глаголов, образование сложных слов и сокращений. Аффиксальный способ означает образование слов с помощью приставок и суффиксов. При этом одни образования вполне обычны и переводятся такими же обычными словами. Другие еще не устоялись в языке, и потому требуют соответствующих способов перевода. В последнее время продуктивной в английском языке становится модель образования новых слов с суффиксом – **age**. Так, слово **mileage** означает – **пробег**, количество миль, пройденных транспортным средством. Однако словосочетание – **political mileage** – следует переводить не как – **политический пробег**, а **политический опыт**. Перевод «политический опыт» малопонятен, в то время как «политический опыт» верно, отражает суть политического явления. В английском языке распространены, например, слова со следующими суффиксами и приставками:

a – не, без – amorphous – бесформенный;

bi – би, двух – bigamist – двоеженец;

gap – (полусуффикс со значением недостаток чего – либо) – evidence gap – недостаток улик);

gate – нов. (полусуффикс со значением «политический скандал»);

bolic – (суффикс со значением «чрезмерно увлекающийся чем – либо) – голик. alcoholic – алкоголик;

para – (близкий чему – либо) paramilitary – военизированный.

Как видно из примеров, не всегда можно подобрать в более или менее полной мере адекватный перевод того или иного лексического образования. Непросто в полной мере обеспечить перевод слов, образованных от фразовых глаголов. Например, слово **stowaway (stow away)** – означает «безбилетный пассажир»; **pickpocket (to pick)** –

карманник. Такое словосочетание как “**Filiation proceeding**” (установление отцовства) было ошибочно переведено как «Процедура наследования», **Battery (побои, тяжкие телесные повреждения)** было переведено как «батарейя»

Довольно часты такие, например, образования от фразовых глаголов:

bring down – (to bring down) – словесное оскорбление, унижительное замечание;

hands on – обладающий практическим опытом;

off the shelf – стандартный;

rip – off – грабеж;

throwaway evidence – ненужные доказательства.

Сложные слова также представляют проблему для переводчика:

all – or – none application-

does and don'ts – правила;

bit- and – miss –непредсказуемый;

least – worst-выбираемый как наименьшее зло;

once – over – lightly –халатность;

peace – and – order officers- блюстители порядка, законности

small – tooth – comb- тщательное расследование;

warts – and – all – за и против;

would – be – имеющий шанс;

Еще один тип словообразовательных моделей – это сокращения. Существует несколько типов сокращений: 1) сокращения типа «буква – слово»; 2) сокращения, представляющие собой усеченные слова; 3) сложносокращенные слова; 4) акронимы (сокращения по начальным буквам словосочетаний). Например, **ИНН** (идентифицированный номер налогоплательщика). Если перевести на английский язык, то получится **Individual Tax – payer- number** индивидуальный налоговый номер. Как это обозначить при переводе документа? По начальным английским буквам **I.T.N** или полной расшифровкой? Или же оставить **INN**. Дело в том, что большая часть юридических и финансовых сокращений – исконно русская. Полных аналогов таких терминов за рубежом нет, что ставит нас перед выбором просто перевести

аббревиатуру или в скобках (сносках) указать, что она означает.

Очень часто, занимаясь переводом юридических текстов и даже обычных справок, мы сталкиваемся со сложными трудно расшифруемыми реалиями. Солганик Г.Я указывает на то, важным аспектом при переводе юридического текста является выработка навыка редактирования чужого текста [6].

Среди юридических терминов - сокращений омонимия встречается гораздо чаще, чем среди полной формы [1]. Например, **J.P.** – **junior partner**-младший компаньон; **justice of peace** – судья магистрат (мировой судья); **LL-limited**- ограниченный, **Law Latin** – латинское право; **H.C.** – **Habeas Corpus** – закон о презумпции невиновности, **habitual criminal** – привычный преступник; **CPS** – **Crown Prosecution Service**- служба уголовного преследования; **CA** – **Court of Appeal** – апелляционный суд; **A/S** – **Arrest/ Summon**- вызов в суд (повестка); **A.S.A.P** – **as soon as possible**; **N.D** – **narco**

dollars – доходы от продажи наркотиков [1].

В отношении юридических документов следует отметить, что среди них немало интернациональной лексики

(апелляция, кассация, репартация, коммюнике, атташе и др.), которая не подлежит переводу. В этой связи хотелось бы привести слова Л Толстого: «Если бы я был царь, я бы издал указ, что писатели, которые употребляют слова, значения которых не могут точно объяснить, лишаются права писать и получают 100 ударов розги»

Таким образом, для того, чтобы обеспечить репрезентативность при переводе юридического текста необходимо учитывать реципиенты переводного текста, культурную традицию его языка, а также учитывать все нюансы функционально – документального стиля речи.

Литература:

1. Анисимова Ю.А. Сокращение юридических терминов в лексической системе английского языка. Автореф. дис.канд. филол. наук. – Саратов, 2012.
2. Ахманова А.С. Социокультурные проблемы языка и коммуникации. М.,2010
3. Бурак А.П. Юридический и деловой английский. – М., 2002.
4. Комиссаров В.Н. Перевод как объект лингвистических исследований // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. – М.,1999.
5. Латышев Л.К. Технология перевода. – М., 2001.
6. Солганик Г.Я. Стилистика юридического текста. – М., 1999.
7. Якобсон Р. Лингвистические аспекты перевода. – Варшава, 1989.

МИНБАРИ ОЛИМОНИ ЧАВОН – ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ҲУҚУҚИ КӢДАК БА ТАҲСИЛ

Мизробов Ш.Ш.,

ассистенти кафедраи ҳуқуқи инсон ва
ҳуқуқшиносии муқоисавии факултети
ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии
Тоҷикистон

E-mail: dahkat_1988@mail.ru

Бобохонов Ф.А.

донишҷӯи соли 4-уми ихтисоси муносибатҳои
байналмилалӣ (ҳуқуқ)-и факултети
ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии
Тоҷикистон

E-mail: farodil.faridunjon@gmail.com

Ихтисоси илмӣ: 12.00.01 – назарияи давлат ва ҳуқуқ; таърихи давлат ва ҳуқуқ;
таърихи таълимот оид ба ҳуқуқ ва давлат

Роҳбари илмӣ: Сафарзода Б.А., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Муқарриз: Азиззода У.А., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Ҷишурда. Дар мақола масъалаи кафолати иҷроиш ва риояи ҳуқуқи кӯдакон ба таҳсил, танзими он аз нигоҳи санадҳои ҳуқуқи байналмилалӣ ва қонунгузориҳои миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Муаллифон нақши муассисаҳои томактабӣ ва таъмини иҷроиши ҳуқуқи кӯдаконро ба гирифтани таълиму тарбияи томактабӣ, дар пешрафти маърифати ҷомеа ва дар оянда омода намудани кадрҳои болаёқат аввалиндараҷа ва мӯҳим меҳисобанд.

Калидвожаҳо: ҳуқуқи кӯдак, кӯдакон, таҳсил, ҳуқуқ ба таҳсил, муассисаҳои томактабӣ ва мактабӣ.

ПРАВО РЕБЕНКА НА ОБРАЗОВАНИЕ

Мизробов Ш.Ш.,

ассистент кафедры прав человека и
сравнительного правоведения юридического
факультета Таджикского национального
университета

E-mail: dahkat_1988@mail.ru

Бобохонов Ф.А.,

студент 4-го курса специальности
международные отношения (право)
юридического факультета Таджикского
национального университета

E-mail: farodil.faridunjon@gmail.com

Научная специальность: 12.00.01 – теория права и государства; история права и
государства; история учений о праве и государстве

Научный руководитель: Сафарзода Б.А., доктор юридических наук, профессор
Рецензент: Азизов У.А., доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В данной статье рассматриваются гарантии исполнения и соблюдения право ребенка на учебу, и его регулирование с точки зрения международных и национальных нормативных актов. Авторы считает, что дошкольные учреждение имеют первостепенную роль для развития знание общество и подготовки талантливых кадров.

Ключевые слово: дети, учеба, право на учебу, дошкольные и школьные учреждение.

THE RIGHT OF KIDS FOR EDUCATION

Mizrobov SH.SH.,
the assistant of human rights, and comparative law department, of law faculty, of Tajik National University
E-mail: dahkat_1988@mail.ru

Бобохонов Ф.А.,
4th year student of specialty International Law of the Faculty of Law of Tajik National University
E-mail: farodil.faridunjon@gmail.com

Scientific specialty: 12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the doctrines of the law and state

Research supervisor: Safarzoda B.A., doctor of law, professor
Research supervisor: Azizov U.A., doctor of law, professor

Annotation. This article deals with the guaranties of implementation and abidance of the kid's rights for education, the regulation of them according to international legal normative acts and national legislation of Tajikistan. The authors offers that the role of preschool institutions and guarantee of implementation of kid's rights for access to education and nurturing have an important place for development of awareness in society and preparing the talented candidates for the future.

Keywords: kids, education, the right for education, preschool and school institutions.

*Пояи давлат нагардад бе маориф
устувор,*

*Давлати поянда хоҳӣ руй бар
мактаб биёр.*

Президенти кишвар, Асосгузори сулҳу Ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар суҳанрониҳои худ борҳо қайд менамоянд, ки соҳаи маориф дар сиёсати давлат ҳамчун соҳаи калиди ҳаст ва ҳамин тавр хоҳад монд. Ҳамчунин, дар ин самт зикр менамоянд, ки ҷавонону наврасон ояндаи давлату

миллат мебошанд, аз ин рӯ онҳо бояд ба таҳсил фаро гирифта шаванд.

Дар илми ҳуқуқи инсон ва қонунгузори дохилию байналхалқӣ яке гуруҳи ба ҳимоя эҳтиёҷманди аҳоли ин кӯдакон мебошанд, ки дар баробари дигар қишрҳои аҳоли дорои ҳуқуқ ва озодиҳои худ буда, дар муносибатҳои ҷамъиятӣ шахсан худ ва ё тавасути намояндаи қонунии худ ширкат меварзанд. Ба сифати далели ин бошад, меъёрҳо ва санадҳои меъёрии ҳуқуқии ҷудогонаи байналмилалӣ ва миллӣ баромад менамояд.

Вобаста ба ин масъала бори нахуст Лигаи Милатҳо машғул шуда, соли 1924 Эълумияи Женева оид ба ҳуқуқи кӯдакро қабул намуд. Аммо ин ҳуҷати қабулнамудаи Лигаи Милатҳо на ҳамаи манфиатҳои кӯдаконро ба инбоат гирифта буд. Ғайр аз ин, умри кӯтоҳи Лигаи Милатҳо имкон наметавонад, ки ба ин масъала пурра машғул шавад. Зеро соли 1945 бар ивази Лигаи Милатҳо Созмони Милали Мутаҳид ҳамчун созмони бонуфуз таъсис дода шуд, ки неқуаҳволӣ ва таъмини бечунучарои ҳуқуқҳои кӯдакон чун вазифаи аввалиндараҷа мавриди диққати он қарор гирифт. Дар самти таъмин ва ҳимояи ҳуқуқҳои кӯдакон ин созмон тадбирҳои зиёди ҳуқуқӣ ва ташкилӣ роҳандозӣ намуд. Чунончи соли 1946 СММ Ҳазинаи Кӯдакони худро таъсис дод, ки қадами муваффақ дар робита ба ҳимояи манфиатҳои кӯдакон буд. Ин Ҳазина ба зуди тарафдорони худро пайдо намуда, аксари давлатҳои ҷаҳон ба он пайвастанд, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон низ аз ин истисно набуд. Ин ҳазина давлатҳои аъзои худро вазифадор намуд, ки ҳуқуқҳои кӯдаконро бечунучаро таъмин намоянд ва дар амалӣ намудани онҳо мусоидат намоянд, ки ҳуқуқ ба таҳсил аз ҷумлаи онҳоро ташкил медиҳад.

Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамкориҳои худро бо Ҳазинаи кӯдакони СММ дар давраи Истиқлолияти давлатӣ ба роҳ монда, намояндагии ин ҳазина соли 1993 дар Ҷумҳурии Тоҷикистон таъсис дода шуда. самтҳои гуногуни фаъолияти ҳаётии кӯдаконро дар бар мегирифт. Яке аз самтҳои асосии фаъолияти ин Ҳазина дар ҷумҳурӣ ин самти маориф – таҳияи маводи таълими барои хонандагони мактабҳо мебошад.

Яке аз масъалаҳои, ки мавриди таваҷҷуҳи махсуси Ҳазинаи мазкур қарор гирифтааст, ин масъалаи баробарии духтарон бо писарон дар гирифтани таълиму тарбия ва тарқи таҳсил аз ҷониби духтарон мебошад. Аз ин хотир, ҳазинаи мазкур инро ба инобат гирифта, барномаи “Таҳсилот барои ҳама”-ро қабул намуд, ки ин

имконияти баробарҳуқуқии писарону духтаронро ба таҳсил таъмин менамояд.

Дар арсаи байналмилалӣ як қатор санадҳои меъёрии ҳуқуқии байналмилалӣ қабул карда шудаанд, ки ҳуқуқу озодиҳои кӯдакон аз ҷумла, ҳуқуқи таҳсили онҳоро танзим менамояд. Ба онҳо дохил мешаванд: Эълумияи Женева оид ба ҳуқуқи кӯдак аз соли 1924 дар доираи Лигаи Милатҳо, Эълумияи СММ оид ба ҳуқуқи кӯдак аз соли 1959 дар доираи СММ, Аҳдномаи СММ доир ба ҳуқуқи кӯдак аз соли 1989, инчунин санади муассисии Бунёди кӯдакони СММ ЮНИСЕФ, Эълумияи умумии ҳуқуқи башар аз соли 1948, Паймони байналмилалӣ доир ба ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ аз соли 1966, Конвенсия дар бораи барҳам додани тамоми шаклҳои таъбиз нисбати занон аз соли 1979, Аҳднома дар бораи барҳам додани тамоми шаклҳои таъбизи наҷодӣ аз соли 1965 ва ғайраҳо.

Бояд қайд намуд, ки вобаста ба масъалаи ҳуқуқи кӯдакон ба таҳсилот дар ҳама санадҳои меъёрии ҳуқуқии номбурда муқараротҳои ҷудогона оварда шудаанд. Аз ҷумла, моддаҳои 28 ва 29-и Конвенсияи СММ доир ба ҳуқуқи кӯдак, моддаи 26-и Эълумияи умумии ҳуқуқи башар, моддаҳои 13 ва 14-и Паймони байналмилалӣ доир ба ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ, моддаи 10-и Конвенсия дар бораи барҳам додани тамоми шаклҳои таъбиз нисбати занон, зербанде аз моддаи 5-и Конвенсия дар бораи барҳам додани тамоми шаклҳои таъбизи наҷодӣ ва ғайраҳо.

Бояд қайд намуд, ки яке аз ҳуқуқҳои муҳими кӯдакон, ки ба рушди инкишофи маънавии онҳо мусоидат менамояд, ин ҳуқуқ ба таҳсил мебошад. Вобаста ба ин масъала бошад, санадҳои меъёрии ҳуқуқии номбурда истисно набуда, муқараротҳои зарурӣ бар зиммаи давлатҳо вогузоштаанд, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон аз ҷумлаи онҳо мебошад.

Ҷумҳурии Тоҷикистон вобаста ба масъалаи мазкур тамоми санадҳои меъёрии ҳуқуқии байналмилалӣ

номбурдаро, мутобиқи қисми 3-и моддаи 10-и Конституцияи худ эътироф намуда, муқараротҳои онҳоро дар қонунгузории дохилии худ мустақкам гардонидаст.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳуқуқи кӯдакон ба таҳсил, қисмати асосии ҳуқуқҳои фарҳангиро ташкил дода, танзими ҳуқуқи он дар қонунгузории соҳавӣ дарҷ ёфтааст.

Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳуқуқи кӯдакро ба маълумот кафолат медиҳад (моддаи 41). Зимнан, Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон кӯдакро барои гирифтани маълумоти умумии асосӣ (то синфи 9) уҳдадор менамояд. Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон чун қонуни асосии кишвар таълими умумии асосии хатмии роғонро дар муассисаҳои таълимии давлатӣ кафолат медиҳад [1, с. 7].

Мавриди зикр аст, ки меъёри моддаи 41-уми Конституция қариб пурра ба меъёрҳои моддаҳои санадҳои байналмилалӣ дар боло қайд кардашуда мутобиқат менамояд. Аммо, байни онҳо танҳо фарқиате ба назар мерасад. Дар Аҳдномаи СММ доир ба ҳуқуқи кӯдак, Паймони байналмилалӣ доир ба ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ ва Эълومияи умумии ҳуқуқи башар, хусусан дар ду санади аввала ба масоили ҳуқуқи кӯдакон ба таҳсил ду моддаҳои алоҳида бахшида шудааст, ки дар якеаш ҳуқуқ ба таҳсил ва дар дигараш мақсади таҳсил муқарар карда шудааст. Умуман дар санадҳои байналмилалӣ ба ҷуз аз ҳуқуқ ба таҳсил, инчунин мақсади таҳсил низ қайд карда шудааст, ки чунин муқарарот дар Конституцияи мо ба назар намерасад. Бояд гуфт чунин муқарарот на танҳо дар Конституция, балки дар дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, аз ҷумла Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи маориф” низ дида намешавад.

Яке аз дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқи миллие, ки масъалаи таҳсилоти кӯдаконро муқарар менамояд, ин Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи маориф” мебошад, ки 22-юми июли соли 2013 қабул карда шуда, аз 8

боб ва 69 модда иборат мебошад. Ин қонун пурра ба масъалаҳои маориф, хусусан ба масъалаи таҳсилот бахшида шудааст, ки тибқи муқарароти моддаи 6-и қонуни мазкур давлат ба шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон, новобаста ба миллат, наҷод, ҷинс, забон, эътиқоди динӣ, мавқеи сиёсӣ, вазъи иҷтимоӣ ва молумулкӣ ҳуқуқ ба таҳсилро кафолат медиҳад [2, с. 5]. Яъне қонунгузори мавҷудияти ҳама гуна таъбизро дар бахши ҳуқуқ ба таҳсил инқору сарқуб менамояд.

Аммо бояд гуфт, ки дар қонуни мазкур, инчунин якҷанд масъалаҳои низ мавҷуданд, ки барои дар амал пиёда кардани меъёрҳои мавҷудаи қонун мақомотҳои назоратӣ фаъолиятшон ҷоннок карда шавад. Имрӯзҳо ҳуқуқи кӯдакон ба таълиму тарбияи то мактабӣ берун аз кафолатҳои қонун мондааст, хусусан меъёрҳои моддаи 4-уми Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи таълиму тарбияи томактабӣ”, қайд карда шудааст, ки ҳамаи кӯдакони то синни мактабӣ, ки шаҳрванди Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошанд, новобаста аз шаклҳои таъбиз барои гирифтани таълиму тарбияи томактабӣ дар муассисаҳои томактабӣ ҳуқуқ доранд [3, с. 2]. Файр аз ин, дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи маориф” қайд карда мешавад, ки омодамоии кӯдакон ба мактаб дар оила ва муассисаҳои томактабӣ умумӣ буда, волидайн ва муассисаҳо баробар масъулият доранд ва давлат низ дастгирии моддӣ ва молиявӣ муассисаҳои томактабиро ба роҳ монда, дастрасии таълиму тарбияи томактабиро ба кӯдакони оилаҳои камбизоат таъмин менамояд [2, с. 9]. Аммо бояд зикр намуд, ки мутаасифона аксарияти воҳидҳои маъмурию ҳудудӣ (хусусан, воҳидҳои маҳаллӣ) ба чунин муассисаҳои томактабӣ дастрасӣ надоранд, ки ин ҳуқуқи кӯдаконро ба таълиму тарбияи томактабӣ ва меъёрҳои зикршудаи қонунро зери суол мегузорад.

Дигар қонуне, ки масъалаи таҳсилоти кӯдаконро муқарар менамояд, ин Қонуни Ҷумҳурии

Тоҷикистон «Дар бораи масъулияти падару модар дар таълиму тарбияи фарзанд» мебошад, чунки таълим маншаи хешро аз тарбия мегирад, маҳз ба ҳамин хотир моддаи 5-и қонуни мазкур қайд менамояд, ки таълиму тарбияи фарзанд вазифаи падару модар, омӯзгор, давлат ва ҷомеа мебошад. Вазифаи падару модар асосан аз фароҳам овардани шароити моддӣ, молиявӣ, маънавӣ ва равонӣ дар таълиму тарбияи дурусти фарзанд иборат мебошад. Давлат бошад вазифадор аст, ки барои таълиму тарбия ва ҳифзи кӯдакони یتим ва маъҷубғамхорӣ намуда, ба онҳо шароити мусоид фароҳам меорад [4, с. 2].

Кафолати гирифтани таҳсилоти ройгон ҳамчунин дар Қонуни ҚТ «Дар бораи ҳифзи ҳуқуқҳои кӯдак» мустаҳкам карда шудааст. Мутобиқи моддаи 17-и он кӯдак ба таҳсил ҳуқуқ дорад ва ба ӯ таҳсилоти умумии миёна ва ибтидоии касбии ройгон ва таҳсилоти ройғони миёна ва олии касбӣ бо тартиби муқаррарнамудаи қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон кафолат дода мешавад. Қонуни мазкур инчунин дар мавриди хорич намудани кӯдакон аз муассисаҳои таълимӣ маҳдудият мегузорад. Дар давоми моддаи зикршуда гуфта мешавад, ки «... кӯдак аз муассисаи таълимии давлатӣ то гирифтани таҳсилоти умумии миёна ё ибтидоии касбӣ танҳо бо розигии мақоми ваколатдори давлатӣ оид ба ҳифзи ҳуқуқҳои кӯдак бо риояи тартиби умумӣ хорич карда мешавад [5, с. 9].

Қонуни мазкур инчунин ҳуқуқи кӯдакони маъҷуберо, ки ба муносибати махсуси педагогӣ эҳтиёҷ доранд, тибқи қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ба таҳсилот кафолат медиҳад. Бояд қайд намуд, ки қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон на танҳо падару модар, давлат ва дигар муассисаву мақомотҳои давлатӣ, балки ҳуди кӯдаконро низ вазифадор намудааст, ки барои рушди маънавии худ, гирифтани таълиму тарбия дар руҳияи Ватандустию садоқат ба он, эҳтироми байниҳамдигари, ҳифзи муқаддасот ва пос доштани арзишҳои миллӣ ба муассисаҳои таълимии давлатӣ

дохил шаванд. Қонунгузориҳои ҷумҳурий ҳамаро ваколатдор намудааст, ки барои рушди таълиму тарбияи кӯдакону наврасон тамоми чораҳои заруриро андешида, баҳри дар амал татбиқи намудани онҳо ҳиссагузор бошанд.

Масъалаи диққати ҷиддӣ додан ба соҳаи маориф, хусусан таҳсилот аз он иборат аст, ки кишвари мо ба кадрҳои баландихтисосу ботаҷриба эҳтиёҷ дорад. Вале амалигардонии ҷараёни ихтисосмандгардонӣ ва ботаҷрибагардонии аҳолии кишвар танҳо дар як зинаи донишҷӯи пурсамар нахоҳад буд, ки таҷрибаҳои солҳои охир низ гувоҳи ин аст. Асосан омода намудани чунин кадрҳои лаёқатманд аз нахустин зинаҳои таълиму тарбия, яъне аз таълиму тарбияи томактабӣ (муассисаҳои томактабӣ) оғоз мегардад ва амалигардонии ин нахустин ҳуқуқи кӯдакон ба таълиму тарбия мебошад. Баъд аз муассисаҳои томактабӣ, дар бехтар намудан ва хуб сайқал додани таълиму тарбияи кӯдакон, муассисаҳои таълимиву тарбиявии макотиби ҳамагонӣ нақши ҳалқунанда доранд, ки амалигардонии он зинаи дигари ҳуқуқи кӯдакон ба гирифтани таълиму тарбия мебошад.

Ҳамин тавр, аз гуфтаҳои боло бармеояд, ки ҳуқуқи кӯдакон ба гирифтани таҳсилот, яке аз ҳуқуқҳои мебошад, ки дар тамоми ҷаҳон эътироф гардида, дар аксари санадҳои меъёри ҳуқуқии байналмилалӣ ва миллӣ таҳкими ҳудро ёфтааст ва амалигардонии ин ҳуқуқи кӯдакон ҳамчун уҳдадорӣ бар зиммаи ҳар як давлати ҷаҳон вогузошта шудааст, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон низ аз ҷумлаи онҳо мебошад. Мавриди зикр аст, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ин самт қонунгузориҳои ҳудро мустаҳкам намуда, баҳри амалигардонии ҳуқуқи кӯдакон ба гирифтани таълиму тарбия чораандеши намуда, корҳои зиёдеро ба сомон расонидааст. Аз ҷумла, қабули санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, консепсия ва барномаҳои давлатӣ доир ба масъалаи амалигардонии ҳуқуқи кӯдакон ба таълиму тарбия, ташкил намудани

муассисаҳои мактабӣ ва томактабӣ дар ҳудуди кишвар ва монанди инҳо.

Аммо бояд зикр намуд, ки вобаста ба амалигардонии ҳуқуқи кӯдакон ба гирифтани таълиму тарбия, мутаасифона мушкилотҳо низ вучуд доранд, ки барои рушд ва баланд гардидани таълиму тарбияи кӯдакон ва таъмини ҳуқуқи онҳо ба таълиму тарбия монеаҳо ба вучуд меоваранд. Инҳо омилҳои субъективӣ ва объективие мебошанд, ки ба амалишавии ҳуқуқи кӯдакон ба таълиму тарбия халал ворид менамоянд. Ба монанди камчинии муассисаҳои таълимиву тарбиявии томактабӣ, дастнорасии ҳамаи катигорияҳои аҳоли ба муассисаҳои таълимию тарбиявии томактабӣ, камчинии кадрҳои болаёқат дар муассисаҳои мактабию томактабӣ ва монанди инҳо. Аз ин рӯ, баҳри дар

амал татбиқ намудани ҳуқуқи кӯдакон ба гирифтани таълиму тарбия ва бартараф намудани монеаҳои дар ин самт мавҷуда, бояд чораандеши карда шаванд. Хусусан, аз болои волидон, муассисаҳои мактабию томактабӣ, мақомотҳои ваколатдори давлатӣ дар самти таъмини ҳуқуқи кӯдакон ба гирифтани таълиму тарбия ва ҳамчунин ҳуди кӯдакон бояд назорат пурзур ва ҷоннок карда шавад. Зеро ки таъмини ҳуқуқи кӯдакон ба гирифтани таълиму тарбия ва муҳайё намудани шароит барои иҷроиши воқеии он ба тарбия намудани кадрҳои болаёқат ва бомаърифат заминаи асоси мегарданд. Бинобар ин, ба масъалаи таъмини ҳуқуқи кӯдакон ба гирифтани таълиму тарбия таваччуҳи хоса бояд зоҳир намуд.

Адабиёт:

1. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6 ноябри соли 1994, м. 41 [Захираи электронӣ] www.mmk.tj.
2. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи маориф» аз 22 июли соли 2013, № 1004, м. 6 [Захираи электронӣ] www.mmk.tj.
3. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таълиму тарбияи томактабӣ» аз 28 декабри соли 2013, № 1056, м. 4 (Захираи электронӣ) www.mmk.tj.
4. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи масъулияти падару модар дар таълиму тарбияи фарзанд» аз 2 августи соли 2011, № 762, м. 5 (Захираи электронӣ) www.mmk.tj.
5. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи ҳуқуқҳои кӯдак» аз 18 марти соли 2015, № 1196, м. 17 [Захираи электронӣ] www.mmk.tj.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА – ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Тохирова Н.А.,

аспирант кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета

E-mail: n.nozanin@bk.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Научный руководитель: Сафарзода Б.А., доктор юридических наук, профессор
Рецензент: Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о правовых ценностях, о ценностях прав человека для правового государства. а так же анализируются взгляды сторонников различных идей касательно данной проблематики. Установлено, что права человека как высшая ценность занимает центральное место в формировании и развитии правового государства и без их признания формирование такого вида государства невозможно.

Ключевые слова: ценность, правовые ценности, классификация, права человека, правовая культура, правосознание, правовое государство.

ҲУҚУҚИ ИНСОН – АРЗИШИ ҲУҚУҚИИ ЗАМИНАВӢ ДАР ДАВЛАТИ ҲУҚУҚБУЊӢД

Тохирова Н.А.,

аспиранти кафедраи ҳуқуқи инсон ва ҳуқуқшиносии муқоисавии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

E-mail: n.nozanin@bk.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.01 – назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлат, таърихи таълимот оид ба ҳуқуқ ва давлат

Роҳбари илмӣ: Сафарзода Б.А., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Муқарриз: Диноршоев А.М., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Ҷишурда: дар мақолаи мазкур масъалаи арзиши олий доштани ҳуқуқу озодиҳои инсон дар давлати ҳуқуқбунёд мавриди таҳлил қарор гирифта, андешаҳои олимони гуногуни соҳа дар ин самт баррасӣ карда шудааст. Дар натиҷаи тадқиқот муаллиф ба хулосае омадааст, ки арзиши олий доштани ҳуқуқҳои инсон дар давлати ҳуқуқбунёд чун нишонаи асосии он баромад намуда, бидуни он ташаққули чунин давлат аз имкон берун аст.

Калидвожаҳо: арзиш, арзишҳои ҳуқуқӣ, таснифбандӣ, ҳуқуқи инсон, фарҳанги ҳуқуқӣ, ҳуқуқэҷодкунӣ, давлати ҳуқуқбунёд.

HUMAN RIGHTS – THE FUNDAMENTAL LEGAL VALUE OF A LEGAL STATE

Tohirova N.A.,

graduate student of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: n.nozanin@bk.ru

Scientific specialty: 12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the doctrines of the law and state

Research supervisor: Safarzoda B.A., doctor of law, professor
Reviewer: Dinorshoev A.M., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: the article discusses the issues according to the legal values, the role of the values of human rights for the legal state, also examines the views of proponents of different ideas about this issue. It is established that human rights as the highest value has a central place to the formation and development of legal state and without their acception the formation of such a state is impossible.

Key words: value, legal value, classification, human rights, legal culture, legal consciousness, the legal state.

В современном мире, когда та или иная идеологическая установка, позиция, стереотипы с легкостью могут внедряться как в индивидуальное, так и в общественное сознание, актуализировался вопрос о «ценностных ориентациях», под которыми имеется в виду совокупность ценностей, обуславливающих поведение человека и характеризующих его отношение к основным сферам общественной жизнедеятельности человека. Ценностные ориентации считаются одним из важнейших составных частей мировоззрения. Основной системы ценностей признаются такие значимые ориентации, которые отражают представления человека о смысле жизни. Для сформированной системы ценностных ориентаций человека, как подчеркивается в литературе, необходима «неизменность в изменении».

Существенным элементом ценностных ориентиров являются правовые ценности, то есть ценности, которые имеют центральную значимость с точки зрения правовых отношений. В рамках общественной жизнедеятельности данные правовые ценности выступают в качестве общеобяза-

тельных ценностных ориентиров, которые и в свою очередь положены в основу юридически оформленной системы права. В юридической науке отмечается, что «... правовые ценности представляют собой важнейшие и глубинные принципы, определяющие отношение личности и общества к праву, и основной формой существования правовых ценностей являются правовые идеалы, т.е. выработанные правовым сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах правовой действительности». На основе сказанного, можно сделать вывод о том, что исходная, первичная, основная форма существования ценностей являются общественные идеалы, то есть выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни.

Рассматривая вопрос о роли и месте, а также факторах, влияющих на развитие правовых ценностей в структуре ценностных ориентаций, необходимо указать на то, что содержание личных ценностей, а также особенно-

сти отношения к правовым ценностям находятся под влиянием целой группы факторов.

В зависимости от особенностей нравственного развития и преобладания добродетельных или теневых ценностных ориентаций, правовые ценности могут характеризоваться различными трактовками справедливости, свободы, блага и истины. Э. Фромм, рассматривая и анализируя идеи об эгоистичных чертах человека, которые облачают ценности в свои корыстные побуждения, считает, что наоборот, чем сильнее человек любит себя – т.е. ценит своё достоинство, жизнь, доверяет себе, тем выше он ценит других людей, их индивидуальность, права и свободы.

Таким образом, место и значение правовых ценностей в системе ценностных ориентаций человека определяется их основным направлением.

Майорова М.С. и Матанцев Д.А. отмечают, что исходным понятием для изучения правовых ценностей является понятие «правовая культура» [4, с. 115], поскольку на их взгляд правовая культура – это совокупность норм права, ценностей, процессов, форм и институтов, и всех остальных достижений общества в правовой сфере, которые были накоплены им в процессе всего его исторического прогресса и развития [5, с. 116]. Авторы так же отмечают, что благодаря тому, что право обладает ценностью, имеет тесную взаимосвязь с правовой культурой и правосознанием, оно является не только «внешним, навязанным «извне» регулятором общественных отношений, но и является эффективным ориентиром человеческой деятельности» [6, с. 117].

«Ценности права» отмечает Мороз Е.Н. «определяют содержание правовой нормы через правосознание законодателя и обеспечивают фактическую ее реализацию через правовые ценностные иерархии различных групп населения» [8].

Таким образом, правовые ценности позволяют личности давать оценку своему окружению с точки зрения пра-

ва, а также выбирать и создавать свое правовое поведение. В этой связи проблемы и вопросы об иерархии правовых ценностей и взаимодействия данных правовых ценностей с иными ценностными феноменами становятся актуальными. Правовые ценности, составляя элемент системы социального и политического управления социумом, располагают конкретно выраженным предписывающим свойством, т.е. они в первую очередь формально установлены и оберегаются государством. А.Н. Бабенко считает, что правовые ценности – это ценности «принадлежащие определенному типу правовой культуры и непосредственно переживаемые людьми формы их отношения к системе права и к возможностям, от осознания которых зависит способность выбора правового поведения, а также оценка событий с правовых позиций [1, с.50]. На основе изучения различных подходов, можно сделать вывод о том, что процесс систематизации правовых ценностей, с начало происходит в правосознании, после закрепляется в законе и потом применяется в правовом поведении субъекта общественных отношений.

Бабенко А.Н. отмечает, что «Ценностное отношение в праве – сложный, многоуровневый феномен, определяющийся структурой правовой жизни и включающий как первичные желания и предпочтения в сфере права, так и осознанный и рационально выраженный выбор правового поведения» [1, с. 50]. Автор доказывает, что правовые ценности «обосновываются при помощи ценностных критериев, которые в процессе развития цивилизации претерпевают изменения...». [1, с. 50] И так, правовые ценности приобретают свое реальное олицетворение в ценностных иерархиях классов и социальных групп. Сами же ценности и ценностные ориентации в праве являются важнейшими регуляторами правового поведения личности, разрешающие ей выбирать тот или иной способ решения правовых проблем.

Права и свободы определяют место и роль человека в социуме, а также устанавливают его взаимосвязь с государством. Права человека, будучи неотъемлемым, неотчуждаемым достоянием всей человеческой цивилизации, не должны терпеть на себе какие-либо негативные влияния, так как именно данная категория является ценностным ориентиром в развитии и формировании индивида как личности и правового государства как такового. Права человека занимают центральное место в системе правовых ценностей, поскольку именно его права являются величайшей ценностью для человека. И так, права человека выступая в качестве принципов и норм взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивают индивиду возможность действовать по своему усмотрению и получать определенные блага, т.е. права человека – это способ трактовки и практического решения вопроса взаимоотношений человека и той общности, в которой он проживает, и в этом случае ее официальным представителем выступает государственная власть. Само понятие «права человека» уже содержат в себе 2 категории ценностей, такие как право и человек.

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Система правовых ценностей состоит из различных групп ценностей, которые имеют огромную значимость с правовой точки зрения, а значит указанная система в первую очередь включает себя права и свободы человека, а так же основополагающие идеи и принципы прав человека. И так, ядром системы правовых ценностей, на наш взгляд, выступают сами права и свободы человека. Место прав человека в системе правовых ценностей является центральным, поскольку правовые ценности формируются на основе общечеловеческих ценностях, имеющих важное правовое значение, а права человека же базируются на данных правовых ценностях. И так, «под ценностями в праве, или собственно правовыми ценностями, понимаются те ценности, кото-

рые правом интегрированы», отмечает Михайлов С.В., «а ценности права - это ценности, «олицетворенные правом полностью или частично», к таким ценностям относятся свобода, справедливость, равенство, взаимопомощь, то есть ценности, сфера действия которых является пограничной, в которой пересекаются право и мораль» [7].

Василик М.А. считает, что «Ценностный смысл идеи правового государства состоит в утверждении суверенности народа как источника власти, гарантированности его свободы, подчинении государства обществу» [2]. Правовое государство – это государство, в котором вся деятельность подчинена нормам права, а также фундаментальным правовым принципам, которые направлены на защиту достоинства, свободы и прав человека [9]. Мороз Е. Н. же в свою очередь уже рассматривает не только право в общем как ценность, но и ее норму признает в качестве ценности. Кроме того, в литературе так же отмечается, что устойчивость правового государства зависит от восприятия законности как культурной и правовой ценности [10]. Таким образом, правовое государство – это особая форма организации политической власти, при которой гарантируются естественные права человека, проводится разделение государственной власти на три части, обеспечивается верховенство правового закона и взаимная ответственность граждан перед государством и государства перед гражданами. В правовом государстве именно закон выше всех желаний и интересов, а также имеются механизмы, которые задействуются для устранения нарушений закона и работают в независимости от статуса человека, с целью его защиты и охраны его прав и свобод.

И так, права человека выступают в качестве единого комплекса прав и обязанностей. А по своей сущности права человека – это воплощение в специфической форме высоких выработанных ценностей как справедливости, человеческой свободы и равенства,

что предполагает, в свою очередь, демократию, милосердие, гуманность, которые выступают в качестве основных ценностей правового государства, являющихся базисом и основой формирования ее основополагающих принципов.

И так, в процессе своего исторического развития, в государстве формировались определенные устойчивые нормы, эталоны и ценности, которые способствовали упорядочению не только этих отношений, но и отношений и связей между самими людьми по поводу определенного объема материальных и духовных благ, предоставляемых и обеспечиваемых обществом и государством.

В настоящее время все более подтверждается мысль о том, чтобы не только уравновесить в правах государство и личность, но и обеспечить каждому человеку эффективно действующие механизмы охраны и защиты прав и свобод человека. В процессе накопления новых ценностей и новых отношений между государством и личностью происходят новые сложные взаимоотношения. Главным образом меняются соотношения экономики, демократии, права, возникают новые проблемы в развитии личности и ее правовой охране.

Права человека потому и носят всеобщий и универсальный характер, что основываются и опираются на общечеловеческих ценностях. Права человека - это неотъемлемое, естественное свойство личности. Общечеловеческие ценности составляют духовно-нравственную основу прав гражданина. Важнейшей особенностью прав человека как феномена мировой культуры и цивилизации является то, что они воплощают в специфической форме высокие идеалы человеческой свободы и равенства, такие общечеловеческие нравственные принципы, как справедливость, гуманность. Права человека – это духовно-нравственный идеал, воплощенный в правовых нормах.

И так, абзац первый статьи 1 Конституции Республики Таджикистан

устанавливает, что Республика Таджикистан – суверенное, демократическое, правовое, светское и унитарное государство. Статья 5 Конституции Республики Таджикистан свидетельствует о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством. Указанные статьи главного закона Республики отражают всю суть и взаимосвязь правового государства и прав человека как высшей ценности. Нормы упомянутых статей обладают особым статусом и играют значимую роль в правовой системе нашей страны.

Таким образом, Республика Таджикистан на основе утверждения международных и национальных принципов признаёт, гарантирует, обеспечивает, защищает и восстанавливает права и свободы человека.

Признавая себя правовым государством, Республика Таджикистан ограничивает свои действия правом, в котором существует основополагающий закон – Конституция, развитая и непротиворечивая правовая система, эффективный социальный контроль политики и власти в целом. А также, как правовое государство оно обладает такими признаками как верховенство закона, гарантия прав и свобод граждан, равенство всех граждан перед законом, кроме того, в нем реализован так же принцип разделения властей.

Принцип признания прав и свобод высшей ценностью должен оказывать определяющее влияние не только на содержание основных прав и свобод, но и на всю деятельность государства. государство в условиях действия этого принципа не вправе в своей деятельности выходить за установленные им границы взаимоотношений с человеком. Только действуя в этих рамках в интересах человека, оно приобретает те черты, которые характеризуют его в качестве конституционного государства. Все это говорит о том, что нормы

Конституции, посвященные основным правам и свободам человека и гражданина, т.е. те, которые закреплены в главе II Конституции, нельзя рассматривать вне связи с принципом признания его прав и свобод высшей ценностью, нельзя вносить в них изменения и дополнения, противоречащие этому принципу. Кроме того, признание человека, его прав и свобод высшей ценностью касается каждого человека [3]. Однако для реализации этого принципа важное значение имеют социальные функции каждого человека, его ответственность перед другими людьми, обществом в целом и государством. Только в этом случае принцип признания человека высшей ценностью может быть распространен в равной мере на всех членов общества. Человек, который не желает признавать достоинство, права и свободы других людей, никогда не сможет обеспечить собственное достоинство, свои права и свободы. Иначе говоря, личностная ценность права неотделима от его нравственной ценности. При этом необходимо отметить, что свобода личности обеспечивается и четким закреплением компетенции или правового статуса государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений. Юридическое урегулирование их деятельности позволяет гражданам требовать защиты нарушенного права, его восстановления. Человек, его права и свободы должны защищаться государством с

помощью разнообразных норм материального и процессуального права, в том числе за счет повышения эффективности реализации судебной защиты [3].

Таким образом, на основе вышеизложенного, мы делаем вывод о том, что ценности, принципы, идеи прав и свобод человека, гражданского общества и правового государства прошли весьма сложный и трудный путь становления и дальнейшего развития. Роль прав человека, их ценность в отношении общества и правового государства выражается в том, что с помощью права общество подчиняет себе государство и принуждает его действовать в своих интересах. Ценность прав человека для правового государства заключается в том, что право используется для организации, упорядочения деятельности самого государственного аппарата; выступает мощным фактором прогресса, источником обновления общества в соответствии с историческим ходом общественного развития. Ценность же прав человека для личности состоит в том, что оно закрепляет различные демократические права и свободы личности, охраняет личность и от самого государства, ставит преграду неоправданному вмешательству государства в личную жизнь гражданина. Все вышеизложенные факты и показывают ценность прав человека для правового государства, и обуславливают причину их признания в качестве такового.

Литературы:

1. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью. дис. ... д-ра юрид. наук. – С. 50.
2. Василик М.А. Политология.
3. И.Т. Беспалый. Государственное право Российской Федерации. Учебное пособие. Часть 1. Изд-во "Самарский университет". – Самара, 2004. – 140 с.
4. Майорова М.С., Матанцев Д.А. Понятие и значение правовых ценностей в культурном измерении. – С.115.
5. Михайлов С.В. Правовые ценности. Тема диссертации и автореферата по ВАК 12.00.01, кандидат юридических наук.
6. Мороз Е.Н. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н... Правовая норма как ценность. С.6.
7. Червонюк В. И. Правовое государство. Конституционное право России: энциклопедический словарь. М.: Юрид. лит., 2002.

8. *Krygier M.* Rule of Law // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / Ed. N. J. Smelser, P. B. Baltes. – Oxford: Elsevier, 2001.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Исозода Б.,

соискатель кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционное судопроизводство; муниципальное право

Научный руководитель: Сафарзода Б.А., доктор юридических наук, профессор
Рецензент: Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: В статье проведен анализ теоретических положений и взглядов касательно понятия, характеристики и значения судебной защиты прав человека и гражданина, а также проанализированы особенности и проблемы правового закрепления права на судебную защиту в Конституции Республики Таджикистан.

Ключевые слова: судебная власть, судебная защита, право на судебную защиту, права и свободы человека.

МАҲҲУМ ВА МОҲИЯТИ ҲИМОЯИ СУДИИ ҲУҚУҚИ ИНСОН

Исозода Б.,

унвонҷӯи кафедраи ҳуқуқи инсон ва ҳуқуқшиносии муқоисавии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ихтисоси илмӣ: 12.00.02 – ҳуқуқи конституционӣ; муқоисаи судии конституционӣ; ҳуқуқи муниципалӣ

Роҳбари илмӣ: Сафарзода Б.А., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Муқарриз: Диноршоев А.М., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Ҷамъабурда: Дар мақола муаллиф ақидаҳои назариявие, ки дар адабиёти илмӣ оид ба маҳфум, хусусиятҳои хос ва аҳамияти ҳимояи судии ҳуқуқ ва озодиҳои инсон вучуд доранд, таҳлил намуда андешаи худро оиди масъалаи мазкур пешниҳод менамояд. Инчунин дар мақола танзими ҳуқуқии падидаи ҳимояи судии ҳуқуқҳои инсон дар Конститутсияи ҚТ оварда шудааст.

Калимаҳои калима: ҳокимияти судӣ, ҳимояи судӣ, ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ, ҳуқуқи инсон.

THE ROLE OF STATE AUTHORITIES IN PROTECTING HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

Isozoda B.,

Applicant of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University

Scientific specialist: 12.00.02 – constitutional law, constitutional legal proceedings, municipal law

Research supervisor: Safarzoda B.A., doctor of legal sciences, professor

Reviewer: Dinorshoev A.M., doctor of Legal sciences, professor

Annotation: The article analyzes the theoretical positions and views on the concept, characteristics and significance of judicial protection of the rights of a person and citizen, and analyzes the features and problems of the legal enforcement of the right to judicial protection in the Constitution of the Republic of Tajikistan.

Keywords: judicial authority, judicial protection, the right to judicial protection, human rights and freedoms.

Судебная защита прав человека является важнейшим институтом в современной системе механизмов защиты прав человека. В научной литературе особо подчеркивается, что соблюдение основных прав и свобод человека, охрана его законных интересов возможно только в том государстве, где обеспечивается верховенство закона, посредством которого реализуются принципы построения правового государства. В этой связи, каждое государство берет на себя задачу не только формального провозглашения прав и свобод человека, но и создания эффективного механизма защиты прав человека. В данном вопросе не является исключением и Республика Таджикистан. В Конституции страны в статье 5 в частности провозглашается, что «права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством» [8, с. 3]. Таким образом, Конституция РТ защиту прав человека определяет в качестве первостепенной задачи государства.

Раскрывая содержание данного положения Конституции, отечественный ученый А.М. Диноршоев указывает, что «закрепив данную триаду положений, государство взяло на себя определенные обязательства по обеспечению прав человека. Первые два элемента выступают в качестве материального наполнения содержания прав человека, в то время как последний элемент указанной триады выступает в качестве процессуального обеспечительного механизма, без которого первые два положения не функционируют. Именно поэтому вопросы защиты прав человека и формирование дей-

ственного механизма их защиты являются стержневыми вопросами в системе прав человека» [4].

Среди данных механизмов особо выделяется судебная система защиты прав человека, которая призвана выступать действенным гарантом юридического обеспечения прав и свобод граждан. В юридической литературе большинство авторов сходятся во мнении, что судебная защита является одним из элементов государственной защиты прав и свобод человека и гражданина [5, с. 1511-1519]. Так, О.Я. Белявская, отмечает, что «судебная защита – это один из способов государственной защиты прав и свобод человека и гражданина. Она является самостоятельным направлением государственной деятельности, осуществляемым специальными органами – судами» [1, с. 17]. В свою очередь, Ю.О. Столярова отмечает, что «институт судебной защиты является значимым элементом современной системы конституционных гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина» [9]. В. Б. Вершинина, утверждает, что «судебная защита, будучи разновидностью как государственной, так и правовой защиты, является наиболее эффективным из всех выработанных мировой практикой способом охраны прав и законных интересов субъектов социальных связей. Уровень судебной защиты – важнейший показатель правового характера государства и демократичности общества» [2, с. 3]. Более широкую характеристику судебной защиты дает Л.Ю. Грудцына, которая отмечает, что «характер судебной за-

щиты позволяет считать ее универсальным, а потому и наиболее эффективным способом защиты нарушенных прав и свобод личности. Основная черта судебной защиты – ее неограниченность. Во-первых, судебная защита распространяется на неограниченный круг лиц. Во-вторых, судебной защите подлежат все без исключения права и свободы, принадлежащие индивиду, как в силу прямого указания Конституции и иных законов, так и не имеющие нормативного закрепления, но не противоречащие закону. В-третьих, государство обязано обеспечить любому лицу, чьи права и свободы нарушены, эффективное средство правовой защиты, т.е. возможность обжалования в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов» [3].

Указанные вышеперечисленными авторами характеристики судебной защиты вытекают из содержания положений Конституции и действующего законодательства. Так, анализ положений Конституции РТ позволяет сделать вывод, что в ней закреплены ряд положений, которые определяют основные направления судебной защиты, права и свободы, которые подлежат судебной защите, виды соответствующей судебной деятельности, условия надлежащей организации судебной деятельности и гарантии реализации судебной защиты. Из указанных конституционных положений, которые определяют содержание и структуру судебной защиты, можно выделить следующие:

Во-первых, в статье 84 Конституции РТ устанавливается, что судебная власть защищает права и свободы человека и гражданина, т.е. суд непосредственно определен как механизм защиты прав человека.

Во-вторых, статья 19 Конституции РТ гарантирует каждому право на обращение в суд, и тем самым обеспечивает судебную защиту. В статье 21 Конституции особо выделяется право гражданина, пострадавшего от преступного посягательства, на судебную защиту.

В-третьих, в статье 19 Конституции РТ также предусматривается, что каждый вправе требовать, чтобы его дело было рассмотрено компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом. Данное положение выступает в качестве одного из условий законности правосудия при осуществлении судебной защиты.

В-четвертых, статья 14 Конституции РТ устанавливает, что права и свободы человека и гражданина действуют непосредственно и обеспечиваются судебной властью. Из содержания данной нормы, можно заключить, что все права и свободы предусмотренные в Конституции РТ подлежат судебной защите всей судебной системой страны и во всех процессуальных формах.

В-пятых, статья 88 Конституции РТ закрепляет условия законности и справедливости осуществления судебной защиты прав и свобод, посредством закрепления принципа состязательности и равенства сторон, а также открытости судебного разбирательства. Другим аспектом обеспечения законности и справедливости в ходе судебного разбирательства выступает положение статьи 20 Конституции устанавливающей презумпцию невиновности.

В-шестых, гарантией судебной защиты прав и свобод гражданина призвано явиться установление Конституцией РТ и действующим законодательством возможности обжалования и пересмотра решений судов.

Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что судебная защита представляет собой закрепленный в Конституции способ государственной защиты, осуществляемый судами, посредством которого обеспечивается реализация прав и свобод человека. Также судебная защита является универсальным средством защиты прав человека.

При этом следует согласиться с мнением Р.Е. Карасева о том, что «в юридической литературе отсутствует универсальное определение понятия

судебная защита прав и свобод человека и гражданина» [5, с. 1511-1519]. Действительно судебная защита в юридической литературе как правило рассматривается как правовой институт, как совокупность общественных отношений, как процессуальная деятельность, но как средство защиты прав человека самостоятельно оно рассматривается. В этой связи, Р.Е. Карасев предлагает разработать данное определение, которое будет способствовать систематизации научных знаний о данной категории [5, с. 1511-1519]. Далее он указывает, что «судебную защиту прав и свобод человека и гражданина необходимо рассматривать в двух аспектах: с точки зрения заинтересованных субъектов, обращающихся в суд за защитой и с точки зрения судебных органов, реализующих свои полномочия при отправлении правосудия» [5, с. 1511-1519].

В рамках первого аспекта можно выделить следующие характерные черты судебной защиты прав человека:

1. Судебная защита распространяется на неограниченный круг субъектов. Правом на обращение в суд обладают граждане, их объединения, а также иностранные граждане и лица без гражданства. Конституция РТ применительно к субъекту, права и свободы которого обеспечиваются судебной защитой, употребляет термин “каждый”, подчеркивая тем самым неперсонифицированность судебной защиты, отсутствие каких-либо формализованных ограничений на использование этого способа защиты прав человека.

2. Объектами судебной защиты являются все без исключения права и свободы – как основные предусмотренные в Конституции, так и производные, которые вытекают из действующего законодательства.

3. В судебном порядке могут быть обжалованы все решения и действия (бездействия) любых государственных органов, в том числе и самого суда. Права, нарушенные судом, не могут быть исключены из числа объек-

тов судебной защиты. Право на судебную защиту предполагает право на охрану прав и законных интересов не только от нарушений прав человека, совершенных законодательной и исполнительной властью, но и от ошибочных решений самого суда.

Второй аспект проявляется в том, что судебная защита прав человека представляет собой систему действий судебных органов по рассмотрению и разрешению судебного дела и исполнению решения. В качестве судебной защиты может рассматриваться как отдельное судебное действие (постановление приговора, принятие мер обеспечения иска, применение или отмена меры пресечения, вынесение частного определения), так и в целом деятельность суда по уголовному, гражданскому или арбитражному делу, а также деятельность всей судебной системы [6, с. 247-252]. Также характерной чертой данного аспекта является, то что судебные решения обязательны для всех субъектов права. Как отмечает, Н.М. Чепурнова «судебная власть выступает именно как власть, а не как простая сумма полномочий судебных органов. В связи с чем, представляется обоснованным рассматривать судебную власть как разновидность государственной власти с позиции её функциональной характеристики» [10, с. 234]. Статья 84 Конституции РТ устанавливает, что суды выносят решения от имени государства. Это положение Конституции означает, что государство обеспечивает исполнение судебных решений, что является проявлением их государственно-властных полномочий.

Право на судебную защиту не исчерпывается правом на обращение в суд, оно включает в себя право на личное участие в отстаивании своих прав и свобод, право требования от суда предоставления защиты и право на получение юридической помощи для реализации перечисленных прав. Право на защиту в связи с этим может рассматриваться как совокупность правомочий, обеспечивающих лицу возмож-

ность добиваться восстановления в правах. Возможность личного участия в отстаивании своих интересов - одна из гарантий эффективности судебной защиты и способ ее реализации, а лишение права на личное участие в защите собственного права рассматривается как ограничение права на судебную защиту [7, с. 202].

В результате рассмотрения указанных аспектов судебной защиты прав человека Р.Е. Карасев даёт следующее её определение «это активная деятельность заинтересованных субъектов (физических или юридических лиц) по реализации своих процессуальных прав

в пределах, установленных законодательством, в целях защиты, восстановления либо предупреждения нарушения гарантированных государством прав и свобод» [5, с. 1511-1519].

Таким образом, судебная защита прав и свобод человека и гражданина является наиболее эффективным средством восстановления нарушенных прав человека. Установленные Конституцией РТ положения о судебной власти и правах человека делают судебную защиту доступным для каждого человека средством правовой защиты личности, ее прав и законных интересов.

Литература:

1. Белявская О.Я. Конституционное право человека и гражданина на судебную защиту: понятие, проблемы реализации: дис...канд. юрид. наук, – СПб., 2007.
2. Вершинин В.Б. Судебная защита как комплексный институт российского права: Автореф. дис...канд. юрид. наук, – Саратов. 2011.
3. Грудцына Л.Ю. К вопросу о понятии и особенностях судебной защиты прав и свобод личности// Право и жизнь. №105.
4. Диноршоев А.М. Механизмы защиты прав человека. – Душанбе, 2014.
5. Карасев Р.Е. Судебная защита: понятие, значение, место в системе защиты прав и свобод человека и гражданина // Право и политика 11 (166) – 2013.
6. Кательников М.Г. Право на судебную защиту: понятие и сущность // Вестник ЮУрГУ, №13, – 2006.
7. Конституционный статус личности в СССР. – М., 1980.
8. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (с изменениями и дополнениями от 1999, 2003 и 2016 гг). – Душанбе, 2016.
9. Столярова Ю.О. Судебная защита прав граждан как комплексный политико-правовой институт // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 69. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-zaschitaprav-grazhdan-kak-kompleksnyu-politiko-pravovoy-institut> (дата обращения: 24.12.2018).
10. Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: проблемы теории и государственно-правовой практики: Дис. ... докт. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999.

МЕСТО ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Исмоилзода С.А.,
соискатель кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционное судопроизводство; муниципальное право

Научный руководитель: Сафарзода Б.А., доктор юридических наук, профессор
Рецензент: Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: В статье автор исследует вопрос о месте органов прокуратуры в системе разделения властей. Исследуя теоретические аспекты данного вопроса, автор приходит к выводу, что в науке существуют четыре позиции о месте прокуратуры в системе разделения властей. Обобщив данные позиции, автор указывает, что в Республике Таджикистан органы прокуратуры являются самостоятельными и не входят ни в какую ветвь власти.

Ключевые слова: Разделения властей, прокуратура, органы государственной власти, Конституция.

ҶОИИ МАҚОМОТИ ПРОКУРАТУРА ДАР НИЗОМИ ТАҶЗИЯИ ҲОКИМИЯТ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Исмоилзода С.А.,
унвонҷӯи кафедраи ҳуқуқи инсон ва ҳуқуқшиносии муқоисавии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ихтисоси илмӣ: 12.00.02 – ҳуқуқи конститутсионӣ; муқоисаи судии конститутсионӣ; ҳуқуқи муниципалӣ

Роҳбари илмӣ: Сафарзода Б.А., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Муқарриз: Диноршоев А.М., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Фишурда: Дар мақола муаллиф масоили мавқеи мақомоти прокуратура дар низоми таҷзияи ҳоқимияти давлатӣ таҳлил менамояд. Дар асоси таҳлили ҷанбаҳои назариявии ин масъала, муаллиф ба хулосае меояд, ки дар адабиёти ҳуқуқӣ мавқеи прокуратура дар низоми таҷзияи ҳоқимияти давлатӣ дар ҷор ҷабҳа фаҳмида мешавад. Муаллиф ба хулосае, меояд, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон мақомоти прокуратура мустақил буда, ба ягон шохаи ҳоқимият тааллуқ дорад.

Калидвожаҳо: Таҷзияи ҳоқимияти давлатӣ, прокуратура, мақомоти ҳоқимияти давлатӣ, Конституция.

PLACE OF PROSECUTOR IN THE SYSTEM OF DIVISION OF AUTHORITIES IN THE REPUBLIC OF LIFE OF TAJIKISTAN

Ismoilzoda S.A.,

applicant of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University

Scientific specialit: 12.00.02 – constitutional law; constitutional legal proceedings; municipal law

Research supervisor: Safarzoda B.A., doctor of legal Sciences, professor

Reviewer: Dinorshoev A.M., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: In the article, the author explores the issue of the place of the prosecution authorities in the system of separation of powers. Exploring the theoretical aspects of this issue, the author comes to the conclusion that in science there are four positions about the place of the prosecutor's office in the system of separation of powers. Summarizing these positions, the author points out that in the Republic of Tajikistan prosecutors are independent and do not belong to any branch of government.

Keywords: separation of powers, prosecutors, public authorities, the Constitution.

В зарубежной и отечественной литературе вопрос о разделении властей исследован достаточно подробно. Большинство авторов сходятся во мнении, что основное предназначение данного принципа на современном этапе является обеспечение разграничения государственных функций, реализация которых не сливается в одном лице или органе; напротив, эти функции осуществляются вполне самостоятельными органами, действующими в соответствии с предписаниями закона, и связанными юридическими обязательствами по отношению к индивидам в виде неотъемлемых прав человека и гражданина [15]. А.Н. Кокотов так говорит о принципе разделения властей: «Разделение властей – теоретическая и законодательная основа системы органов государственной власти государства. В теории конституционного права этот принцип рассматривается в широком смысле – в качестве основ конституционного строя и подлинной свободы человека, показателя демократичности государства [14]. Отечественный исследователь А.И. Имомов отмечает, что «конституционное закрепление принципа разделение властей в Таджикистане стала одним из главных достижений независимого Таджикистана. Её основной задачей является уста-

новление барьеров для того, чтобы ни одна ветвь власти не узурпировали её. Установления определенных ограничений позволяет этим ветвям власти эффективно осуществлять свою деятельность» [12].

Действительно разделение властей представляет собой гораздо большее, чем просто разделения государственных органов, оно должно сопровождаться системой «сдержек и противовесов».

Данный принцип в Республике Таджикистан закреплен в статье 9 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которой государственная власть подразделяется на законодательную, исполнительную и судебную. Как отмечает А.М. Диноршоев «данная норма Конституции предусматривает формирование трех ветвей власти: законодательной – Маджлиси Оли, исполнительной – Президент и Правительство, судебной – Конституционный Суд, Верховный Суд, и Высший Экономический Суд. Порядок деятельности этих государственных органов в соответствии с Конституцией регулируется соответствующим конституционными законами – такими как “О Маджлиси Оли”, “О выборах Президента”, “О Конституционном Суде”, и т.д.» [9, с. 47].

Как мы видим, конституционная норма не включает в систему разделения властей надзорную ветвь власти, которое осуществляется органами прокуратуры, поэтому ряд отечественных исследователей, определяют место прокуратуры в системе разделения властей через призму исполнительной или судебной власти. Однако, данный вопрос вызывает ряд вопросов и дискуссий, как с точки зрения теории, так и с точки зрения практики осуществления властных функций органов государственной власти.

Одним из главных вопросов, который возникает в данном контексте, является вопрос о том, что действительно ли разделение властей происходит на три ветви власти, либо же в государстве возможно формирование и других ветвей власти. Как показывает практика строительства государственности различных государств, этот вопрос зависит от существующих в государстве политических традиций, сложившейся практики, реализуемых функций и т.д. Так, в ряде государств на различных этапах государственного строительства традиционная концепция разделения подверглась модификациям. Конституционная практика ряда стран Латинской Америки в свое время подразумевала наличие еще одной власти - учредительной, что было связано с частыми государственными переворотами. Шесть ветвей властей были перечислены в конституции Алжира 1976 года: наряду с традиционными ветвями существовали политическая, контрольная, учредительная [2]. Но при этом суть теории разделения властей не меняется, т.е. неважно на сколько ветвей делится власть, только чтобы она не была сконцентрирована в одних руках.

Если исходит из данной точки зрения, то можно утверждать, что в Таджикистане, помимо трех ветвей власти, которые упоминаются в статье 9 Конституции, существует и четвертая ветвь власти – контрольная, которая осуществляется органами прокуратуры. Эту свою позицию мы можем

обосновать следующими доводами. Во-первых, прокуратуре в Конституции РТ посвящена отдельная глава – глава 9 в которой определяются её основные задачи, функции, компетенция и полномочия. Исходя из этого, как мы отмечали, прокуратура является органом государственной власти имеющее конституционное закрепление. При этом следует обратить внимание на то, что в отличие от ряда постсоветских государств, где правовые формы организации прокуратуры включены в Конституции в главу о судебной власти, в Республике Таджикистан они как было подчеркнуто содержатся в отдельной главе Конституции. Поэтому конституционное закрепление самостоятельной прокурорской власти представляются важными условиями укрепления государственной целостности, эффективности защиты прав и свобод человека, интересов общества и государства. Во-вторых, конституционные положения об органах прокуратуры находят дальнейшее закрепление в конституционном законе «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан», в котором прокуратура определяется как единым централизованным органом, осуществляющий в пределах своих полномочий надзор за точным соблюдением и единообразным исполнением законов на территории Республики Таджикистан – т.е. определяется, что прокуратура является единым надзорным органом в Республике Таджикистан, и призвана быть балансом, уравнивающим исполнение законов всеми органами власти.

Наличие дискуссий относительно места прокуратуры в системе разделения властей уходит своими корнями в советское прошлое. В правовой литературе того, времени разделение властей отрицалось, но при этом отмечалось, что существуют четыре формы государственной деятельности: деятельность представительных органов (государственная власть), исполнительно-распорядительная деятельность (государственное управление), правосудие и про-

курорская деятельность. [2, с. 28; 4, с. 94; 7, с. 23]

Но если первые три формы в постсоветский период трансформировались в самостоятельные ветви власти (законодательную, исполнительную, судебную), то вопрос о прокурорской деятельности как отдельного вида государственной власти остался открыт. Между тем в современной отечественной и зарубежной литературе все чаще обращают внимание на то, что три фундаментальные ветви власти следует дополнить инструментами контроля и сдерживания любой из них и в качестве такого инструмента предлагают использовать органы прокуратуры, которые обязаны устанавливать и принимать меры по устранению любых нарушений законов, от кого бы нарушения ни исходили.

Но в юридической литературе встречаются и диаметрально противоположные точки зрения. Если их сгруппировать, то можно утверждать, что относительно определения места прокуратуры в системе разделения властей существуют следующие позиции:

- прокуратура как звено законодательной власти;
- прокуратура как орган исполнительной власти;
- прокуратура как составной элемент системы правосудия реализующий его совместно с судебной властью;
- не входит не в одну ветвь власти.

Далее кратко обозначим точки зрения ряда авторов по указанным позициям.

Так, В.В. Долежан отмечает, что прокуратура не является самостоятельным органом, а действует по уполномочию и под контролем законодательной власти, представляя собой естественное продолжение осуществления ее функции обеспечения верховенства закона, в связи с чем, прокуратуру следует отнести к системе органов законодательной власти [10, с. 44]. В.Д. Ломовский рассматривал прокурорский надзор как продолжение законодательной функции государства, направленной на обеспечение единства законности и верховенства зако-

на, создание прочной основы для работы всех государственных органов, должностных лиц и граждан, поскольку вел речь о верховенстве прокурорского надзора в системе правоохранительной деятельности [16].

Позволим себе не согласиться с вышесказанными мнениями ученых. Прокурорский надзор признается способом осуществления государственной власти, тем не менее, он не является продолжением законодательной власти, что вытекает из содержания и Конституции РТ, и конституционного закона РТ «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан». Порядок назначения на должность и освобождения от должности Генерального прокурора РТ, осуществляемое Президентом РТ с согласия Маджлиси Милли, его подотчетность Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан, ежегодное или по необходимости предоставление отчета о состоянии надзора за точным соблюдением и единообразным исполнением законов на территории Таджикистана, ни в коей мере не свидетельствуют о подчиненности, либо вхождении прокуратуры в законодательную ветвь власти. Задача всех органов государственной власти является обеспечение законности на территории государства, в том числе парламента страны и прокуратуры. Однако, каждый из указанных органов государственной власти обеспечивает верховенство закона, своими установленными в Конституции способами, которые вытекают из компетенции и полномочий данного органа. Основная задача парламента страны является разработка и принятие законов, чему способствуют и другие органы, в том числе и прокуратура. Однако, прокуратура не может принимать законы, это не является её задачей. Она осуществляет надзор за исполнением законов и если обнаруживает коллизии в законах, то через установленные механизмы лишь предлагает парламенту устранить их. Поэтому отнесение прокуратуры к органам законодательной

власти, на наш взгляд является безосновательным.

Наиболее распространенной точкой зрения, в том числе и в отечественной науке является включение органов прокуратуры в систему органов исполнительной власти. Данной позиции, больше всего придерживаются представители конституционного и административного права. Их позиция обосновывается, тем что надзорная деятельность выступает в качестве одной из разновидностей исполнительно-распорядительной деятельности, которая осуществляется органами исполнительной власти. Так, отечественные исследователи Р. Марифхонов и Дж. Кодиров отмечают, что «суть надзора заключается в постоянном, систематическом наблюдении специальных государственных органов за деятельностью не подчиненных им органов или лиц с целью выявления нарушений законности. При этом оценка деятельности поднадзорного объекта дается только с точки зрения законности, но не целесообразности» [1, с. 104-108]. При этом они различают два вида надзора: прокурорский и административный [1, с. 104-108]. Сущность прокурорского надзора, по их мнению, состоит в действиях прокуроров по выявлению, пресечению, устранению и предупреждению нарушений законов государственными и общественными образованиями. Административный надзор же как способ обеспечения законности и дисциплины представляет собой особый вид государственной деятельности специально уполномоченных органов исполнительной власти и их должностных лиц, направленный на строгое и точное исполнение органами исполнительной власти, коммерческими и некоммерческими организациями, а также гражданами общеобязательных правил, имеющих важное значение для общества и государства [1, с. 104-108].

Существует и ряд других причин, по которым специалисты относят органы прокуратуры, к органам исполнительной власти. Так, по мнению Э.П. Григониса, в связи с тем, что прокура-

тура наделена функциями государственного обвинения в суде по уголовным делам, функцией расследования преступлений, надзора за расследованием, производимым другими следственными органами, то «соответственно этому узкому кругу полномочий прокуратуры и определяется ее сущность в качестве органа исполнительной власти» [8, с. 123]. А.А. Безуглов и С.А. Солдатов пишут: «Прокуратура является органом исполнительной власти, но не входит в систему федеральных органов, подчиненных Президенту и Правительству» [4, с. 803]. М. Барщевский в свою очередь указывает, что «за рубежом прокуратура с точки зрения разделения властей относится либо к исполнительной, либо к судебной власти» [3].

Среди отечественных ученых, кто поддерживает идею о том, что органы прокуратуры являются органами исполнительной власти, является А.М. Диноршоев. Но при этом, он утверждает, что в нынешнем состоянии отнести прокуратуру к органам исполнительной власти весьма проблематично, так как она обладает всеми атрибутами самостоятельной власти. Поэтому он предлагает реформировать систему органов прокуратуры. В частности, им предлагается следующее: включить органы прокуратуры в систему министерства юстиции и передать надзорные функции соответствующим органам государственной власти. При этом Генеральный прокурор должен стать первым заместителем министра юстиции и назначаться Президентом Республики Таджикистан. Основной задачей прокуратуры должно стать представление интересов государства на всех стадиях судебного разбирательства. Полномочия по осуществлению надзора за исполнением законов должно быть передано в ведение Конституционного Суда, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина всеми структурами и должностными лицами, – Уполномоченному по правам человека, надзор за исполнением законов в местах содержания задержанных,

предварительного заключения, при исполнении наказания и иных мер принудительного характера, назначаемых судом, должен быть передан в Управление исполнения наказания министерства юстиции. Что касается осуществления расследований преступлений, то при МВД должен быть создан следственный отдел, который бы и занимался расследованием преступлений. За прокурорами необходимо сохранить лишь право на утверждение обвинительного заключения [9, с. 47].

Из анализа позиции А.М. Диноршоева можно заключить, что им предлагается реформировать органы прокуратуры, по системе которая существует в США, сохранив за прокуратурой, только функцию представления в суде интересов государства и утверждение обвинительного заключения. Данная позиция является весьма спорной. В качестве аргумента против позиции, высказанной А.М. Диноршоева, мы можем привести позицию Н.В. Ерёминой, которая анализируя место прокуратуры в системе разделения и опираясь на международно-правовые акты указывает, что «в вопросе формирования органов прокуратуры, ошибочным является слепое подражание моделям других стран. Органы прокуратуры должны быть организованы с учетом социальной и политической ситуации в стране, а также демократическими правовыми традициями государства, при условии приоритета законности и демократии. Исходя из этого, в международных актах были сформулированы принципы, на которых базируются прокуратуры стран Европы, среди которых: «независимость от полиции, судебной системы, правительства (исполнительной власти)» [11, с. 25].

Действительно представленная аргументация Н.В. Ереминой является обоснованной. Каждое государство имеет свои особенности, в том числе в вопросе формирования органов государственной власти, реализации ими своих функций и полномочий. И если в одном государстве, какая-либо система функционирует правильно, не факт,

что в другой стране данная модель будет функционировать также, в силу иного менталитета, правовых обычаев и традиций, системы законодательства и т.д.

Возвращаясь к вопросу о соотношении исполнительно-распорядительной деятельности и надзорной, хотим подчеркнуть, что это хоть и взаимосвязанные, но все же различные виды деятельности, которые осуществляются органами исполнительной власти. Органам исполнительной власти больше характерна контрольная функция. Говоря же о надзорной функции прокуратуры и ее взаимоотношениях с исполнительной властью, следует отметить, что органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением Конституции РТ, исполнением действующих на территории Таджикистана законов министерствами, государственными комитетами, и иными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти на местах. Этот большой блок в надзорной работе органов прокуратуры является элементом сдерживания исполнительной власти. В этой связи, также считаем, что включение органов прокуратуры в систему органов исполнительной власти не совсем верной.

Третья позиция, которая нами была указана, относить органы прокуратуры к судебной власти. Данная позиция встречается в трудах зарубежных авторов, в Конституциях которых суд и прокуратура объединены в одну главу (например, Россия, Казахстан). В этой связи, ими подчеркивается, что основной целью прокуратуры, прежде всего, является обеспечение интересов правосудия в основном при рассмотрении и разрешении уголовных дел. [18, с. 44]. Другой причиной, по которой прокуратуру относят к судебной власти является то, что он является органом по возбуждению уголовного преследования и поддержанию государственного обвинения [21, с. 46].

На наш взгляд, в данном случае имеет место смешение понятий. Ос-

новой задачей судебных органов является осуществление правосудия, под которым понимается деятельность суда по рассмотрению и разрешению конституционных, гражданских, уголовных административных и экономических (арбитражных) дел, завершающихся принятием соответствующего судебного решения (приговора, определения, постановления). Конституционный закон РТ «О судах Республики Таджикистан» от 26.07.2014 года в статье 5 устанавливает, что правосудие в Республике Таджикистан осуществляет только суд. Никакой другой орган или должностное лицо в государстве не вправе осуществлять эту деятельность и принимать такие решения.

Таким образом, можно заключить, что осуществление правосудия и содействие в его реализации – это разные понятия. Органами, которые содействуют осуществлению правосудия являются все правоохранительные органы, которые входят в систему органов исполнительной власти (милиция, органы безопасности и т.д.) а также адвокатура, которая вообще не является органом власти. Однако, эти органы, которые наряду с прокуратурой осуществляют содействие в осуществлении правосудия не включаются в судебную власть. А раз так, то и отнесение органов прокуратуры к судебной власти является неверной. Прокуратура не выносит приговор, не решает дело по существу, она только одна из сторон которая участвует в судебном разбирательстве.

Относительно четвертой позиции интересной является точка зрения, высказанная О.В. Ворониным. В частности, он отмечает, что «более продуктивным является рассмотрение прокуратуры не в рамках традиционных или вновь придуманных ветвей власти, а как органа, однозначно не принадлежащего ни к одной из них, но в то же время занимающего особое положение в системе органов государственной власти. Традиционные ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная, олицетворяющие собой единую верховную власть и ее разделение, вовсе

не исключают возможность существования иных самостоятельных правовых институтов, к которым относится прокуратура. Имея функциональное отношение к каждой из ветвей власти, прокуратура, тем не менее, в полной мере не относится ни к одной из них. Это специфичное положение в государственном устройстве, с одной стороны, позволяет выступать ей в качестве самостоятельного эффективного элемента системы сдерживания любой из ветвей власти, а также осуществлять различные многочисленные функции, возложенные на неё Законом о прокуратуре» [8, с. 98-101].

По этому вопросу К. Скворцов указывает, что «нельзя согласиться с ныне принятой моделью трех властей. Выработанные государственно-правовой теорией и практикой государственного строительства стереотипы не дают возможности правильно определить место прокуратуры в системе государственной власти. Думается, прокурорская система не должна организационно входить ни в одну из ветвей государственной власти» [20]. Схожая точка зрения высказана казахстанским ученым Г.С. Сапаргалиевым который считал, что Прокуратура Республики Казахстан не относится ни к одной из ветвей государственной власти [23, с. 155-156].

В отечественной правовой науке также существуют сторонники данной позиции. Так, в частности З.Х. Искандаров указывает, что «Сегодня, в соответствии с Конституцией РТ, прокуратура является самостоятельным, независимым, централизованным и единым органом, создаваемым исполнительной и законодательной ветвями власти. Обе ветви власти конституционно признали ее самостоятельность и независимость. Поэтому в Конституции РТ правовые нормы, касающиеся вопросов прокуратуры, помещены в отдельной девятой главе под названием «Прокуратура». Необходимо заметить, что независимая прокуратура может играть значительную роль в деле реализации принципа деятельности самостоятельных ветвей власти: сотрудни-

чество, противовеса и сдержек» [13, с. 65]. И.Т. Махмудов в свою очередь отмечает, что «прокуратура в системе разделения властей занимает самостоятельное место. Этот статус прокурорской власти позволяет ей с гораздо большей эффективностью обеспечивать и защищать права и свободы человека и гражданина. Поэтому прокуратура как независимый орган защищает права и свободы граждан не только по своему функциональному назначению, но и в качестве самостоятельной ветви власти через систему сдержек и противовесов» [17, с. 83].

По данному вопросу высказался и Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон. В своем выступлении на встрече с работниками правоохранительных органов в честь 80-летия со дня образования прокуратуры Таджикистана: он подчеркнул, что «Прокуратура – является одним из важнейших органов в государственной структуре, который не относится ни к одной ветви власти и осуществляет надзор за исполнением закона всеми ветвями власти, предприятиями, организациями, учреждениями и гражданами, обеспечивая единое правовое поле в стране».

Анализ приведенных точек зрения приводит нас к двум основным выводам. Во-первых, следует согласиться с тем, что прокуратура является независимым и самостоятельным органом государственной власти и не входит ни в одну из ветвей власти указанных в статье 9 Конституции РТ. Во-вторых, прокуратура, являясь конституционным многофункциональным органом, призвана быть важным инструментом в системе «сдержек и противовесов» других ветвей власти. Кроме того, она должна способствовать согласованности и скоординированности действий властей, уравнивать их, дабы ни одна из ветвей власти не могла возвыситься над другими и подавлять их. Различие в способах осуществления государственной власти теми или иными органами государства не долж-

но нарушать единство власти. Прокуратура с ее задачами, функциями и полномочиями, осуществляя надзор, как раз и призвана обеспечивать это единство, поскольку противоречия между властями будут носить разрушительный характер.

Но при этом, следует обратить внимание на один момент. Если прокуратура не входит не в одну из ветвей власти, то как определять её место в системе разделения властей. Как отмечают ряд ученых «все ветви власти в совокупности составляют единую систему реализации власти государственными органами. Находиться же вообще вне ветвей власти и одновременно входить в систему государственных органов невозможно» [23, с. 155-156].

Поэтому считаем верной позицию, которая высказана Е.Б. Абдурасуловым о том, что «если рассматривать государственную власть как систему, т.е. совокупность множества элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, то системные элементы единой государственной власти выделяются по тем или иным критериям. В данном случае разделение единой государственной власти проводится по принципу наделения органов государства различными функциями и различной компетенцией по управлению государством. В итоге мы получаем систему разделения и взаимодействия единой государственной власти. Каждый государственный орган, наделённый специфической функцией, относится к той или иной ветви власти. Следовательно, все органы государственной власти должны найти место в этой системе. Если система подразделяется на три ветви власти, то государственный орган должен находиться в сфере трех ветвей единой государственной власти, если же функции государственного органа не вписываются в традиционную систему разделения властей, то нужно говорить о трансформации единой государственной власти на четыре, пять и более ветвей власти. Поэтому формулировка:

«не относится ни к одной ветви власти» - ставит тот или иной орган государства или должностное лицо вообще вне системы органов государственной власти, что совершенно нелогично. Другое дело, что необходимо правильно установить основной профиль деятельности того или иного государственного органа и соответственно отнести его к той или иной ветви власти. А если основной профиль деятельности не «вписывается» в традиционные законодательную, исполнительную и судебную власти, то ответ нужно искать в тех особых функциях, которые занимают самостоятельное место в деятельности государственных органов и являются «несовместимыми с перенесением их на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти» [23, с. 155-156].

Иными словами, прокуратура не входит в триаду ветвей власти, а является самостоятельной контрольной ветвью власти, о чем мы указывали выше. Признание прокуратуры в качестве самостоятельной ветви власти вполне соответствует принципам функционирования правового государства, в котором во всех сферах господствует закон и недопустимы какие-либо его нарушения. Укрепление положения прокуратуры в политической системе предполагает наличие соответствующего правового статуса прокурора, свободного любого давления или вмешательства в его деятельность. Основа такой независимости заложена на законодательном уровне в конституционном законе РТ «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан».

На современном этапе формирования правового государства прокуратура должна стать многофункциональным органом государственной

власти, учреждаемым Конституцией РТ, имеющим особый статус, обусловленный ее специальным назначением по осуществлению государственного надзора за соблюдением Конституции РТ и исполнением законов.

Таким образом, определяя место прокуратуры в системе органов государственной власти, необходимо учитывать следующие факторы:

1. Прокуратура в Республике Таджикистан является самостоятельным государственно-правовым институтом, представляющим собой отдельную, независимую централизованную систему органов государственной власти;

2. Она в полной мере не относится ни к одной из существующих ветвей власти, а выступает в качестве самостоятельной ветви власти, которая наделена элементами системы сдерживания любой из ветвей власти.

3. Особое положение в системе органов государственной власти позволяет прокуратуре осуществлять многочисленные функции, по своей природе характерные для различных ветвей власти. К примеру, осуществление уголовного преследования и координация деятельности иных правоохранительных органов по борьбе с преступностью свойственны органам исполнительной власти. В то время как надзорная функция, на наш взгляд, более присуща представительным органам (по крайней мере, когда речь идет о надзоре за исполнением законов). В свою очередь поддержание государственного обвинения и участие прокурора при рассмотрении судом иных дел призваны, прежде всего, способствовать интересам осуществления правосудия, т.е. достижению целей, стоящих перед судебной ветвью власти.

Литература:

1. Административное право Республики Таджикистан: Цикл лекций. Под ред. к.ю.н. Диноршоева А.М. – Душанбе, 2014. – С. 104-108
2. Арбузкин М.А. Конституционное право зарубежных стран. М.2008; Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. – М., 2014.
3. Барщевский М. Подчинить генеральную прокуратуру Министерству юстиции. // Газета. 2002.

4. Безуглов А.А. Солдатов С.А. Конституционное право России. – М., 2003. – С. 803.
5. Бровин Г.И. О прокурорско-надзорных правоотношениях // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. – М., 1973. – С. 94;
6. Воронин О.В. К вопросу о типе и месте отечественной прокуратуры в системе органов государственной власти // Вестник Томского государственного университета. – 2010. № 339. – С. 98-101
7. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. – М., 1940. – С. 54.; Тадевосян В.С. Прокурорский надзор в СССР. – М., 1956. – С. 23
8. Григонис Э.П. Правоохранительные органы. – СПб., 2001. – С. 123
9. Диноршоев А.М. Конституционные основы разделения властей в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2007. – С. 47
10. Долежан В.В. Проблемы компетенции прокуратуры: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. – М., 1991. – С. 44.
11. Ерёмкина Н.В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе разделения властей. Дисс.. на соиск. уч. ст. к.ю.н. – М., 2009. – С. 25.
12. Искандаров З.Х. Роль прокуратуры в обеспечении прав и свобод человека в досудебной стадии уголовного процесса Республики Таджикистан: история и современность // Правовая жизнь. №4. 2017. – С. 65
13. Кокотов А.Н., Кукушкин М.И. Конституционное право России. – М.: Юристъ, 2003. – 540 с.
14. Комментарии к Конституции Российской Федерации, под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М.: Эксмо, 2010. – 613с.
15. Ломовский В. Какой власти принадлежит прокуратура // Российская юстиция. 2001. № 9.
16. Махмудов И.Т. К вопросу о месте прокуратуры Республики Таджикистан в системе разделения властей // Правовая жизнь. №3. 2013. С. 83
17. Настольная книга государственного служащего / Под ред. В.И. Шатулла. – М.: Норма, 1999. – С. 44.
18. Николаева Л.А. Надзор прокуратуры: Проблемы теории и практики // Прокурорская и следственная практика. 1997. № 2. – С. 84.
19. Становление правового государства в Российской Федерации и функции прокуратуры. Круглый стол // Государство и право. 1994. № 5.
20. Точилковский В.М. О концепции прокурорской власти // Сов. государство и право. 1990. № 9. – С. 46.
21. Фарбер И. Конституционные основы прокурорского надзора в Советском государстве // Советская прокуратура на страже законности. – Саратов, 1973. – С. 28.
22. Шалабаев С.Р. Место и функции прокуратуры Республики Казахстан в системе разделения властей // Международный научный журнал «Инновационная наука» №1/2016. – С. 155-156.

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Азизматзода Х.,
соискатель кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционное судопроизводство; муниципальное право

Научный руководитель: Сафарзода Б.А., доктор юридических наук, профессор

Рецензент: Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: В статье исследуется вопрос о соотношении категории «разделения властей» и «права человека». Автор приходит к выводу, что эти две категории тесно взаимосвязаны и в своей совокупности выступают как элементы правового и демократического государства. Также автор проводит анализ деятельности органов государственной власти формирующих систему разделения властей на предмет их участия в реализации прав и свобод человека.

Ключевые слова: разделения властей, права человека, органы государственной власти, Конституция.

НАҚШИ МАҚМОТИ ҲОКИМИЯТИ ДАВЛАТӢ ДАР ҲИМОЯИ ҲУҚУҚҲОИ ИНСОН

Азизматзода Х.,
унвонҷӯи кафедраи ҳуқуқи инсон ва ҳуқуқшиносии муқоисавии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ихтисоси илмӣ: 12.00.02 – ҳуқуқи конституционӣ; муқоисаи судии конституционӣ; ҳуқуқи мунитсипалӣ

Роҳбари илмӣ: Сафарзода Б.А., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Муқарриз: Диноршоев А.М., доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Фитшурда: Дар мақола муаллиф, масъалаҳои таносуб байни категорияҳои «таҷзияи ҳокимият» ва «ҳуқуқи инсон»-ро зери таҳлил қарор додааст. Муаллиф ба ҳулосае меояд, ки ин ду категория бо ҳам зич алоқаманданд буда, дар маҷмӯи ҳамчун унсурҳои давлати ҳуқуқбунёд ва демократӣ баромад мекунад. Муаллиф инчунин фаъолияти мақомоти ҳокимияти давлатиро, ки ба низоми таҷзияи ҳокимияти давлатӣ дохил мешаванд дар самти таъмини ҳуқуқҳои инсон таҳлил менамояд.

Калидвожаҳо: таҷзияи ҳокимияти давлатӣ, ҳуқуқи инсон, мақомоти давлатӣ, Конститутсия.

THE ROLE OF STATE AUTHORITIES IN PROTECTING HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

Azizmatzoda H.,

applicant of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University

Scientific specialii: 12.00.02 – constitutional law; constitutional legal proceedings; municipal law

Research supervisor: Safarzoda B.A., doctor of legal sciences, professor

Reviewer: Dinorshoev A.M., doctor of legal sciences, professor

Annotation: The article examines the question of the relationship between the category of “separation of powers” and “human rights”. The author comes to the conclusion that these two categories are closely interrelated and in their totality act as elements of a legal and democratic state. The author also analyzes the activities of public authorities forming the system of separation of powers for their participation in the implementation of human rights and freedoms.

Keywords: Separation of powers, human rights, public authorities, the Constitution.

Теория и практика прав человека и разделения властей имеют долгую историю становления и развития. При этом две данные категории имеют тесное историческое переплетение. Обще-признанным является, тот факт, что и права человека, и разделение властей выступали в качестве средства борьбы против абсолютной монархии, что в результате привело к формированию современных представлений о данных институтах.

Как отмечает А.М. Диноршоев «историческое развитие прав и свобод в человеческих отношениях представляет собой прогресс равенства людей в качестве формально свободных личностей. История прав человека свидетельствует о том, что сформировавшиеся в русле естественно-правовых идей представления о прирожденных и неотчуждаемых правах человека лежат в основе и современных положений о правах человека и гражданина, современных концепций о правовом статусе личности, о господстве права и верховенстве закона, о гражданском обществе и правовом государстве» [4, с. 3].

В этом контексте важное значение приобретает вопрос о реализации

прав и свобод, под которым в юридической литературе понимают все направления и виды деятельности по закреплению и обеспечению использования прав; юридическое закрепление всех видов гарантий прав, свобод и интересов; широкую систему охраны и защиты государством, другими субъектами прав граждан, обеспечение их реального использования, борьбы с различного рода правонарушениями; наличие государственного и общественного контроля, направленных на охрану прав и свобод, законных интересов [3, с. 55-56]. Иными словами, реализация прав и свобод во многом зависит от деятельности органов государственной власти. Данный постулат находит свое подтверждение в статье 5 Конституции РТ которая гласит «права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством» [10, с. 3]. Таким образом, Конституция формулирует триаду положений, в рамках которой реализуются права человека, – признание, соблюдение и защита.

Л.А. Нудненко, раскрывая содержание данных положений, отмечает, что «признание прав и свобод человека

и гражданина находит выражение в их официальном – конституционном, законодательном и ином нормативном закреплении. Соблюдение означает выполнение органами государственной власти, органами местного самоуправления и их должностными лицами конституционных норм о правах, свободах человека и гражданина. Защита представляет собой деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, их должностных лиц, направленную на восстановление нарушенных или оспариваемых прав, охраняемых законом интересов граждан» [11, с. 401-402].

Содержание статьи 5 Конституции РТ тесно пересекается с положением, закрепленным в статье 14 Конституции РТ в соответствии с которой «права и свободы человека и гражданина осуществляются непосредственно. Они определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной власти, и местных органов государственной власти и самоуправления и обеспечивают судебную власть» [10, с. 5].

Раскрывая содержание данного положения Конституции отечественные ученые в частности указывают, что права человека имеют тесное взаимоотношение с системой разделения властей, которые в своей совокупности образуют государственную политику в области прав человека. Так, А.М. Диноршоев указывает, что «в соответствии со ст. 9 Конституции РТ государственная власть основывается на принципе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Принцип разделения властей является неотъемлемым признаком правового и демократического государства. Его суть сводится к тому, что законодательные, исполнительные и судебные органы осуществляют функции государства самостоятельно и независимо друг от друга в пределах своей компетенции для обеспечения сбалансированности полномочий и исключения возможности сосредоточения всех полномочий в ведении одного органа гос-

ударственной власти. В то же время органы каждой ветви власти взаимно контролируют и уравнивают друг друга тем, что имеют полномочия, сдерживающие полномочия другой ветви власти. Таким образом, принцип разделения властей является одним из основных условий обеспечения и соблюдения прав человека. В случае если со стороны одной из ветвей власти будет допущено нарушение прав человека, то существуют другие сдерживающие, контролируемые и восстанавливающие механизмы, которыми человек может воспользоваться для восстановления своего нарушенного права» [5].

В свою очередь Б.А. Сафарзода указывает, что «важнейшим направлением государственной политики в Республике Таджикистан является создание эффективных механизмов защиты прав человека» [6]. В их число он включает законотворческую деятельность парламента, полномочия Президента РТ как гаранта прав и свобод человека и гражданина, деятельность Уполномоченного по правам человека и прокуратуры, и деятельность судебных органов [13]. Также, по его мнению, важное значение в реализации прав и свобод человека имеет деятельность общественных объединений, представляющих гражданское общество. Исходя из этого, Б.А. Сафарзода классифицирует данные механизмы на судебные, государственные, не судебные (административные и уполномоченный по правам человека) и общественные [13].

Исходя из изложенных отечественными авторами позиций, мы можем заключить, что эффективное построение системы разделения властей, способствует не только построению демократического государства, выстраиванию баланса между ветвями власти, но и призвано обеспечивать реализацию прав и свобод человека.

Далее кратко остановимся на роли каждой ветви власти в вопросе реализации прав и свобод человека.

Важное место в системе защиты прав человека отводится законодательным органам государства. Как отмечают отечественные и зарубежные авторы, роль парламента в реализации прав и свобод имеет два основных направления. Во-первых, это правотворческая деятельность и во-вторых, механизмы осуществления парламентского контроля за деятельностью органов исполнительной власти.

Как отмечает А.М. Диноршоев «Маджлиси Оли, являющийся представительным и законодательным органом власти в РТ, обладает рядом полномочий, главным из которых являются, конечно же, законотворческие полномочия, так как основным ценностным ориентиром при разработке и принятии законов должны выступать права человека» [5]. В свою очередь, Д.С. Велиева отмечает, что «законодательные органы выполняют свою роль в конституционной системе защиты прав человека, прежде всего, посредством правотворческой деятельности, выражающейся в принятии законов и других нормативных правовых актов, направленных на обеспечение конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина, правового обеспечения создания и функционирования наиболее эффективных механизмов, структур и способов, необходимых для их защиты. Законодательные органы также определяют пределы (меры) свободы, возможности реализации прав и свобод человека и гражданина» [2, с. 347].

О том, что права и свободы человека составляют главную цель правотворческой деятельности парламента, свидетельствует и существующая в Таджикистане практика. Так исходя из техники законодательства в принимаемых нормативных актах указываются цели его принятия, одним из которых является обеспечение и защита прав человека.

Как отмечает З. Ализода «Конституция республики не определяет границы законодательной деятельности парламента, т. е. не определяет те

области, по которым парламента вправе принимать законы. В Конституции страны только говорится о парламенте как о высшем представительном и законодательном органе государства. Исходя из этого, парламента Таджикистана может принимать законы по широкому кругу вопросов» [1].

В этом контексте следует отметить, что принимаемые Маджлиси Оли законы, мы можем подразделить на две группы – общие и специальные. К общим могут быть отнесены нормативно-правовые акты, устанавливающие общие положения относительно реализации и защиты прав и свобод человека, в частности Конституция РТ, Уголовно-процессуальный кодекс, Трудовой кодекс, Гражданский кодекс, конституционный закон РТ «О судах Республики Таджикистан» и т.д.

К специальным следует отнести те нормативные акты, предмет регулирования которых являются непосредственно реализация и защита прав и свобод человека, в частности Законы РТ «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми», «О предупреждении насилия в семье», «О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых», «О социальной защите инвалидов», «О беженцах», «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» и т.д.

Вторым направлением деятельности парламента в сфере реализации прав и свобод человека, является парламентский контроль за деятельностью исполнительных органов. Как отмечает профессор А.С. Автономов, «контрольная функция, присущая всякому парламентаризму, осуществляется в каждой стране, где есть парламента, с известной спецификой. Естественно, реальный объем полномочий парламента конкретной страны в области контроля зависит от ряда факторов, как-то: государственное устройство, форма правления, исторические условия, сложившиеся традиции и пр.» [14].

Парламентский контроль над деятельностью органов исполнительной власти основывается на основе системы сдержек и противовесов, вытекающей из принципа разделения властей. Для парламентского контроля над деятельностью органов исполнительной власти существуют определенные рычаги воздействия. В частности, ратификация и денонсация международных договоров, утверждение социально-экономических программ, утверждение бюджета и т.д. Другой важной формой контроля выступает работа депутатов со своими избирателями. Депутаты рассматривают обращения избирателей, ведут прием граждан, вносят предложения в соответствующие органы государственной власти, местного самоуправления и общественные объединения [9]. Статья 20 конституционного закона «О правовом статусе члена Маджлиси милли и депутата Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан» от 6 августа 2001 г.» устанавливает, что должностные лица государственных органов, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности обязаны, согласно закону, рассмотреть обращения члена Маджлиси милли и депутата Маджлиси намояндагон и о результатах принятых мер сообщить члену Маджлиси милли и депутату Маджлиси намояндагон. Из этой нормы можно сделать вывод, что депутат Маджлиси намояндагон или член Маджлиси Милли вправе обратиться к соответствующим должностным лицам с требованием принять меры по немедленному пресечению обнаружившегося нарушения прав человека. Также они вправе отправлять запросы в различные органы государственной власти, местного самоуправления и общественного объединения по вопросам, входящим в их компетенцию.

Ряд отечественных авторов (З. Ализода, А.И. Имомов, А.М. Диноршоев) рассматривая контрольную функцию парламента указывают на несовершенство механизмов воздействия,

которые предусматриваются в рамках системы сдержек и противовесов. Во многих государствах для реализации контрольных полномочий парламента при нем создается ряд органов, в частности институт Уполномоченного по правам человека и Счетная палата. Эти органы как органы парламента призваны следить за деятельностью исполнительной власти в соответствующих сферах. В Республике Таджикистан эти два органа также сформированы, однако не в виде парламента, а как институты исполнительной власти. В этой связи контрольные функции Маджлиси Оли являются ограниченными [1, с. 7-8] Мы, в данном вопросе частично согласны с отечественными авторами. Принадлежность института Уполномоченного по правам человека и Счетной палаты к парламента на наш взгляд не является основным показателем парламента, так как включение указанных институтов в структуру парламента присуще парламентам государствам. Но с другой стороны действительно нашему парламента необходимо активизировать другие формы парламента и в частности парламента слушания.

В целом Маджлиси Оли РТ как парламента государства активно принимает участие в реализации прав и свобод человека. Во многом от эффективной реализации законодательной и контрольной функции парламента зависит реальное осуществление прав и свобод человека.

В вопросах реализации прав человека главенствующая роль отводится исполнительным органам власти во главе с Президентом страны. Конституция РТ в статье 64 закрепляет, что Президент РТ является гарантом прав и свобод человека. Как отмечают С.М. Салохидинова и М.С. Сулаймонов «статус Президента как гаранта прав и свобод человека и гражданина в значительной степени определяется его местом в системе разделения властей, поскольку как глава государства и исполнительной власти он свои полно-

мочия реализует, путем воздействия на остальные ветви власти» [15]. Далее они отмечают, что «конституционная функция Президента как гаранта прав и свобод человека и гражданина заложена в качестве основы его взаимоотношений с другими органами государственной власти, также призванными поддерживать режим законности в стране» [15].

Реализацию функции гаранта прав и свобод Президент РТ осуществляет как непосредственно, так и через взаимодействие с органами государственной власти путем определения основных направлений государственной политики, правотворчества, участия в формировании и функционировании органов государственной власти.

Являясь гарантом конституционных прав и свобод человека и гражданина Президент РТ обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие государственных органов. В соответствии с Конституции РТ (ст. 64) Президент РТ обеспечивает осуществление исполнительной власти на всей территории РТ и, следовательно, контролировать деятельность этих органов, в том числе и через свой Аппарат.

Согласно ст. 69 Конституции РТ Президент может отменить постановление или распоряжение Правительства РТ в случае его противоречия законам и указам Президента. Эта норма воспроизведена в конституционном законе «О Правительстве Республики Таджикистан». Поэтому если Президент усмотрит в действиях Правительства нарушение закона, определяющего права и свободы человека и гражданина, он вправе применить указанную выше меру. Если Президент РТ сочтет незаконными действия или решения назначенного им руководителя органа исполнительной власти, он вправе освободить такого руководителя от должности либо объявить ему дисциплинарное взыскание.

Также Президент вправе приостанавливать действия актов местных органов власти в случае противоречия

их Конституции РТ, законам, международным обязательствам РТ или в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом. А таким судом является прежде всего Конституционный Суд РТ.

Контроль за соблюдением прав и свобод граждан министерствами и ведомствами возложен непосредственно на Правительство РТ. В этой связи законодательство РТ уполномочивает Правительство РТ отменять акты органов исполнительной власти или приостанавливать их деятельность, применять меры дисциплинарного воздействия, вплоть до увольнения, к назначаемым Правительством РТ должностным лицам (руководители органов исполнительной власти, не являющиеся министрами, заместители министров, члены коллегий министерств и государственных комитетов и др.).

Также важными полномочиями Президента РТ в области прав человека являются решения вопросов гражданства, предоставления политического убежища и осуществления помилования, внесение на рассмотрение Маджлиси намояндагон законопроекта об амнистии.

Подводя итог, следует отметить важную роль, которую занимает Президент РТ в вопросе обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Будучи гарантом прав и свобод, Президент РТ способствует их реализации. Роль Президента страны в гарантировании прав и свобод видится в том, что Президент своими действиями и решениями создает условия, обеспечивающие возможность для наиболее полного их осуществления. Президентские решения при нарушении прав и свобод могут носить как охранительный характер, могут быть направлены на восстановление нарушенных прав и свобод, их защиту, так и представлять собой акт, не связанный с их нарушением и способствующий реализации прав и свобод человека и гражданина в условиях нормальной правовой регуляции.

Судебная власть занимает важнейшее место в системе защиты прав человека. Многие авторы рассматривают судебную власть как обладание в силу закона правоприменительными полномочиями в правовой сфере жизни общества и осуществление этих полномочий в соответствии с процессуальными законами в формах конституционного, гражданского, уголовного, административного, арбитражного (экономического) судопроизводства специальными государственными органами – судами, образующими единую систему органов судебной власти страны, в целях обеспечения законности и правопорядка в стране, охраны от всяческих посягательств на конституционный строй, политическую и экономическую системы права и законные интересы граждан, государственных органов и других организаций [16, с. 42-50].

Статьи 5, 17, 19, 84 Конституции РТ закрепляют приоритетную конституционную цель правосудия – защиту прав и свобод человека и гражданина, т.е. выступают базисом деятельности судебной власти по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина являются принципы, отражающие ее правовую основу и реализующиеся в форме самостоятельной ветви власти, закрепленные в конституционных и нормативно - законодательных актах [5].

Вышеопределенными принципами деятельности судебной власти по обеспечению гарантии прав и свобод человека и гражданина являются: независимость судебной власти; самостоятельность судебной власти; верховенство и прямое действие Конституции страны; законность. Эти принципы являются проводниками юридической сущности, имеют правовые особенности, среди которых можно выделить следующие: самостоятельный статус судебной власти, влияние на обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Каждый из вышеуказанных принципов характеризует судебную власть, отражает ее стороны, но все

принципы направлены на то, чтобы судебная власть, организуясь могла выполнить свое главное предназначение по обеспечению права и свобод человека и гражданина в качестве гаранта достижения названной цели [17, с. 274-279].

Таким образом, судебная защита – одно из необходимых условий правовой защищенности личности, характеризующейся предоставлением лицу широких конституционных прав и наличием эффективного механизма их правовой защиты. Уровень судебной защиты прав граждан рассматривается как основной показатель места судебной власти в обществе, показатель демократичности самого общества [12, с. 187-192].

Судебная система устанавливается Конституцией и Конституционным Законом Республики Таджикистан «О судах Республики Таджикистан». В ст. 84 Конституции РТ говорится: «Судебная власть, является независимой и осуществляется от имени государства судьями. Судебная власть защищает права и свободы человека и гражданина, интересы государства, организаций, учреждений, законность и справедливость.

Судебную власть осуществляют Конституционный суд, Верховный Суд, Высший экономический суд, Военный суд, суд Горно-Бадахшанской автономной области, суды областей, города Душанбе, городов и районов, Экономический суд Горно-Бадахшанской автономной области, экономические суды областей и города Душанбе».

Конституционный суд Республики Таджикистан является органом судебной власти по защите Конституции Республики Таджикистан. Его полномочия указаны в ст. 89 Конституции. Никакой другой суд на территории РТ не имеет право осуществлять эти полномочия.

Суды общей юрисдикции и экономические суды образуют две ветви судебной системы. К судам общей

юрисдикции относятся: Верховный суд РТ, суд Горно-Бадахшанской автономной области, областные, города Душанбе, городские и районные суды, а также военные суды.

Систему судов общей юрисдикции возглавляет Верховный Суд Республики Таджикистан как высший судебный орган по гражданским, уголовным, административным делам, подсудным судам общей юрисдикции. Надзор Верховного Суда РТ за судебной деятельностью в полном объеме распространяется как на общее, так и на военные суды.

Данное положение нашло свое отражение в ст. 21 Конституционного закона «О судах Республики Таджикистан»: «Верховный Суд Республики Таджикистан является высшим судебным органом и осуществляет судебный надзор за деятельностью Суда Горно-Бадахшанской автономной области, судов областей, города Душанбе, военных судов гарнизонов, городов и районов по гражданским, семейным, уголовным делам, делам об административных правонарушениях и иным делам, подсудным этим судам».

Высший экономический суд Республики Таджикистан является высшим судебным органом по разрешению экономических споров и иных дел, рассматриваемых экономическими судами, осуществляет в предусмотренных законом процессуальных формах судебный надзор за их дея-

тельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Исходя из изложенной структуры, судебная власть в Таджикистане осуществляется посредством конституционного, административного уголовного, гражданского и экономического судопроизводства.

Таким образом, среди средств государственной защиты судебная защита занимает особое место, поскольку осуществляется самостоятельным и независимым в системе государственной власти органом правосудия, специально предназначенным для обеспечения своей деятельностью прав и свобод человека и гражданина.

В заключении всего изложенного следует отметить, что реализация прав и свобод человека возможна и эффективна лишь в контексте теории разделения властей, исключающей излишнюю концентрацию власти и гарантирующей гражданам возможность пользоваться всем спектром прав и свобод, закрепленных в Конституции страны. Правовое и демократическое государство должно признавать приоритет прав человека, поскольку в общественном сознании и понимании права и свободы граждан всегда занимали важное место, и органы государственной власти должны быть наделены тем объемом полномочий, который будет способствовать защите прав и свобод человека.

Литература:

1. Ализода З. Становление и развитие института парламента в Республике Таджикистан: конституционно-правовое исследование. Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – С. 25.
2. Велиева Д.С. Защита прав человека в деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16, вып. 3. – С. 347
3. Глущенко П.П., Кикоть В.Я. Теория и практика социально-правовой защиты конституционных прав, свобод и интересов граждан в Российской Федерации: Учебник. М., 2006. – С. 55-56.
4. Диноршоев А. Права человека в истории общественной мысли. – Душанбе. 2013.
5. Диноршоев А. М. Механизмы защиты прав человека. – Душанбе, 2014.

6. Диноршоев А.М. Сафарзода Б.А. Государственно-правовая политика в области прав человека: проблемы формирования и основные направления в Республике Таджикистан // Государствоведение и права человека. № 3. 2016.
7. Диноршоева А. Конституционные основы разделения властей в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2007.
8. Имомов А.И. Ҳуқуқи конститусионии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе 2017.
9. Конституционный закон РТ «О правовом статусе члена Маджлиси милли и депутата Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан» от 6 августа 2001 г.
10. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (с изменениями и дополнениями от 1999, 2003 и 2016 гг). – Душанбе, 2016. – С. 3
11. Нудненко Л.А. Конституционные права и свободы личности в России. – М., 2009.
12. Общая теория права и государства: Учебник для юрид. вузов / Под ред. акад. В.В. Лазарева. М., 1994. – С. 187-192.
13. Сафаров Б.А. Ойев Х.О. Механизмы защиты прав человека и гражданина в Республике Таджикистан (на тадж.яз). – Душанбе, 2013.
14. Парламентское право России. – М.: Юристъ, 1999. – С. 182.
15. Салохиддинова С.М. Сулаймонов М.С. Президент Республики Таджикистан - гарант прав и свобод человека и гражданина / С.М. Салохиддинова, С.М. Сулаймонов // Закон и право (научный журнал). Издательство "Юнити-Дана". – Москва, 2017. № 4. – С. 36-39.
16. Терехин В.А. Самостоятельность судебной власти и независимость судебной власти как гарантия прав граждан // Государство и право. 2010. № 8. – С. 42–50.
17. Федотова О.В. Основные аспекты судебной защиты как гарантии обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Ученые записки Орловского государственного университета. №2 (58), 2014. – С. 274-279

Требования, предъявляемые к статьям соискателей, аспирантов и докторантов для публикации в журнале «Государствоведение и права человека»

Минимальный объем подачи материала – четыре страницы текста, набранного в формате Word.

Параметры набора: 14-й размер кегля, Times New Roman, полуторный интервал, поля: верхнее и нижнее – по 2,5 см, левое – по 1,5 см и правое – по 3,5 см.

К статье обязательно прилагаются:

- 1) рецензия;
- 2) аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков каждая, включая пробелы, точки и запятые);
- 3) ключевые слова (пять — семь основных слов статьи без расшифровки понятий через запятую) на русском и английском языках;
- 4) перевод на английский язык названия статьи;
- 5) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества автора статьи;
- 6) электронный адрес автора;
- 7) указывается научная специальность (код);
- 8) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества научного руководителя автора статьи;
- 9) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества рецензента статьи.

Список литературы указывается в алфавитном порядке. Страницы должны быть пронумерованы. Статьи принимаются в печатном и электронном экземплярах (подписываются автором).

Статьи в обязательном порядке рецензируются членами Редакционно-экспертного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными и специалистами согласно порядку рецензирования рукописей. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации работы (автору сообщается об этом в письменном виде). Гонорар за публикацию статей не выплачивается. Аспиранты имеют право на бесплатную публикацию статей. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами:

- воспроизведение статьи (право на воспроизведение);
- распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение).

Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материала при представлении статьи. В случае нарушения перечисленных редакционных требований материал может быть возвращен автору на доработку. О внесенных изменениях автор обязан сообщить редакции (письмо в электронном виде). При несоблюдении автором предъявляемых требований редакция имеет право отказать публиковать представленный материал с мотивированным объяснением причин отказа.

Ба матбаа 22.12.2017 супорида шуд.
Ба чопаш 25.12.2017 имзо шуд.
Қоғази офсет. Андозаи 60x84 1/8. Ҷузи чопи 28,5.
Супориши № 134. Адади нашр 100 нусха.
Матбааи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
кўчаи Лохутӣ 2.

Сдано в набор 22.12.2017 г. Подписано в печать 25.12.2017 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Усл. п.л. 28,5.
Заказ № 134. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ТНУ
Душанбе, ул. Лахути, 2.